

*Не отрекайся
от меня*

Алекс Речул

Поздравляю всех С НОВЫМ ГОДОМ! Алекс Регул До счастья порой необходим дорасти. К сожалению, чаще всего, дорасти приходится размером пережитых страданий. Иначе можно, не разглядев, пройти мимо, так и не поняв, что именно это твой человек, данный тебе кем-то свыше для достижения наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни. То есть, именно этот человек дан тебе для счастья. А ты, в свою очередь, и есть его счастье.

Не отрекайся от меня

***

Ноябрь

В её доме поселилась Любовь. Поселилась в конце лета и живет уже третий месяц. Тома безумно рада этому факту. Ведь семнадцатилетняя Любонька внесла столько радости и света в жизнь тридцатилетней тёти. С появлением дочки своей старшей сестры, Тома помолодела. И стала чаще улыбаться.

Замужем Тома была почти два раза. Первый брак был недолгим. До тех пор, пока Тома не узнала, что муж её ещё тот ходок. Во второй раз обошлись без ЗАГСа, просто гражданским браком. Второй муж так же был не склонен к верности. Тома зареклась с мужчинами строить планы на долгую совместную жизнь. Обижаться на весь белый свет из-за того, что сама была неразборчива, она не стала. Но и пытаться наладить свою личную жизнь не спешила. А с появлением Любоньки, так и вовсе перестала заниматься самоедством, что ребёночка не успела родить. И хотя Люба была скорей сестрой, чем племянницей, Томе теперь было на кого выплеснуть весь свой нерастраченный материнский инстинкт.

— Любовь, вернись! Я всё прощу! — стоя на балконе, крикнула Тома своей племяннице, когда та вышла из подъезда.

Люба, привыкшая к таким шуткам тёти, остановилась, посмотрела на балкон второго этажа. И улыбнувшись, помахала Томе рукой. После чего поспешила по тротуару на остановку. Чтобы уже через час сидеть в аудитории и внимательно поглощать очередной объём знаний, который в неё, и таких же как она первокурсников, усердно вкладывали преподаватели института.

Тома улыбнулась прекрасному утру и стала, созерцая просыпающийся город, допивать свой кофе.

Её работа была под боком. На первом этаже этого же дома. Тома жила в однокомнатной квартире на втором этаже нового многоэтажного дома на окраине города. А на первом этаже она арендовала помещение и открыла в нём парикмахерскую. Название для которой ещё не придумала. Поэтому на дверях парикмахерской была просто надпись: «Парикмахерская» и режим работы: С 9 до 21. Но зачастую Тома задерживалась на работе. Ведь главное в сфере обслуживания, чтобы клиент был доволен и хотел вновь воспользоваться предлагаемыми услугами.

Себе в помощь Тома наняла молодую специалистку парикмахерского дела Надежду, которая занималась в основном клиентами-мужчинами. А Тома взяла на себя женщин. Но сегодня у Нади выходной и Тома будет обслуживать всех. Не впервой. К тому же Люба

обещала после занятий зайти и развеять своим присутствием грусть-тоску, если такая возникнет.

К вечеру в парикмахерскую пришла Люба. Немного уставшая Тома подмигнула ей в знак приветствия и продолжила обслуживать пожилую клиентку.

— Вот и всё. Теперь я подсушу и готово.

Тома включила фен и стала сушить волосы клиентке, при этом слегка укладывая новую стрижку. Через несколько минут всё было готово и довольная клиентка, расплатившись, ушла.

— Любонька, как дела? Как гранит наук?

— Грызу!

— Зубы только не сломай. Их ремонт сейчас дороже чем учёба в институте.

— Учту! У тебя ещё много клиентов на сегодня?

— Через час женщина подойдёт. Она ещё вчера записалась. И если после неё никого не будет, я в полном твоём распоряжении.

— Тогда я пошла, почитаю лекции, перед ужином.

— Люб, ты меня не жди. Ужинай сама. Я если освобожусь не поздно, с тобой чайку попою.

— Том, ну какой чай? Ты на себя посмотри! Тошная как...

— Без грубостей!

— Как школьница перед единым гос. экзаменом, я хотела сказать! И кстати, такая же бледная! Ты вообще из своей цирюльни выходишь на белый свет посмотреть?

— Выхожу. В прошлый вторник на рынок ездила за курткой. Помнишь?

— Том! Я не про это. Ты, когда отдыхала? Ну, там кино, театр?

— Театр? — Тома задумалась на пару секунд. — А! В девяносто девятом году...

— Стоп! Ты мне ещё про отмену крепостного права начни рассказывать! Том, давай на этих выходных куда-нибудь пойдём? Посмотрим на людей, себя покажем!

— Меня показывать можно только, как средство пытки.

Люба удивлённо посмотрела на Тому. Перед ней стояла весьма красивая стройная женщина. Среднего роста, с очень нежными женственными линиями. Живые серо-зелёные глаза, могли при желании околдовать, наверное, любого мужчину. Они были настолько бездонными, что в них можно было утонуть. Только Тома на мужчин старалась если и смотреть, то более холодным, не таким лучезарным и открытым взглядом, как был у неё сейчас.

Её волнистые светло-русые волосы были средней длины. До плеч. На работе Тома их предпочитала фиксировать заколкой, или стягивать резинкой в хвостик. Но сейчас они были распущены.

Маленький аккуратненький приподнятый носик, тонкие брови и припухшие губки, придавали милому лицу Тома шарм.

— Напрасно ты так! — возмутилась Люба. — Ты очень даже симпатичная. Только более откровенные наряды тебе нужно прикупить, и будешь просто девочка улёт!

Действительно в одежде Тома отдавала предпочтение классическим женским брюкам и строгим блузкам, неброских цветов.

— Девочкой я уже никогда не буду, — без грусти в голосе сказала она, посмотрев на себя в зеркало.

— Ладно, не хочешь девочкой, будешь сексуальной женщиной, разбивающей мужские

сердца.

— Люб, а зачем мне их разбитые сердца?

— Твоя правда! Разбитое сердце лечить надо, а это хлопотно. Не будем разбивать сердца! Будем представителям противоположного пола крутить мозги!

— Зачем?

— Чтоб умней были! — сверкнули голубые глаза Любы.

— Мысль! Как я сама до этого не додумалась. Всё, брысь отсюда! — улыбаясь, Тома стала выпроваживать Любу, — Толку от тебя, как от телевизора! Только мозги замусориваешь! Живо домой! Я тут сама справлюсь, тем более наплыва сегодня не предвидится.

Люба нехотя побрела к выходу:

— Том, ну ты всё равно подумай насчёт выходных.

— Я тебе сразу скажу — не получится! Мой выходной — вторник. А это у тебя день знаний.

— А перенести на субботу, ты не можешь свой выходной?

— Не могу. В субботу обычно много клиентов. Особенно женщин.

— А знаешь почему? — Люба не стала дожидаться ответа и сразу же ответила на свой вопрос. — Потому что по субботам женщины ходят в рестораны, театры и тому подобные общественные заведения!

— Да! Но ходят они туда со своими мужчинами! А это значит, что мне не стоит даже напрягаться, поэтому повод!

Люба встрепелась.

— О! Кстати! А куда делся наш Эдуард Альбертович? Что-то давненько он тебя никуда не приглашал? Что, и его отшила? Нормальный же вроде мужик. Машина неплохая. Одевается хорошо. С виду вроде не идиот. Да, и на обезьяну непохож. Что ты с ним сделала? Неужели обидела такого хорошего человека, и он в слезах побрёл прочь от тебя? И теперь ты раскаиваешься и поэтому мне не признаёшься?

— Так! Товарищ племянница, а тебе не кажется, что много вопросов задаёшь?

— Не поверишь, не кажется!

— Брысь отсюда! Иначе я тебя, — Тома схватила полотенце и угрожающе стала им размахивать перед отступающей, но всё ещё улыбающейся Любой.

— Всё! Всё, поняла! — и Люба выскочила за дверь. Но буквально через пару секунд дверь приоткрылась, и за ней вновь показалось весёлое юное личико. Голубые глаза блестели ещё сильнее. На тоненьких губах играла улыбка. И лишь собранные в косу длинные светло-русые волосы, мирно лежали на плече девушки. — И всё-таки разговор, я считаю, не закончен!

В сторону Любы полетело полотенце. Дверь с грохотом закрылась. Тома улыбнувшись, подошла к лежащему на полу полотенцу и подобрала его. Но не успела она отойти от двери, как та распахнулась и явила взору высокого брюнета с глазами тёмной бездны.

— Работаете?

— Да, конечно. Проходите.

Парень прошел в зал и присел в предложенное кресло.

— Надежды нет?

— Нет. К сожалению, у неё сегодня выходной. Если хотите Вас подстричь могу я.

— Хочу.

Тома накинула на широкие плечи клиента накидку и провела рукой по его почти чёрным волосам.

— Как будем стричь?

— Состригите всё лишнее.

Тома невольно улыбнулась:

— Рискованный Вы. Такую неточную задачу передо мной ставите.

— И всё же, я настаиваю.

— Хорошо. Тогда я уберу на висках и затылке. А здесь, — Тома указала на чёлку, — рекомендую снять совсем немного.

— Согласен. Стригите.

И Тома принялась за работу. Но спустя пару минут тишины не выдержала и по привычке, которую выработала с клиентами-женщинами, заговорила:

— У Вас мягкие волосы. Говорят, какие на ощупь волосы такой и характер.

— Это если меня против шерсти не гладить, я мягкий.

— Люди вообще не любят, когда их пытаются переделать, — тут же нашлась с ответом Тома.

— А с годами это чувство только усиливается.

— Да. Но Вам, в силу юного возраста, ещё рано об этом беспокоиться. Все ожоги у Вас ещё впереди.

— Оптимистичное заявление.

Мужских тонких губ едва коснулась грустная улыбка. Почти усмешка. Коснулась и исчезла. Лицо вновь стало серьёзным. Сосредоточенным. Но, не смотря на это, выразительные карие глаза, хотя и выглядели усталыми, всё же прожигали душу Тома. Которая так близко стояла от этого внезапно возникнувшего источника внутреннего резонирующего колебания.

— А жизнь она вообще... очень весёлая штука, — осеклась речь Тома.

— Чего же Вы тогда так редко улыбаетесь?

— Извините. Забыла.

Тома, посмотрев в зеркало, увидела глаза клиента и улыбнулась, но лишь на миг. Поскольку сразу же вернулась к своей работе и продолжила стричь.

Однако от неё не скрылось, что парень неотрывно наблюдает за её отражением в зеркале. Не желая больше с ним встречаться взглядом, Тома, прилагая усилия, достригла и сняла с его плеч накидку.

— Так Вас устроит?

— Теперь стало гораздо лучше. Сколько с меня?

Тома назвала сумму и отошла в сторону. Парень поднялся с кресла, извлёк из портмоне денежные купюры и положил их на рабочий стол перед зеркалом:

— Спасибо.

— Приходите ещё, — машинально произнесла Тома.

— Обязательно.

Сказал и вышел.

А Тома стала наводить порядок вокруг кресла.

***

Декабрь

Сегодня был относительно не загруженный день. Тома вечером ушла пораньше.

Надежда обещала, что в случае если не будет справляться, позвонит.

Так и произошло.

— Алло, Том, пришла Ольга Викторовна, хочет, чтобы её обслуживала ты. Подойдёшь?

— Буду через пару минут! — Тома поднялась с кресла и пошла на кухню, где Люба с двумя однокурсницами и ещё одним однокурсником готовились к экзамену. — Любонька, я на работу.

— Ладно! — Люба оторвалась от книги и с грустью добавила, — А мы, наверное, ещё пару часиков позанимаемся.

— Занимайтесь! Ты только чай с бутербродами не забывай. Твои гости, — Тома обвела взглядом однокурсников Любы, — хоть и учиться сюда пришли, но питаться тоже должны. На пустой желудок, в голову мало что можно вложить.

— Не переживай, Том! Сейчас решим задачку и будем чаем обмывать победу.

— Это мне нравится. Всё, я ушла!

Тома накинула кофту, выскочила из квартиры и стала быстро спускаться по ступеням. Но выйти ей не удалось. Путь преградила парочка, которая поднималась вверх. Тома остановилась и решила пропустить влюблённых. А она решила, что они именно влюблённые, поскольку худенькая, рыжеволосая девушка льнула к высокому парню и преданно на него смотрела своими большими зелёными глазами. Парень, улыбаясь что-то тихо рассказывал, но когда заметил Тому, притихшую у стены, тоже немного замешкался и их взгляды встретились.

Он её узнал первым.

— Добрый вечер.

— Добрый, — увидев его темные глаза, Тома узнала в нём того самого клиента.

Девушка ничего не сказала и Тома, смутившись окончательно, поспешила вниз. Парень на Тому ещё пару раз посмотрел, но продолжил путь вверх, сопровождая свою молоденькую, юную подругу.

Почему-то эта встреча Томе не понравилась. Она стригла Ольгу Викторовну, а сама думала о том, что высокий брюнет, наверное, уже давно довел девушку до квартиры. Что они уже вошли в квартиру, и там... Дальше её мысли путались. А злость росла. Злость на себя. Злость на то, что вообще думает об этом.

«В конце концов, он слишком юн для меня!

А для той девочки в самый раз».

Но явные факты требовали опровержения!

А его не было.

И Тома почему-то продолжала думать об этой встрече.

— Всё, Ольга Викторовна. Готово.

— Спасибо, моя дорогая! Цены у вас не поменялись?

— Нет. С Вас столько же, сколько и в прошлый раз.

Довольная постоянная клиентка, оплатила труды и ушла. А Тома осталась на работе. Возвращаться домой она не хотела. Спустя полтора часа, когда обслужен был последний клиент на сегодня, Тома закрыла дверь парикмахерской на ключ и побрела домой. Больше всего она не хотела сейчас вновь столкнуться с тем парнем.

Быстро Тома дошла до квартиры, открыла дверь и оказалась дома. Свет горел в комнате. Смех и музыка, подтверждали, что молодёжь переместилась туда. Не хотелось Томе смущать гостей Любы своим возвращением, поэтому она тихонько прошла на кухню. Потянулась к

включателю, чтобы включить свет. Щелчок. И она остолбенев увидела того самого парня, которого видеть не хотела. Но увидела и ахнула.

— Я напугал? Прошу прощения, — его спокойный, уверенный голос Тому встревожил ещё больше, чем столь неожиданная встреча.

— А что здесь происходит?

— Я кофе пью.

— В темноте? Один?

— Да. Так лучше виден город из окна.

— Я извиняюсь за вопрос, Вы кто?

Он поставил кружку с кофе на стол.

— Меня зовут Дима. И давай сразу на «ты»?

«Понятное дело, на «ты»! Не хочешь мне намекать на мой возраст? Из деликатности мне «Вы» говорить не желаешь?... Парадокс! Ну ладно. Шут с тобой! Я тоже «Выкать» тебе не буду, юноша!» — зло подумала Тома.

— Откуда ты взялся, и почему тут пьёшь кофе?

Почему-то Тома стала отступать в сторону коридора.

— Я друг Любы. Она меня впустила. Не бойся меня.

— Я-то как раз не боюсь. Я у себя дома.

— Тогда тем более, не уходи, — Дима прошел мимо Тома и взял чистую кружку, стоящую у раковины, — Хочешь кофе?

Невольно у Тома вырвалось:

— Хочу.

Дима налил из турки свежесваренный кофе в кружку и протянул Томе. Она медленно приняла её.

— А ты быстро освоился, — заметила она.

— Не так быстро, как могло показаться. На приготовление кофе у меня ушел почти час.

— Всё равно, быстро, с учётом того, что ты первый раз в этой квартире.

— Первый раз. А ты сестра Любы?

— Почти.

— Вы вдвоём снимаете квартиру?

— Правильней сказать, мы с ней вдвоём здесь живём.

— Тебя зовут Тамара?

— Тамара.

— Не удивляйся, я твоё имя запомнил ещё в парикмахерской, когда приходил в позапрошлый раз стричься.

— Ясно.

— В прошлый раз меня стригла ты. Помнишь?

— Кажется, припоминаю тебя, — слукавила Тома.

Дима взял свою кружку с кофе и сделал медленный глоток, смотря пристально на Тому. Она вновь не выдержала его взгляда и, отступив к окну, стала смотреть на улицу.

— Вид красивый, — тихо произнёс Дима. — Но вот так гораздо лучше.

Одним щелчком выключателя он погрузил кухню в темноту. Подошел к окну и, стоя у Тома за спиной, тоже стал смотреть в окно.

— Я люблю смотреть на город. Особенно когда идёт дождь или снег. И чтобы обязательно была ночь. Или глубокий вечер. Тебе нравится?

— Нравится, — сдержанно призналась Тома, но отошла от парня.

— Я живу в соседнем доме, — Дима как-то просто взял Тому за руку и притянул обратно к себе, — Вон в том подъезде, — указал он на третий подъезд девятиэтажный дома. — Как раз напротив твоих окон. Но только на пятом этаже. Вон там. Видишь?

— Вижу, — смущённо произнесла Тома.

— Окно с жалюзи, это кухня, а левее моя комната.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — теряясь в догадках, спросила Тома.

— Когда будет лить дождь, посмотри в моё окно... и увидишь меня, — почти шепотом произнёс Дима над ухом Тома. Она отдернула странные мысли, но сбросить наваждение не удалось.

— Дима, тебе не кажется, что ты увлёкся? — возмутилась Тома, отстраняясь от парня.

Дима выпустил её, и глубоко вздохнул.

— Я никогда не увлекаюсь.

— Весьма прискорбно! Жаль твою девушку. Судя по всему, у неё на тебя большие планы.

— Ты о ком?

— Ну, как же! Та девушка, что встретила сегодня мне в твоём сопровождении. Я говорю о ней.

— А! Ты про Верочку? — оживился Дима.

— Возможно, про Верочку. Имени её я не знаю.

— Вера, хорошая. Я её даже люблю... где-то в глубине души. Но она не моя девушка.

— Да мне всё равно, какие у вас отношения! И вообще, шел бы ты домой. И Веру с собой забирай. Пришёл, хозяйничает у меня на кухне! Про любовь свою рассказывает! Зачем тебя вообще впустила Люба?

Тома не видела его смеющихся глаз.

— Что за шум? — раздался голос Любы из коридора. Через мгновение, на кухне вспыхнул свет, освещая Диму и Тому, стоявших напротив друг друга у окна, — Привет! Вернулась? Очень хорошо. Мы уже закругляемся. Девчонки одеваются. Игорь тоже.

— А Верочка? — спросил Дима у Любы, при этом неотрывно наблюдая за серозелёными разгневанными глазами Тома.

— Она же у нас копуша! — бодрым голосом пояснила Люба. — Можешь не спешить. Она ещё минут пять будет одеваться.

— Хорошо, я тогда успею кофе допить и кружку вымыть.

— Кружку можешь не мыть! — резко возразила Тома. — Гости у меня посуду после себя не моют.

— Как скажешь.

Дима улыбнулся, допил кофе. Передал пустую кружку Томе в руки и вышел из кухни. Люба последовала за ним. А Тома, молча, подошла к раковине и опустила в неё две кружки. Его. И свою с недопитым кофе. Включила горячую воду и подставила под струю немного дрожащие руки.

А там, в коридоре, шумная толпа собралась и, подшучивая друг над другом, вырвалась из квартиры. Дверь с грохотом закрылась. Тома вздрогнула. И наступила тишина.

Через четверть часа вернулась Люба.

— Ух! Хоть бы, завтра мы сдали этот экзамен. И наконец, закрыли сессию.

— Я тоже на это надеюсь. Люб, а почему Дима с вами не учил? Он что не с вами учится?

— Нет! Он брат Веры. А Вера учится с нами. Димка просто её сопровождал. Ему было скучно, и он увязался за сестрой.

— За сестрой... Ах, вот оно что, — на душе стало почти хорошо. — А Вера местная?

— Нет. Она приехала из... какой-то деревеньки, что неподалёку. Я название забыла.

— И Дима, тоже приехал из деревни?

— Наверное. Но он давно здесь живёт.

— Они снимают квартиру?

— Да. Где-то неподалёку от нас. Я к Вере в гости ещё не ходила. Поэтому не знаю, где конкретно.

— А брат её тоже учится?

— Нет. Он работает. Но где я не знаю.

Тома запрещала себе задавать терзавший её вопрос, но ослушалась и всё же произнесла, разрушая надежду неведенья:

— А сколько ему лет?

— Двадцать три. Будет.

«Ах, как жаль...»

Но вслух Тома ничего не сказала и пошла в душ.

***

Январь

— Работаете?

— Да-да! Проходите! Я буквально пару минут и займусь Вами... — невольно Тома отвлеклась от клиентки, которую заканчивала подстригать и посмотрела в сторону вошедшего.

— Привет, Тома.

— Дима?

— Не спеши. Я подожду.

Как не старалась Тома продлить работу с клиенткой, чтобы успокоиться, всё равно через несколько минут, та ушла. И теперь перед Томой сидел Дима.

Сидел и смотрел изучающим взглядом на её отражение в зеркале.

— Как стричь?

— Как в прошлый раз.

— Хорошо.

Тома провела по его мягким волосам рукой, проверяя их длину. И приступила к работе. На этот раз первым заговорил он:

— Как праздники провела?

— Нормально... Люба 30-го уехала домой. Приехала 4-го. Рождество праздновали вместе.

— А новогоднюю ночь, где ты была?

— В гостях.

— Я так и подумал. Свет у тебя не горел.

Тома не хотела рассказывать, что пришла с работы домой за час до Нового года. Приняла душ и отправилась смотреть телевизор. Но до боя курантов не досидела. Уснула, так и не откупорив шампанское. И даже фейерверки, что взрывались под окнами в полночь,

её не подняли. Она их слышала, но смотреть на них не захотела. Укуталась плотней пледом и продолжила спать.

— А ты как встретил Новый год? — пытаюсь отвлечь Диму от пристального наблюдения за её отражением, спросила Тома.

— Ко мне гости приходили.

— Гости — это хорошо.

Тома встала с другой стороны и продолжила стричь, но неожиданно свет в парикмахерской погас.

— Этого ещё не хватало! — возмутилась она.

— Может, скоро включат? — спокойно произнёс Дима.

— Подожди, я найду сотовый и подсвечу им, — Тома достала телефон и немного осветила его экраном помещения. — Интересно, это только у меня или во всём доме? Посиди, я посмотрю, как там у других.

Она оставила Диму и вышла из парикмахерской на улицу. Света не было только у неё.

— Дима, не повезло тебе. Света нет только у меня. Я пойду, посмотрю, что там со счётчиком и вернусь. Может, просто тумблер защиты сработал.

— Подожди! — резко остановил её Дима. Он поднялся с кресла и подошел к Томе. — Я тебе помогу. Где у тебя счётчик?

— Около входной двери.

— Возьми меня за руку. И веди.

— Дим, может, ты всё-таки здесь подождёшь?

— Веди! — требовательно произнёс он, взяв Тому за руку.

И она повела его к выходу. Дима крепко держал её руку. Тома чувствовала тепло идущее от чужой руки. И хотя тепло это ей нравилось, она ему сопротивлялась. Опасаясь нуждаться в нём.

Подойдя к счётчику, Тома осветила его экраном телефона, и обнаружила, что действительно сработала защита. Она попыталась потянуться к счётчику, чтоб включить тумблер, но Дима, перехватив её руку, не позволил этого сделать:

— Куда ты лезешь? А вдруг было короткое замыкание? Пожар хочешь устроить?

— Нет, конечно, не хочу.

— Тогда не лезь! Завтра я с напарником приду к восьми и, проверив проводку на замыкание, восстановлю тебе электричество.

— А как же тебя достричь?

— Не знаю, — он стоял сзади Тома и продолжал её держать за руки. — Может, к себе домой пригласишь и там дострижешь?

Это предложение ей не понравилось. Она его даже испугалась. Но потом успокоилась, подумав, что Дима всего лишь клиент, и она вынуждена так поступить. В конце концов, своим согласием она не нарушает данное себе слово, не приводит мужиков в свой дом.

«Дима клиент. Просто клиент. И всё!»

— Хорошо... Пошли.

Когда они вошли в квартиру, и Тома обнаружила, что Любы нет, она даже растерялась:

— Странно... Любы нет. Но она скоро вернётся! Она вообще-то домашняя девочка.

Дима на её слова промолчал. Он-то знал, что Люба с Верой и с остальными девчонками, сегодня умчались в кино. Дима даже знал, в какой кинотеатр и на какой фильм они пошли. Более того, он знал, какие у них места по билетам. Ведь именно он покупал те

самые билеты на всю шайку-лейку подружек. И именно он, с невинными глазами, подсунул билеты своей сестре. Вера с радостью пригласила подруг в кино, и теперь Дима был уверен, что Люба появится в квартире никак ни раньше девяти часов вечера. А это означало, что у него ещё есть, как минимум, час, на то, чтобы побыть с Томой наедине.

А устроить небольшое замыкание для специалиста, знающего, что помимо плюса и минуса в розетке, при желании, можно найти и ноль, вообще проблемы не составило.

— Разве без Любы ты меня не сможешь достричь? — спросил Дима, обнажая Тому пристальным взглядом.

— Я не об этом! Проходи в ванную комнату. Я сейчас подойду.

Дима прошёл в указанном направлении и стал изучать обстановку. Только женские средства гигиены. Никаких мужских гелей для душа.

Вскоре появилась Тома, с новой накидкой на плечи и табуреткой, принесённой с кухни.

— Присаживайся.

Он повиновался. На его плечи легла накидка и Тома, достав из кармана фартука ножницы, продолжила стричь. Пространство ванной комнаты позволяло Томе относительно комфортно перемещаться, чтобы спустя минут десять завершить процесс. Один нюанс лишь не устроил клиента. Зеркало было высоко. И Дима, развлекая себя, при первой же возможности старался заглянуть Томе в глаза. Её это нервировало, но она всё же, закончила его подстригать в самые короткие сроки.

— Всё. Готово. Можешь вставать, — Тома аккуратно сняла с его плеч накидку. — Зеркало на стене.

Дима встал и посмотрел на себя.

— Мне нравится. Спасибо. А тебе нравится?

Тома кашлянула в кулак, но ответила:

— Нравится. Оплата завтра. А-то ещё неизвестно, кто кому будет должен после того, как ты вернёшь мне свет.

— За свет не переживай. Я его восстановлю. Это не проблема. А деньги с тебя я брат не собирался.

— Но ведь ты придёшь не один, и твоему напарнику я в любом случае буду должна.

— Нет, ему ты ничего не будешь должна. Только мне.

— Ты же сказал, что деньги брат с меня не собираешься.

— Деньги нет. А оплатить придётся.

Тому накрывала волна возмущения. Она пристально посмотрела Диме в глаза.

— И в чём оплату принимаешь?

— В улыбках, — серьёзно произнёс он.

Тома подавила кашель и перевела взгляд на пол.

— Ладно. Разберёмся позже. Выходи.

— Тома, не могла бы ты выйти сама? У меня что-то шея чешется. Я хочу снять майку и стряхнуть её от волосков, которые раздражают мне спину.

— Конечно, — и Тома выскочила из ванной комнаты, поскольку Дима как-то не очень ждал, когда она выйдет и начал раздеваться, ещё до того как закончил говорить.

Однако спустя минуту он так и не вышел. А ещё через минуту Тома поняла, Дима принимает душ. Возмущаться было бесполезно.

«Ну, не вторгаться же к нему?»

Тома прошла на кухню и, успокаивая себя, стала смотреть в окно. Готовить чай или

кофе для себя она не стала, поскольку не хотела, чтоб ей в компанию навязался Дима.

Спустя бесконечность он вышел из ванной комнаты. Брюки были на нём... но только они. Майки не было. И теперь голый торс молодого красивого тела обнажал тоску Тома по мужской ласке.

— Тома, полотенце дашь? — его голос звучал, как всегда, спокойно. Невинно. И это раздражало, ещё больше.

От неожиданности столь интимного зрелища Тома растерялась, а когда собралась с мыслями, отвела взгляд от его груди и пошла в комнату за полотенцем. Дима пошёл следом. Молча, он стоял у Тома за спиной, пока она выбирала полотенце. Достав подходящее из шкафа, она обернулась и протянула его Диме.

Медленно он взял махровую ткань. И стал вытираться прямо перед Томой. Выдержать такое было невозможно и она, затаив дыхание, отошла в сторону.

— Спасибо, — возвращая полотенце, спокойно поблагодарил Дима.

И после того как Тома приняла влажное полотенце, парень развернулся и ушёл в ванную комнату за своей майкой. А Тома так и продолжила стоять посреди комнаты.

— Тома! Ты меня угостишь кофейком? — крикнул Дима из коридора.

— Нет!

Он вернулся и, облокотившись о дверной косяк, уточнил:

— А чайком!

— Так! Быстро собирайся и проваливай отсюда! Мало того, что тебя подстригла в домашних условиях, так ты ещё без спроса душ у меня принял, и после этого хочешь, чтоб ещё и кофейком тебя угостила! Не много ли чести?

— Ой! Тома, а ты грубиянка, — улыбнулся он.

— Иди, одевайся!

— Иду.

Дима развернулся и ушел. Когда вернулся, был уже одет. И не только в майку. В прихожей он отыскал свою дублёнку и, одев её, показался на глаза взволнованной Томе.

— Дверь за мной закроешь?

В ответ она кивнула и пошла к входной двери. Он молчал, пока обувал свои утеплённые ботинки, а когда выпрямился, то сделал шаг в сторону Тома и тихо произнёс:

— Жаль, конечно, что в этом доме я могу рассчитывать лишь на тот кофе, который сам себе готовлю.

Тома хотела возразить, но Дима улыбнулся и нежно провёл ладонью по её щеке.

— До завтра. Ровно в восемь, мы будем у тебя в парикмахерской.

Она опять хотела хоть что-нибудь сказать в ответ на его уверенный голос, но Дима уже повернулся к двери, открыл её и вышел. Тома видела его ещё пару секунд, а потом только слышала, как он спускается по ступеням.

Дверь она закрыла лишь, когда услышала, как хлопнула дверь за Димой в подъезде. Закрыв дверь в квартиру, выругалась на себя и пошла, убирать состриженные волосы, которые всё ещё лежали в ванной комнате на полу.

Дима, как и обещал, на следующий день, ровно в восемь утра, в компании напарника, одетого в такой же синий строительный комбинезон, как и у него, пришёл в парикмахерскую. Парни быстро восстановили электричество и, не говоря лишних слов, ушли. Тома, была растеряна, но добиться от них стоимости услуг, так и не смогла.

***

Февраль

А и не было ничего.

Тома работала. Его не видела. Стала понемногу успокаиваться и забывать всё, что было. И чего не было, но о чём мечтала в тайне.

Лишь только Люба, периодически своими рассказами выбивала из колеи.

— ...и тогда мы пошли к Вере. У Димки хороший музыкальный центр и мы его погоняли.

— Кого? Диму? — услышав его имя, Тома пожалела, что рассказ Любы слушала невнимательно.

— Нет! Музыкальный центр.

— А...

— А потом пришёл Димка с работы и выгнал нас из своей комнаты. И выругал за то, что его вещи трогаем без прося. Мы обсмеяли его, что ведёт себя, как строгий родитель и ушли.

— А где же Дима работает?

— На стройке.

— Но живут они с сестрой в съемной квартире?

— Да.

— В двухкомнатной?

— Ну, да.

— Оплачивать её помогают их родители?

— Нет. Димка сам её оплачивает. И ещё сестре деньгами помогает.

— А родители им не помогают?

— По-моему, нет.

Тома запрещала себе что-либо ещё про него спрашивать.

«Мало ли, что может обнаружиться?

Да и Люба, имея пытливым ум, в ответ стала бы задавать неудобные вопросы».

И Тома решила, не спрашивать больше ни о чём.

В конце концов, какое ей дело до этого парнишки?

У него не может быть интереса к ней.

Значит, и ей нечего думать о нём!

Но всякий раз, когда Люба рассказывала о друзьях, Тома внимательно слушала. Вдруг проскочит его имя. А Люба, сама об этом не подозревая, устраивала регулярно «пытки» для Тома.

Но когда шел снег или лил дождь, Тома зачем-то стала подходить к окну и смотреть в темноту чужих окон... Его окно она видела, но никого в нём разглядеть не могла. Слишком далеко.

«Ну, ни бинокль же покупать!?»

И злясь, Тома заставляла взять себя в руки, и отойти от окна. Иногда это удавалось. Чаще от окна её могла отогнать лишь необходимость лечь спать. Но сна, после подобного созерцания неизвестно чего, дожидаться было трудно. И ворочаясь в холодной постели, она ещё долго думала, о том, что соскучилась... по всему. По жизни. Яркой, эмоциональной. И пусть даже непутёвой и беспутной. Но жизни!

Когда она была моложе лет на десять, она могла и делала глупости. Хорошие, добрые глупости. Влюблялась до одури. Обворожительно улыбалась, кому хотела понравиться. И даже могла просто прикасаться к тому, кто, сверля восторженным влюблённым взглядом,

выпрашивал ласку. Выпрашивал, получал и возносил Тому в мир нереальной значимости всего происходящего с ней. Она верила и доверяла. Широко открытыми глазами любясь и восхищаясь жизнью. А когда в весёлой, подвыпившей компании, её просили спеть, а пела она хорошо, с душой, с надрывом, она под аккомпанемент гитариста Яшки, начинала свой концерт всегда с одной и той же песни. Припев которой, благодаря Томе, знали все в общепитии. Все ей и подпевали:

«Хочу любить, хочу страдать,
Хочу любить, хочу гулять.
Мне всё равно, что ты, что я.
Пропасть с тобой, моя судьба».

Именно эта песня подарила Томе второе имя — Цыганочка. Хотя на цыганку она совершенно не была похожа. Светло-русые волосы, живые серо-зелёные глаза. И всегда бледненькая. Но из-за этого контраста с представителями цыганской нации, институтское прозвище ещё плотнее прирастало к ней.

Она тогда умела любить. Преданно, самозабвенно.

А теперь уже не хотела страдать. Поэтому стала чрезвычайно избирательно относиться к мужчинам, которым позволяла к себе прикасаться. Эдуард Альбертович, Эдик, уже давно питавший к ней глубочайшую симпатию, не вызывал отклика в её желаниях и мечтах. Он был просто Эдик. Друг из прошлой жизни. Но после развода Тома с первым мужем, Эдик захотел стать её мужем номер два. На тот момент Томе было не до таких плотных отношений и Эдик сам собой ушел в сторону. А через пару лет появился Валера. Но и он не задержался в жизни Тома надолго.

И тогда на правах старого друга, вновь возник Эдик. Тома его не прогоняла, поскольку на этот раз он стал вести себя более сдержанно и не тащил её в постель так активно. Позволяя привыкнуть к себе в новом образе — друг с далеко идущими планами. Однако у самой Тома не было этих самых планов. На Эдика, по крайней мере, точно не было. А вот Дима мучил своим присутствием в мыслях. И снег, и дождь, и ночь. Все вместе. Как сговорившись, магнитом тянули Тому к окну. Чтобы там, стоя в одиночестве, мыслями быть не одной.

***

Был вторник. Её законный выходной.

Тома перестирала, всё, что скопилось на тот момент в корзине для белья, сделала уборку во всей квартире. И после того как всё блестело и сияло, переоделась и отправилась в магазин за продуктами. Сегодня ей захотелось побаловать Любу домашними котлетами. Необходимые ингредиенты можно было купить в супермаркете, что был в десяти минутах ходьбы от дома. И хотя идти с сумками далековато, Томе захотелось совершить этот променад.

«Люба права, я очень мало бываю на свежем воздухе. Всё время в помещении. Работа — дом. Дом — работа. Иногда в этот список попадал банк и магазин, которые находятся в этом же микрорайоне. Наверное, всё-таки был смысл взять в аренду помещение под парикмахерскую не так близко от дома. А то уж совсем замкнутый круг.

И нет явных причин покинуть... эту карусель».

Тома стала вспоминать, как давно она была в городе. Не галопом в ближайший магазин, находящийся в минуте ходьбы от её подъезда, а хотя бы в том супермаркете, до которого нужно идти десять минут и до которого она уже почти дошла. Но вспомнить, так ничего и не

смогла. Все отчеты о своей деятельности Тома отправляла в электронной форме. Платежи тоже. Наличку переводила на карточку в отделении Сбербанка, которое находится в соседнем доме. Получалось, кружилась Тома между трёх многоэтажных зданий.

Единственным человеком, который её вырывал из этого убийственного умиротворения, был Эдуард. Но он давно не звонил. А Тома ему вообще никогда не звонила. К тому же, последняя их встреча закончилась плохо. Эдуард в тот вечер был взволнован. Как он пояснил, проблемы на работе. Тома попыталась перенести встречу. Он взбунтовался и сказал, что мужчина не обязан всегда быть приятным. Эдуард всегда начинал вечер с Томой с ресторана. Когда они подъехали, вместо того, чтобы спокойно дойти до ресторана и поужинать, он схватил Тому и стал прямо в машине её раздевать.

С треском разлетелись застёжки на блузке. И юбка предательски решила ретироваться вверх под натиском агрессора. Тем ни менее, полного обнажения удалось избежать. Тома оказала сопротивление, и даже укусила Эдуарда. Как ей показалось за ухо. Дать хорошую пощёчину она не смогла из-за ограниченного пространства салона автомобиля. А без должного размаха эффект был не тот.

А цапнуть получилось. Пусть это выглядело по-детски или ещё как-то несерьёзно. Во всяком случае, недостойно интеллигентной женщины. Ну так и ситуация была нестандартная. Оскорбительная. И весьма возмутительная. Естественно, Тома пошла на крайние меры.

Хотя она не спасала свою честь. Секс между ней и Эдуардом был. И его можно характеризовать, как регулярно-редкий. И был он не каждый раз, когда была у них встреча. И, несмотря на это, в машине, под покровом ночи на парковке перед загородным рестораном, Тома не собиралась с Эдуардом заниматься этим. Да и ему было не свойственно такое эмоциональное поведение. Он был обычно сдержан и тактичен. А тут такой пассаж.

В результате, после того как Тома болезненно остановила разгулявшиеся плотские фантазии Эдуарда, она выскочила из машины, быстро поправила на себе одежду, застегнула пальтишко и побежала прочь. Сам горе-герой-любовник, покинув машину, помчался за несостоявшейся жертвой. Он пылко извинялся и что-то с усердием обещал. Но Тома только пятилась от него и жестом рук пресекала дальнейшее приближение. Как будто пытаясь руками отгородиться невидимой преградой. Лишь когда Тома юркнула в такси, стоявшее неподалеку от входа в ресторан, Эдуард сдался. Он, обхватив руками свою голову, присел на корточки. Не проявив никакого участия к его позе «раскаянье-отчаянье», Тома назвала свой адрес таксисту и уехала домой.

Вечер был испорчен.

Эдуард с тех пор не звонил.

Почему-то сегодня Тома много думала о том вечере. Ей впервые стало жаль Эдуарда. Он был неплохим. Как верно заметила Люба, не урод. Даже очень приятной наружности. Сероглазый блондин. Без лишних килограммов для своего среднего роста. Широкие плечи. Сильные руки. Уверенная походка. Одежда — деловые костюмы. И всегда безупречная обувь. Педант в мелочах. Хотя, возможно, это всего лишь результат длительного проживания без возмутительницы холостяцкого быта.

Умён. Но не зануда. И с юмором дружил. Однако из-за чего-то отношения Тома с Эдуардом не получали развитие. Тома делала над собой усилия, и каждый раз переступала через невидимый барьер. Она точно знала, что Эдуард её обожает, что он ценит их отношения. Но огня не было. У Тома не было. Как будто она с ним в браке много лет.

Уважение есть, а страсти и в помине нет. Она то и на секс с ним согласилась только чтобы проверить себя. Эдуард был безумно счастлив, получив всё. А Тома после такого эксперимента, прямо посреди ночи, незаметно выбралась из постели, в которой спал довольный Эдуард, наконец-то заполучивший долгожданный приз. Тихо оделась и выскочила из его квартиры.

Жил Эдуард в центре города. Хорошая квартира, хорошая работа. Он был на пару лет старше Тома, и знал её ещё со студенческих лет. С тех пор, как они познакомились на кухне общежития. Он был безумно влюблён в голос Тома. Песни в её исполнении слушал, затаив дыхание. Но дорогу ему перешел однокурсник Тома. Андрей Кураев. Ставший впоследствии её мужем. И тем ни менее Эдуард не упускал из вида Тому надолго. Он появлялся и исчезал. Каждый раз, проверяя её благосклонность к собственной персоне.

Были ли у него серьёзные отношения с кем-нибудь, Тома точно не знала. Женат он не был. О женщинах из своей жизни не рассказывал. Тома год назад, из простого любопытства спросила, почему до сих пор не женат? На что Эдуард, пристально смотря её в глаза, сказал, что его женщина ещё его не полюбила. Такое признание Тому напрягло. Больше она не приставала с подобными вопросами, поскольку прекрасно поняла его намёк.

Она побоялась дать ему надежду и одновременно брать на себя ответственность за его чувства по отношению к ней.

А взрастить свою любовь к нему не получалось. Даже после секса ситуация не улучшилась. Только добавилась неловкость. И первое время после той ночи в его квартире, Тома вообще в глаза стеснялась ему смотреть. Это уже потом, когда его тактичность и бережное отношение к её эмоциям растопили стену её сомнений, они вновь оказались в постели.

К сожалению, во время последней их встречи такт подвёл.

Страстный порыв Эдуарда напугал Тому.

«Наверное, нельзя так долго быть с мужчиной просто друзьями?»

Он всё равно захочет подчинить, и указать, что я всего лишь женщина. Что я должна ему принадлежать. Как собственность! Пусть божественная, но собственность...»

Тома же не захотела отдаться в его полную власть. Она была не его женщиной.

И он, это поняв, не смог безболезненно принять истину.

Доказать себе ничего не удалось.

Доказать Томе ничего не удалось.

Им не быть вместе. Эдуард не вынес это открытие и в грубой форме пытался изменить очевидное. Такой глупый финал их странных отношений.

И друга не стало... и любви не получилось.

***

Тома вошла в супермаркет и неспешно, разглядывая полки с продуктами, пошла в сторону мясного отдела. Выбор предлагаемых товаров был великолепным. Глаза разбегались от яркости ассортимента. И буквально через несколько минут Тома, забывшись, шла в другую сторону. И внимательно разглядывала полку с пачками чая. Ей очень захотелось выбрать какой-нибудь новый чай. Можно чёрный с бергамотом, или зелёный с жасмином. Без разницы. Лишь бы что-то новенькое. Захотелось отступить от традиционного.

Рука потянулась к черной пачке с красной полосой. Изучив этикетку, Тома даже усмехнулась. Из всех возможных вариантов, в её руках оказался чай «с мужским характером».

«Нет. Надо выбирать упаковку с цветочками. Жасмин, чабрец, ромашка, розы... Так можно долго выбирать».

Поставив на место очередной чай, Тома зажмурилась и загадала две цифры. Номер ряда снизу, и номер пачки справа от края в этом ряду. Открыв глаза, начала считать вслух. Третий ряд, седьмая пачка... Палец упёрся в чай “с мужским характером”.

«Судьба!» — как сказала бы Люба.

Улыбнувшись, Тома взяла пачку с красной полоской. За спиной послышался тихий смех. Она обернулась и увидела, как до боли знакомая фигура высокого bruneta отвернулась от неё.

«Дима?

Он!»

Тома смутилась и стала отступать. Почему-то даже здороваться с этим возмутителем её мыслей не хотелось. Она слабела рядом с ним, себе переставая подчиняться. Но столько власти ему давать не хотелось. Он мог так же посмеяться и над всем остальным.

Поспешно убравшись с чайного ряда, Тома скрылась в отделе канцтоваров. Одно было плохо, Дима видел её побег.

«Может уйти из магазина и обойтись вообще без котлет?

Но не перебор ли это!?

В конце концов, можно переждать какое-то время и, в надежде, что он ушел, всё же завершить покупки, согласно намеченному списку».

Рассудив, что в этом есть хоть какая-то логика, и частично оправдав свою дикую, ничем не обоснованную боязнь близости с этим парнем, она сосредоточенно стала изучать полки с ненужным товаром. Но спустя несколько минут Тома почувствовала жуткий дискомфорт. Какой испытывает карась на раскалённой сковороде.

Щёки горели огнём.

Тома попыталась сбросить с себя это состояние... но.

Она посмотрела прямо перед собой на полки, потом подняла взгляд вверх, под потолок и сделала глубокий вздох. И тут услышала выдох. Но не свой. Тонкий поток воздуха скользнул по шее и обжог кожу. Тома вздрогнула и невольно качнулась. Как раз в ту сторону, в которую не надо было. Спиной она почувствовала, что без малого оперлась на того, кто стоял так близко к ней сзади.

— Привет.

Он не сказал, он выдохнул это слово в Тому. Она вдохнула и поперхнулась им. Слово было большим и не помещалось в её груди. Оно разрывало изнутри.

Откашлявшись, Тома повернулась и оказалась напротив Димы. Хотя ей показалось, что не напротив, а под ним. Он был везде. Его большая рука потянулась за хрупкое плечо Тома и теперь она была практически в кольце его могучего тела.

— Гуляешь? — тихо спросил он.

Тома быстро посмотрела по сторонам и обнаружила, что желающих отовариться в отделе канцтоваров, нет. Отсутствие свидетелей немного успокоило, и всё же Тома предпочла выскользнуть из-под Димы. И отойти на безопасное расстояние. Сердце её бешено колотилось. И всё из-за этого нахала, который одним лишь своим взглядом мучил и пытал, как тысяча чертей.

— Привет, Дима. А ты, что тут делаешь?

— Поздороваться с тобой хотел. Поэтому подошёл... Ты ведь этого тоже хотела?

— Ничего я не хотела!

Не обращая никакого внимания на её резкий тон, Дима отвел взгляд от её глаз и тихо спросил:

— А как вообще дела?

— Дела, не надо лучше! — опять очень агрессивно выпалила Тома.

Казалось, она защищается... Только на неё никто не нападал.

Беззаботная поза Димы, его легкие, воздушные жесты говорили о том, что он не напрягается. Он расслаблен. Его улыбающийся взгляд был очень милым. И от этого почему-то нервировал Тому. У неё-то внутри всё было натянуто до предела. Подавляемые эмоции звенели, как струны. Струны, которые страшно тронуть, ибо тут же появлялся мерзкий резонирующий всё тело звук. И Дима трогал эти струны... своим взглядом, своим голосом. Хорошо ещё, что не прикасался руками. А то совсем бы Томе было плохо.

— Том, я подумал, может, ты опять меня подстрижешь?

Его пальцы, как зубья расчески, прошлись по красивым темным волосам, которые действительно уже отросли и выпрашивали, чтоб их подстригли.

«А впрочем, можно и не стричь.

Только будет парень похож не на обычного работягу со стройки, а на какого-то рок музыканта. Красивого, демонического.

Ему б ещё куртку кожаную чёрную...» — залюбовавшись, подумала Тома.

— Что скажешь? Можно к тебе попроситься на стрижку?

— Нет! — на выдохе сказала Тома и, в надежде привести свои мысли в порядок, потёрла переносицу едва дрожащими и немного похолодевшими пальцами. — Я хотела сказать, что Надежда с удовольствием тебя подстрижёт. Она как раз сегодня работает.

— Нет, к Надежде я не хочу. Может, всё же ты мной займёшься?

— У меня сегодня выходной, а завтра можешь подойти в любое время.

— А сегодня нельзя? Как в прошлый раз, дома.

— Нет! У меня вечер занят. Я жду гостя.

Дима даже изменился в лице.

— Ясно. К сожалению, завтра я не могу. В гости пригласили, — процедил сквозь зубы и кашлянул в кулак. — Рад был тебя увидеть. Всего доброго.

— До свидания, — быстро произнесла Тома, и наткнулась на его взгляд.

— Все говорят «до свидания», но не все ходят на свидания, — зачем-то сказал Дима, грустно улыбнулся и прошел мимо Тома.

Она ещё смотрела ему в след и всё также пыталась понять, почему этот парень на неё производит такое колоссальное впечатление? Ни один из её мужей не вызывал столько паники. А Дима, будучи абсолютно чужим, так неудержимо манил... и в то же самое время, этой колоссальной силой ужасал Тому.

Она еще несколько раз его замечала то в том, то в другом проходе между рядов супермаркета и каждый раз старалась отвести взгляд до того, как Дима её замечал. Он больше не подходил. Взглядом не задерживался на Томе. Он просто совершал покупки. А Тома металась из ряда в ряд и не помнила, зачем она вообще сюда пришла.

«Ведь можно было просто купить полуфабрикаты в магазинчике, что был так близко от дома. Нет, же! Припёрлась сюда!»

Схватив с полка те продукты из списка, что вспомнила, Тома отправилась к кассам. Диму она потеряла из вида и, казалось, уже окончательно. Его не было видно на кассах, и по

рядом тоже.

«Может, уже ушёл?»

Оплатив покупки, Тома помчалась домой. Но и по дороге, его не заметила. Он растворился. И это почему-то Тому ещё сильнее расстроило.

Но ещё больше она расстроилась, когда на следующий день он так и не пришел. Хотя и предупредил, что не сможет прийти, Тома, себе боясь признаться, его ждала. И на следующий день тоже.

А он не пришел. Ни через день, ни через неделю.

Так прошла зима и наступила весна.

Март

Есть ли более счастливый день для женщин, чем 8 Марта?

Наверное, есть. Но не в России.

Тома это знала, но подтверждение всё равно получила в виде бесконечного потока клиенток. Праздник её затронул по касательной. Она преображала женщин, чтобы те сегодня покоряли своих мужчин, чужих мужчин, и даже просто для себя любимых выглядели Потрясающе!

К вечеру поток убавился, и Тома отпустила Надю домой к мужу, оставшись работать одна. А когда после десяти вечера ушла последняя клиентка, Тома выключила свет в парикмахерской, закрыла на ключ дверь и отправилась домой.

Дома её никто не ждал. Люба ещё вчера уехала в деревню. И теперь на вечер у Тома был конкретный план. Душ. Чай. Сон. С первым пунктом этого плана заминок не возникло. Со вторым тоже. А со сном пришлось повременить, поскольку в дверь позвонили. Тома сначала посмотрела на часы, проверяя уместность визита, потом в глазок. Но увидев гостя, растерялась ещё больше.

Но дверь открыла.

— Привет, Дима. Ты зачем сюда...

— С праздником!

Перед Томой возник букетик тюльпанов.

Нежные весенние цветы на фоне мужской руки, протянутой к ней, Тому потрясли. Но принимать цветы она не спешила. И тогда Дима сделал в её сторону два решительных шага. Зашел в квартиру. Закрыл дверь и тихо произнёс:

— Позволь себе хотя бы 8-го Марта быть Женщиной. Просто женщиной. Позволь себе всё то, что отвергаешь в остальные дни. Позволь себе немного забыться... Позволь себе... меня.

Он уже прикасался к её плечам, и всё так же, неотрывно смотрел в её серо-зелённые глаза, которые сегодня были необычайно грустными, но всё такими же прекрасными. Самыми красивыми. Он продолжал мечтать приблизиться к ним... чтоб утонуть. Тома надрывалась душой, из-за того, что ничего не видит, кроме его глаз. И лишь необъяснимое пленяющее тепло его тела, согривало даже мысли. Которые слишком быстро мелькали, чтоб их понять.

Одно было важно — Он пришел.

«Только зачем?»

Нет, зачем, понятно. Процесс неплох, даже очень. Но последствия... Зачем они? Ведь их не избежать».

— Дима, уходи, — прошептала Тома.

А в ответ тишина. И только чувство, что расстояние до пропасти неумолимо сокращается. Когда их губы соединились, и Дима с Томой оказались в объятья друг друга, всё стало не важно. Только жажда росла, а напиться поцелуем, они уже не могли. Им нужно было всё. И сразу. Сегодня! Сейчас!

Пока волшебство момента не разрушили сомнения.

Пока соблазн познать друг друга затмевает все доводы рассудка.

Дима подхватил Тому на руки и отнёс в комнату, чтобы там уложить на постель и позволить себе всё. Помочь Томе позволить всего себя.

Трещала ткань его одежды. Её халат ещё несколько секунд назад был скинут на пол. И только к телу Томы Дима отнёсся, как к величайшей и хрупкой ценности. Он прижимал её к себе. Вдыхал её запах. Упивался им.

Своими сильными огрубевшими от тяжёлой физической работы руками он нежно касался её тела. Неопытности не было в его движениях. Он знал, что ему делать. Что делать, чтобы Тома, растворяясь в его объятьях, забылась. И впустила его. Всего без остатка. Всего без сомнений.

Как в пьяном угаре, тело её сейчас жило самостоятельной, короткой, но такой счастливой жизнью. Где разуму строго-настрого было запрещено издавать даже писк. И разум молчал. А тело пело.

***

На утро Тома проснулась в невероятно прекрасном настроении. И лишь когда события ночи воспоминаниями врезались в сознание, она накрыла лицо руками и надрывно застонала:

— Ой, какая же я дура!

На момент пробуждения Димы не было рядом в постели.

«Ушёл? Конечно.

Ночь прошла, а значит всё. Всё с ней ушло. Только воспоминания и стыд остались.

Повелась на красивое молодое тело? Теперь вычерпывай из дырявой лодки здравомыслия всю горечь своего безрассудного поступка. Вычерпывай и не смей винить парня. Он-то здесь совершенно не причём. Его понять можно. Он всего лишь потребитель. Позволила взять? Он и взял. Могла бы доходчиво объяснить, что не желаешь этого. Но нет! Вот теперь и думай о себе, что хочешь!»

Из самоедства её вырвал голос Димы:

— Напрасно ты так говоришь, — он стоял в дверях и держал в руках две чашки свежесваренного кофе.

Увидев его, Тома сжалась и натянула на свои плечи одеяло. Быть обнаженной, даже на такую незначительную часть своего тела, она сейчас ужасно стеснялась. Стыд безраздельно хозяйничал в мыслях. А вернувшийся разум, издеваясь, подкидывал всё новые и новые претензии к самой себе.

Дима подошел к постели, присел на край и протянул Томе кофе.

— Я тебя считаю, прекрасной, умной женщиной. Более того, тебе запрещаю плохо думать о себе.

Тома изумлённо на него продолжала смотреть, но кофе не принимала. Боялась, потянувшись за чашкой, обнажить себя. А Дима её совершенно не стеснялся. На нём были джинсы. Майку свою он, как всегда, не спешил одеть. И босиком. Тома это заметила и

хотела обратить его внимание, что в прихожей есть тапочки для гостей и среди них, конечно же, можно отыскать подходящие даже для него, 45-го размера. Но пресекая видимую заботу о нём, она промолчала.

— Доброе утро, Тома.

И вновь этот нежный взгляд бездонных карих глаз.

— Доброе... Ты почему...

Её взгляд скользнул по мужской груди, на которой красовался, как орден, её ночной укус. А через плечо легли параллельные царапины от её ногтей.

— Кофе возьми, — поняв направление её взгляда, Дима улыбнулся и ещё раз предложил кофе.

На этот раз Тома высунула руку из-под одеяла и взяла чашечку. Её рука до самого плеча оголилась. Но Дима не смотрел на открывшуюся часть её тела. Он пил кофе, и смотрел Томе в глаза.

— Ты жалеешь? — вполне серьёзно поинтересовался он.

Она не знала, что ответить. Поскольку истина и для неё была под вопросом.

Хотя... всё же, жалеет. Но только себя. И ещё знает точно, что если бы её каким-то чудом вернули в тот самый момент, когда она вчера услышала трель дверного звонка, оповещающего о прибытии гостя, она бы точно так же кинулась к двери и открыла её. Чтобы Дима опять оказался перед ней с букетом тюльпанов. И опять её попросил забыть все свои сомнения. И она бы опять их забыла.

Тома сделала глоток кофе, но так ничего и не ответила. А Дима продолжал на неё смотреть. Не выдержав этот божественный взгляд, она отставила чашечку на прикроватную тумбочку, на которой стоял светильник. И стала укутываться в одеяло. Его чашка с кофе, тут же встала рядом с её. Тома, молча, продолжала смотреть на собственное одеяло.

Но внезапно Дима поднялся с кровати, и её встревоженный взгляд переместился на его лицо.

«Он уйдёт!»

И в этом был, и страх, и отчаянный крик души.

Но вместо того чтобы уйти, Дима потянулся к молнии на брюках. Быстро расстегнул её. И снял с себя всё. Чтобы стоять перед Томой и не стесняться своего тела. Своих желаний.

— Томочка,пустишь к себе?

Она в душе взвыла и сжалась от воспоминаний прошедшей ласковой ночи с ним. Конечно, хотелось повторения. Хотелось до безумия! Повторения и продолжения. И тем ни менее она опять молчала. И даже не шевелилась. Тогда Дима сам принял решение за неё. Нагнувшись, он потянул одеяло и, приоткрыв Тому, нырнул к ней. Чтобы уже там, прижавшись к её желанному и такому отзывчивому телу, взять всю инициативу в свои руки. В свои большие тёплые руки.

Его ласка и в этот раз разрушила сомнения, и Тома вновь стала жадно принимать его страсть. Выплёскивая свою. Кусая и царапая его. Чтобы он был ещё ближе к ней. Чтобы своим натиском вырвал из неё все комплексы по отношению к их отношениям.

«Ведь это отношения?»

Она быстро растворялась в нём. И очень быстро привыкала к его присутствию в своей постели, в своих желаниях.

Привыкая и нуждаясь в нём... Это было страшно. Потому что его терять не хотелось. Он подрывал одним своим существованием, зарок себе не строить планы типа «и жили они

долго и счастливо». А с ним хотелось забыться навсегда!

Только позволят ли обстоятельства прожить эту счастливую жизнь?

И захочет ли он сам быть с Томой так долго?

Зачем ему всё это?

В этот раз разум не позволял забыться до конца. А может просто утреннее солнце, освещая комнату, мешало. И тогда Тома зажмурила глаза и прижалась к Диме. Прячась в его объятьях от собственных мыслей.

***

— Тома, ты сегодня работаешь, как обычно, до девяти вечера? — спросил Дима, нежно поглаживая её плечо.

— Да. А зачем ты спрашиваешь?

Она хотела встать с постели, но Дима её не пустил. Прижал к себе и поцеловал в шею.

— У тебя кран на кухне капает. А в коридоре розетка вываливается. Я вечером приду и всё исправлю.

— Исправить всё, уже невозможно. Мы слишком увлеклись.

— Ты возможно. Но не я. Я никогда не увлекаюсь.

— Ах, да! Я забыла. Ты же не пробиваем на чувства, — Тома дёрнулась, но так и осталась в его объятьях.

— Тома, я не увлекаюсь. Я в отношениях серьёзен. И к тебе серьёзен. Тихо, тихо, не вырывайся, — и опять он её удержал. — Ты мне ребёнка родишь?

Теперь она не вырывалась даже шутки ради. Затихла и задумалась, не показалось ли ей.

— Родишь? — повторил Дима и приподнялся над Томой.

Не показалось. И от этого стало ещё больней.

— Дима... ты... понимаешь, что говоришь?

— Я, да. А ты?

— Нет, — призналась она и закусилась губу.

Хотя хотелось укунить себя за запястье до кровавого следа, как в детстве. Чтоб остался след надолго, как видимая проекция душевной боли.

— Тома, я хочу от тебя ребёнка.

— Ты сам ещё ребёнок!

Он ничего не ответил. Выпустил Тому из рук. Перекатился на спину и плотно накрыл своё лицо ладонями. Тома не хотела его обижать. И сразу пожалела о своих словах. Она прильнула к нему, поцеловала в плечо. Он не реагировал. Тогда она попыталась убрать его руки от лица. Не удалось. Она села на корточки рядом с ним, нагнулась к самому уху и прошептала:

— Рожу. От тебя рожу.

Медленно его руки опустились и он, повернувшись к Томе, тихо попросил:

— Повтори.

— Я согласна от тебя родить ребёнка.

Его глаза заблестели, и казалось, могут сейчас пролиться слезами. Но Тома бы этого всё равно не увидела, поскольку сама едва не плакала. Она вдруг поймала себя на мысли, что действительно это выход. Ребёнок. Вот чего ей не хватало. И Дима сам его предлагает. И пусть его самого не будет потом, но будет ребёнок от него. Собственный. Не ребёнок сестры или подруги на короткое время. А свой. Свой! От одной этой мысли можно сойти с ума. Тома была благодарна Диме за то, что появился в её жизни. Теперь она точно знала, для чего

он появился. Ребёнок. Это чудесно... И всё стало на свои места. Ради ребёнка, она готова была ему простить все обиды в будущем. Простить за то, что уйдёт. Ведь если у неё появиться ребёнок от Димы, он уже никогда до конца от неё не уйдёт. Он останется в их ребёнке. Пусть небольшой, крохотной частью, но останется. И будет только её. Навсегда.

— Тома, я не предлагаю тебе со мной сходить в ЗАГС. Уж извини. Не верю я в необходимость регистрировать государством отношения двух людей. Но предлагаю нам с тобой обвенчаться.

— Дурачок, ничего не надо. В ЗАГС я уже ходила, интересного там, действительно ничего нет. Тут я с тобой согласна. В церковь, правда, меня не приглашали. Как-то фантазии на это не хватило у моих бывших мужей. Твоё приглашение в Роддом мне очень понравилось... Я согласна.

— А венчаться?

«Прыткий какой, но ничего скоро уgomонится».

Тома провела по его щеке ладонью и улыбнулась.

— Нет, мой дорогой, в церковь мы с тобой не пойдём. Только в Роддом.

— Если передумаешь насчёт венчания, скажи мне. Я всё организую за пару дней.

— За пару дней такое не организовать.

— Я смогу. Было бы твоё согласие.

— Давай пока ограничимся Роддомом? А потом посмотрим, — удивляясь его наивности и открытости, предложила Тома.

— Хорошо. Спешить не будем.

— Это правильно! Спешка в таком серьёзном деле не нужна. Как там говорят? «Поспешишь — людей насмешишь». Кажется, так?

— Не бойся. Не насмешим, — и вновь его серьёзный голос, дарил надежду на всемогущество.

— Дима, и всё-таки я ненормальная.

— Нормальная! Самая нормальная из всех, кого я знаю. Иначе бы к тебе не пришел вчера.

— Тогда ты ненормальный, раз с ходу предлагаешь венчаться и ребёнка от тебя родить.

— Тома, я не сходу. Я давно на тебя обратил внимание. Ещё там в парикмахерской. Когда ты меня первый раз стригла. Уже тогда ты мне понравилась. Я просто, не стал форсировать события. Хотел сначала, чтобы ты привыкла ко мне. А уже потом действовать.

— Удивительный вещи ты сейчас говоришь. Но почему-то в них мне хочется верить, — улыбнувшись, сказала она.

— Ой, Томка... Какая ж ты недоверчивая.

— Да, уже не девочка! Лапшой меня не покорить.

— Ещё молодая, но уже не дура, — улыбка коснулась его тонких губ.

— Ах, так! — и в его сторону полетела подушка.

Он увернулся и, схватив Тому, завалил на спину. А когда окончательно подавил сопротивление, стал, соблазняя целовать в губы. В шею. Затем переместился ниже. И поцелуи посыпались на грудь, живот. Опустился к ногам. К коленям, ступням.

***

На работу Тома опоздала.

Надежда сразу заметила, что её работодатель сегодня молчалива и чаще улыбается. Но о причинах, повлекших это изменение, спросить не решилась. Не настолько большими

подругами они были, чтобы в душу лезть.

К вечеру Тома стала нервничать и чаще смотреть на часы.

— Тома, может, я сама подежурю? — как бы случайно спросила Надежда, заметившая терзания Тома. — Клиентов сегодня мы вряд ли высидим, а тебе после вчерашнего наплыва, наверняка, нужно отдохнуть. Ты иди, не переживай. Я справлюсь.

На удивление Надежды, Тома быстро согласилась и через минуту выскочила из парикмахерской. Взбежала по лестнице и оказалась напротив двери в свою квартиру. Остановившись, отдышалась и достала ключи. Но они ей негодились. Поскольку дверь не была закрыта на ключ. Толкнув дверь, Тома вошла и, предвкушая желанную встречу, стала красться по собственной квартире, ключи от которой вручила Диме ещё утром. Вручила не навсегда. Только чтоб смог попасть сегодня. Никаких планов на жизнь. Только обстоятельства вынудили её передать Диме ключи. Ведь ему нужно было как-то попасть к ней в квартиру, пока она была на работе.

Но почему-то предательская мысль, что у Димы в кармане ключи от её квартиры, грели душу Тома.

Дима спокойно работал на кухне. Как и обещал, ремонтировал кран. Затаившись у дверей, Тома залюбовалась его четкими размеренными движениями.

— Ты решила пораньше вернуться?

Его спокойный голос напугал Тому. Она вздрогнула.

— Я ещё не закончил. Буквально минут пять и будет готово, — всё так же стоя к ней спиной произнёс Дима.

— У тебя, глаза на затылке? — растеряно спросила Тома.

— У меня есть уши и нос.

— Ладно уши, понять могу. А нос тут причём?

— Томка... ты пахнешь сексом, — спокойно произнёс Дима и повернулся к ней.

От такой откровенности по телу Тома прошла горячая волна. Она не смогла найти слов, чтобы ему ответить. Так и стояла, неотрывно смотря, как он вытирает руки и подходит к ней. Ещё секунда и она в его объятьях. Его руки безраздельно властвуют над ней. А губы дарят нежность поцелуя.

Когда её руки потянулись к одежде Димы, он прервал поцелуй и попросил:

— Мне нужно искупаться после работы. Жди меня в ванной. Я подойду к тебе через пару минут. Нет, через одну. Воду в душе сделай потеплее.

Вместо ответа она кивнула и поспешила исполнять просьбу.

Люба приедет только завтра. А значит и эту ночь они позволят себе всё. Никто им не мешает. Даже сомнения свои Тома, завязав в узелок, убрала в самый дальний уголок сундука терзаний.

«Мой он!

Только мой!

Раз со мной эту ночь, значит мой».

***

Теперь по вторникам Тома не выходила из квартиры. Выходной она предпочитала проводить, в основном, в постели. И хотя, за целый день, она успевала накормить своего голодного мужчину не только собой, но и более традиционными в кулинарном искусстве блюдами, основное время они всё же, не покидали постель. Даже когда просто разговаривали обо всём, предпочитали это делать лёжа на простынях.

Люба приходила с учёбы только к вечеру. Поэтому у Димы и Тома было достаточно времени, чтобы насладиться друг другом. На работу по вторникам он теперь тоже не ходил. Тома поинтересовалась, не будет ли у него проблем из-за прогулов, но Дима просил не думать об этом.

Звал к себе на квартиру. Но Тома не решалась. Боялась там столкнуться с его сестрой. Предсказать поведение Любы она ещё хоть как-то могла, а неожиданная встреча с его сестрой её ужасно пугала.

Так они и жили.

Всю неделю множество СМС-ок и изредка звонки. А по вторникам безрассудное и невообразимое наслаждение от близости.

Несколько раз Дима караулил Тому глубокими вечерами на выходе из парикмахерской. А дождавшись, когда она выключит свет и выйдет, чтобы закрыть на ключ дверь, запихивал её обратно. Он прикрывал дверь и, не включая свет, тащил в дальний угол парикмахерской. И там, прижав к стене, всем своим телом показывал, как он по ней соскучился.

Было немного неудобно, но они закрывали глаза на это. И наслаждались этими драгоценными минутами. Но каждый раз Тома просила больше так не делать и не приходиться в парикмахерскую. Дима покорно соглашался, что так вести себя нельзя, но проходил день, другой и он опять перед закрытием парикмахерской приходил, чтобы пожелать ей «Спокойной ночи».

Ключи от квартиры Тома остались у Димы. Она о них даже разговор не заводила. Спустя пару недель, Люба стала догадываться, что у Тома кто-то появился. С тех пор, как бы случайно, стала звонить перед приходом домой. Под различными предлогами, предупреждая о своём возвращении. А потом, так и вовсе стала задерживаться по вторникам в библиотеке или у подруг. Чаще у Веры. Ведь у Веры была «хата на отвязе». И можно было громко слушать музыку, гоняя её через музыкальный центр брата Веры. Его же не было дома. Он же был на работе, как думала его сестра. Как думали все. Кроме тех, кто знал правду. Но их было немного. Только Тома и сам Дима. Они умело сохраняли свой секрет. Хотя Дима неоднократно предлагал легализоваться. Однако Тома умоляла этого не делать. Дима, нехотя соглашался. И они продолжали скрывать свои отношения.

Апрель

Забеременеть в самый короткий срок не удалось. И хотя Дима не спрашивал о наличии последствий их близких отношений, Тома периодически покупала тесты на беременность. И каждый раз она не знала, чего больше в её желаниях.

«А вдруг Дима со мной только до тех пор, пока не сделал меня беременной?»

Ну, мало ли...

Кто знает, что у него на уме?»

Тома, во всяком случае, ещё не разобралась. Парень он положительный. Это факт. Неагрессивный, хотя и весьма импульсивный. Здравомыслящий. В меру. Поскольку безрассудства в нём столько, сколько и страсти. А её много. Работающий и тут без оговорок.

Но была в нём какая-то стена, за которую, он не пускал.

Умалчивал о своих родителях, о своих предыдущих отношениях с девушками. Как будто человек из ниоткуда. Без прошлого. Без ошибок и раскаянья. А о жизни Тома расспрашивал регулярно. Узнавал, почему детей нет? Не делала ли аборт? Но как-то всё это он спрашивал вскользь и Тома, ничего не тая, рассказывала обо всём.

Да, и не было у неё ничего такого, о чём хотелось утаить.

Детей не родила, потому что не успевала в браке сжиться с мужьями. Противозачаточными особо не увлекалась. Заболеваний, препятствующих зачатию, нет. Здоровая. Просто так получилось, что к тридцати годам не родила.

— Но родить ты хочешь?

— Да, Дима, хочу. Ты об этом уже спрашивал.

— Тома, может, всё же обвенчаемся?

— Вот пристал! Зачем тебе это?

— Хочу, чтоб ты была моей.

— Я и так твоя.

— Спасибо, — он улыбнулся и поцеловал Тому в губы.

— Дим, а ты...

Тома в сотый раз просила себя молчать. Но сегодня почему-то была глуха к себе и всё же задала мучивший её вопрос:

— У тебя же кроме меня никого нет?

Его удивил вопрос. Он сел у Тома в ногах и пристально посмотрев в её глаза, признался;

— Тома, ты единственная женщина, с которой я хочу быть. С которой мне хорошо. Которой я доверяю... И ещё, я не знаю, как сказать, но... я тебя люблю. Я чувствую, ты боишься этих слов, но это правда. Я тебя люблю. И очень хочу, чтобы у нас была семья. Чтобы ты была мне женой не только по вторникам, но и в остальные дни недели. Я хочу, чтобы мы жили вместе. В моей квартире. В квартире, которую я снимаю. Своего жилья у меня пока нет. Но пусть тебя это не тревожит. Я в любой момент могу взять кредит и купить однокомнатную квартиру.

Это признание Тому шокировало. Она слышала каждое слово, и они вполне логично складывались в предложения. Но принять их, как сказанные именно ей, она не могла. Хотела, но не могла. Ей что-то мешало.

— А как же Вера, Дим? Где она будет жить? Можно, конечно, её к Любе, сюда переселить. Но захочет ли она жить в одной комнате с другим человеком? И пусть даже подругой. А вдруг не уживутся?

— Вера? Ну, да... с ней будет проблема.

— Может, пока всё оставим как есть?

— Если честно, не хочу. Хочу по утрам просыпаться с тобой в одной постели, как тогда, в первые две ночи... Мне тебя мало, только раз в неделю. Забеги в парикмахерскую на полчаса хоть и спасают меня, но не считаются. В конце концов, ты меня доведёшь до того, что я буду приходить к тебе в парикмахерскую перед закрытием каждый вечер. И тогда ты сама взвоешь от тоски, что остаёшься без постели со мной. Подумай.

— Ты же из-за этих неудобств, не начнёшь искать приключений на стороне?

— О чём ты только думаешь, Тома!? Как ты вообще могла такое подумать? — резко возмутился Дима.

— Ну, я подумала, что мужчины обычно не любят трудности и поэтому...

— Лучше не договаривай! А то я начну думать, что ты не такая умная, как мне казалось.

— А я тебе давно говорила, что я дур...

Дима не дал ей возможности произнести это слово до конца. Он накрыл её губы поцелуем и стал щекотать, играя по её ребрам, как по клавишам рояля. Она вырывалась и

взвизгивала сквозь смех. Поцелуй в губы сорвался, но его губы продолжали целовать её в шею.

***

Но в конце месяца, в пятницу под вечер, Тома получила СМС-ку с номера Димы: «Помоги».

И всё. Больше ни слова. Она испугалась. Набрала его номер. Не ответил. Тогда позвонила Любе.

— Алло, Любочка, как твои дела? Ты где?

— Привет! Мы с девчонками сейчас у Машки. Через пару часиков буду дома. Что-нибудь случилось?

— Нет, нет. Всё нормально. Я просто хотела узнать, как у тебя дела? А как ты домой добираться будешь? Вера с тобой? Это я к тому спрашиваю, что она же недалеко от нас живёт и тебе будет компания, когда ты будешь возвращаться домой. Я беспокоюсь за тебя.

— Тома, не переживай! Здесь все, и Вера в том числе. К тому же, Даниил вызвался нас проводить домой.

— Даниил... Это хорошо. А вы с Верой из-за него не подерётесь? Он один, а вас двое.

— Нет! Он же её ухажер. Они меня просто проводят до квартиры, а потом уже отправятся к ней домой. Да и там ничего такого не будет. Вера же с братом живёт. А он у неё строгий. Даниилу башку свернёт, если что. Да и нет промеж них этого самого «если что». Не переживай! У нас всё хорошо. Мы себя прилично ведём. Ещё пару часиков и я в целости и сохранности буду дома.

— Ладно, извини, если напрягаю. Ты же знаешь, я молчать не могу. Я ж тебя люблю.

— Я тебя тоже. Томочка, у тебя всё нормально? А то у тебя голос такой, что не знаю, что и думать. Ты со своим, что ли поссорилась?

— С кем!?

— Да ладно тебе прикидываться, что не поняла меня! Чего скрывать? Обычное дело. Тем более ты уже далеко не девочка, сама говорила. И насколько я помню, даже замужем была.

— Люба!

— А что я такого сказала? Я ж наоборот тебя поддерживаю. Что б ты не стеснялась своих отношений. Кто он? Долго будешь ещё его скрывать? Не бойся, отбивать не буду, — Люба думала, что успокаивает, но её слова только сильнее сжимали сердце в груди Тома. — Приводи его завтра. Познакомь, наконец. Выходите из подполья!

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Он женат?

— Нет!

— Чего ты тогда его скрываешь? Он внешне как? Симпатичный или у него шрам через «всю морду лица»?

— Люба, не придумывай! Всё у него нормально. И вообще это не телефонный разговор!

— А это мне нравится! Позже вернёмся к этому разговору. До встречи!

Тома успела сказать «Пока» и убрала телефон в карман брюк. Надо было действовать. И быстро. Через пару минут она выскочила из квартиры, через пять входила в подъезд Димы. Ещё чуть-чуть и она на пятом этаже. А дальше, включив объёмное мышление, выбрала квартиру. Позвонила в дверной звонок.

Никакой реакции со стороны тех, кто мог там находиться.

Позвонила ещё раз Диме на телефон. Гудки и всё. Он не ответил. Психуя, на себя, Тома решила уйти. Но потом зачем-то потянулась к дверной ручке и обнаружила, что можно беспрепятственно войти в квартиру.

Но зайти отваги не хватало.

— Дима!

В ответ тишина.

— Дима! Ты дома?

Ещё почему-то хотелось крикнуть: «ты один?» Но она сдержалась. Глубоко вздохнула и вошла.

«Была, не была! Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас».

Но ужаса не было.

Тихо, мирно. И чисто. Прошла на кухню. Заглянула в комнату Веры. Никого. В другую... И испугалась.

На диване лежал Дима. Один. Лежал на животе. Одетый. Но что-то всё равно, сильно напрягало. Тома мельком осмотрела комнату и обнаружила на столике и под ним использованные шприцы и ещё какую-то дрянь. Тома отшатнулась и хотела тут же уйти. Уже отступила спиной к двери, но неожиданно рука Димы соскользнула с дивана и повисла.

«А вдруг ему нужна помощь?»

Если это передозировка, он может умереть. И пусть это последнее, что я для него сделаю, но я ему помогу».

Тома подошла ближе и, не зная, что в таких случаях делают, проверила его температуру. Лоб влажный. И холодный. Проверять реакцию зрачков на свет она не стала.

“Может, проверить пульс? А какой в этом смысл?”

Она достала телефон и позвонила в «Скорую». Зная специфическое отношение к наркоманам, решила сказать полуправду:

— Я зашла к подруге по делу, но её не было дома. Однако в квартире обнаружила её брата. Без сознания. Приезжайте поскорей!

— Диктуйте адрес!

Немного растерявшись, Тома всё же назвала адрес. И не имея больше сил быть рядом с Димой, выскочила из квартиры. Отдышалась на лестничной площадке и пошла, встречать бригаду «Скорой».

***

— Девушка, успокойтесь! Всё с ним будет нормально. Немного отлежится и будет бегать не хуже прежнего, — успокаивал Тому пожилой мужчина в белом халате.

— Куда бегать? — спросила она, путаясь в мыслях.

— Может, ещё и Вам успокоительное вколоть?

— Ничего мне не надо! — резко сказала Тома и гневно посмотрела на мужчину.

— Как пожелаете. А-то, его тут сколько хотите, — указал он на стол.

— Кого?

— Успокоительного, — начинал терять терпение врач.

— То есть, как успокоительное?

— Успокоительное, обезболивающее и противовоспалительное. Парень видимо не знал, что ему поможет и ширнул в себя всё. Благо хоть колот внутримышечно. Ну, что... забирать его я не вижу смысла. Он не в обмороке, а просто спит. Глубокий сон. Мы его можем разбудить, но повторюсь, смысла в этом нет. Пусть лучше отсыпается. У парня видимо

действительно были сильные боли. Но определить с точностью, их природу, — мужчина покрутил поднятую с пола пустую ампулу, — я не могу. «Диклофенак», в основном при ревматических заболеваниях используют, хотя могут и при травмах. Где он работает?

— На стройке, — растерянно произнесла Тома.

— А, ну тогда скорей всего он мог там получить либо банальную травму, либо, что зачастую страшнее, просто надорвался. Ну, так как девушка, будем подписывать отказ от госпитализации или мы его забираем? А Вы ему кто? Родственница? А-то отказ только родственники могут подписать.

— Сестра, — машинально сказала Тома, сама не понимая до конца, что говорит.

— Тогда оформляем отказ?

Дима врачу был не интересен. И Тома испугалась, что сейчас его увезут неизвестно куда. И неизвестно, как к нему там отнесутся. Но ей четко представилось, как ему будет холодно лежать на кушетке, почему-то именно в коридоре. Она была уверена, что для него место в палате не найдётся. И ещё она подумала, что не знает, как себя вести, объясняя Вере, куда делся её брат.

— А с ним точно будет все в порядке, если вы уедите? — всё же уточнила Тома.

— Через пару часиков, Вы сами в этом убедитесь. Давайте его паспорт и полис.

Тома поняла, что попала в сложную ситуацию. Она досчитала до трёх и полезла в карман своей куртки. Достала кошелек и извлекла из него тысячную купюру, а после незаметно для остальных из бригады, положила деньги в карман тому, кто хотел от неё получить данные паспорта и полиса Димы.

— Может быть, Вы обойдётесь без его документов?

В её сторону посмотрели уставшие глаза полные недоумения. Тома не растерялась и доложила ещё столько же и туда же.

— Хорошо, я всё понял. Всего доброго, берегите брата. Будить его сейчас не надо. Ребята пошли!

Но когда бригада «Скорой» ушла, Тома осознала, что сегодняшняя ночь у неё будет сложной. Она прошла на кухню, но осваиваться на ней не решилась. И чай для себя готовить не стала. Вернулась в комнату, присела в кресло и поймала себя на мысли, что совершенно не доверяет Диме. И что ей стыдно, за то, что она ему не доверяет.

«Он хороший.

Самый лучший.

А я его чуть не предала из-за своей мнительности. Хорошо, что ещё мои заблуждения ему не навредили».

Тома встала и подошла к окну. Ей хотелось посмотреть из его окна на свои собственные окна. Отдёрнула шторы и облокотилась на подоконник...

Далеко. Ничего не разглядеть. Выпрямилась и, хотела уже поправить шторы, как неожиданно увидела в углу подоконника, за кактусом, мощную подзорную трубу.

«Не поняла...»

Взяла трубу, настроила её и посмотрела в окно. Изображение прыгало, но всё равно можно было в весьма точных подробностях увидеть, что происходит в доме напротив. Тома метнула гневный взгляд на спящего Диму и вернулась к своей находке.

«Парикмахерская. А это окна моей квартиры. И если руки перестанут трястись, то можно увидеть, даже какие цветочки на обоях у меня на кухне.

Ах! Какое неожиданное открытие. Неожиданное... и неприятное.

Может, вылить ему на голову холодной воды и заставить дать объяснения? Жестоко? Вот уж нет!»

Она вернула подзорную трубу на место, при этом болезненно зацепила уродливый кактус своей рукой. На руке сразу появились белые царапины. Крови не было. Но возникающая резкая боль была, как от контакта с кислотой. Выругавшись, дополнительно ещё и на кактус, Тома пошла на кухню, чтобы вымыть свою пострадавшую конечность.

Горячая вода частично сняла боль. Но не боль душевную. Было неприятно осознавать, что за ней следили.

«А может, он не следил?

Ну, может, не за мной конкретно?

В конце концов, не я ли хотела купить себе бинокль? И, кстати, для этой же самой цели.

Пожалуй, да, подзорная труба, это не причина его казнить.

Да, даже если он и следил, что в этом такого? Наоборот это даже...»

Слово «прикольно» не совсем подходило, но было наиболее близко к тому, что теперь было у Тома на душе.

«И всё же, если он следил именно за мной, то зачем? Может, просто присматривался ко мне?

А что он мог увидеть такого, что было бы мне неприятно осознавать, что он видел?

По квартире голой я не разгуливаю. Мужиков, если его самого не считать, в квартиру не приглашаю. Даже когда ко мне приезжал Эдик в прошлом году, я сама к нему спускалась... Тогда, правда, можно было увидеть, как Эдик, встретив у машины, целовал меня в губы. Но это зрелище длилось доли секунд, к тому же, на тот момент у нас с Димой вообще ничего не было.

Тогда, что ещё он мог такого видеть?»

Она долго перебирала события за период их знакомства и ничего «такого» вспомнить не могла. Всё «такое» было связано только с Димой. Но он на момент этих самых событий был в её квартире, а значит, никаким образом не мог наблюдать за ней через подзорную трубу. Он был участником её интимных сцен. Даже можно сказать, инициатором. От этого привлечь его, как свидетеля, невозможно. Тогда тем более не понятно, как себя вести по поводу этой злосчастной трубы...

Тома ещё немного поразмыслила и вернулась в кресло. Комнату освещал свет от торшера. Он был тёплым, но не ярким. И вообще обстановка комнаты была приятной. Не было атмосферы холостяцкой, выпендрёжной берлоги, в стиле «хай тек» или «аля я бедный, но крутой чувак». Хорошие приятные обои в крупный, но не кричащий цветок. Люстра опять же в виде больших цветов. А на полу из ламината под тёмный дуб, лежал овальной формы ковёр с высоким ворсом. И ещё Тома залюбовалась картиной, висевшей над диваном. Ну, конечно, не копия «Мишки в сосновом бору», но тоже что-то до боли знакомое, но так Томой и не узнанное. Наверное, мебель и вся обстановка досталась от хозяев. Ну, кроме Димкиного музыкального центра, что жался в углу и который так любят гонять девчонки в отсутствие хозяина комнаты.

Диму она укрыла найденным в шкафу тёплым пледом. А сама, обняв свои колени, сидела в кресле. И отчего-то замерзала. Её даже немного стала бить дрожь.

«Наверное, это нервы?

Всё же надо было согласиться на успокоительное. Сейчас бы дрыхла под стать Диме. Мирно уткнувшись в бездну.

А в прочем... раз тут так всё спокойно, может мне просто уйти, пока не вернулась Вера?»

Тома встала, и почему-то именно подкралась к Диме. Спит. Она поправила сползший плед, и провела рукой по его колючей щеке.

— Тома, ты всё-таки пришла? — пробурчал, не открывая глаза, Дима.

— Пришла и уже ухожу. Что с тобой случилось?

— Схватил то, что обычные люди на своём горбу не уносят.

— Перенапряг спину?

— Сорвал, как сказала бы моя бабушка.

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Всё нормально.

— А лекарство ты сам колол?

— Сам.

— А откуда ты его взял?

— Купил в аптеке.

— Понятно. Им лишь бы продать и побольше. Тебе точно стало легче? Скорую вызывать?

— Не надо. Со мной всё в порядке.

— Ну, хорошо. Тогда спи. Завтра позвони, когда очухаешься.

— Не уходи. Остайся со мной.

— Уже поздно.

— Тогда тем более не уходи. А то я буду переживать, дошла ли ты домой.

— Я тебе позвоню.

— Я не смогу тебе ответить.

— Я это пойму, потому что ты спишь даже сейчас. У тебя глаза закрыты. Так что мой уход, ты даже не заметишь.

— Остайся. Прошу, — всё так же, не взглянув на неё, тихо произнёс Дима.

— Не могу... Завтра увидимся. Я постараюсь тебя навестить.

— Врёшь. Ты побоишься ко мне придти. А, впрочем, может, просто не захочешь. Зачем тебе такой калека, как я?

— Ты дурак? Как ты такое мог подумать?

— Докажи, что я ошибаюсь. Остайся со мной.

— Это провокация?

— Конечно.

— В таком случае, я отказываюсь вести дальнейшие переговоры, — сказала Тома, любясь этим огромным, но таким беспомощным мужчиной.

— Струсил и теперь бросаешь?

Она хотела топнуть ножкой или фыркнуть на его обвинения... Но голос его, нежные и тягучий, не столько обвинял, сколько вымаливал — «Остайся».

И Тома, не зная, как себя вести дальше, тихо произнесла:

— Дим, скоро Вера вернётся. Я её боюсь. Отпусти меня домой.

— Вера ко мне в комнату без разрешения не входит. Иди ко мне, — он перевалился на бок и похлопал по согретой его телом половинке дивана. — Я очень в тебе нуждаюсь. Остайся со мной.

«Кто ещё в ком нуждается!?!» — улыбнувшись, подумала Тома.

Медленно сняла с себя куртку, опустила её прямо на пол и присела на диван. Рука Димы тут же завалила Тому и, обняв, притянула к тёплой мужской груди.

— Томка, обещай, что без разрешения не уйдёшь.

— У-у, какой ты собственник! — удобнее устраиваясь в его объятьях, заметила Тома.

— Прощу. Пообещай.

— Хорошо, — смягчилась она, поправляя тёплый плед, над их телами. — Спи, мой Железный Дровосек.

— Почему Железный Дровосек?

— Потому что ты большой, сильный и сердце доброе в твоей груди, а заклинить тебя может не по-детски. Вон, как скрутило. В пору маслом смазать твою спину, чтоб ты мог разогнуться.

— Я не против. Хочешь, сейчас этим займёмся? Масло можешь взять на кухне. Растительное — вторая дверца снизу. Сливочное — в холодильнике.

— Нет, тут машинное нужно. А лучше солидол! — весело сказала она.

— О! А ты с фантазией! — он прижал Тому плотней к себе, и глубоко вдохнул с таким упоением, как будто его женщина была ароматной розой. Только её шипы его уже не пугали. Он прижимал её к себе и растворялся в этой близости.

— Дима, спи. А-то тебя опять скрутит. Успеем ещё. Отдыхай.

— Легко тебе такое говорить.

— Спи! Иначе уйду!

— Жестокая ты девчонка... — пробурчал он и начал проваливаться в сон.

Тома улыбнулась на его комментарий и решила настраиваться на сон.

«Хорошо, что туфли принесла в его комнату. Ночью оденусь и незаметно уйду. Вера меня не увидит, и даже не будет знать о моём визите. А Димка отпустит... Он ещё немного потерпит меня в своей постели, начнёт ворочаться, удобнее размещаясь на этом узком диване, и ещё сам попросит ему не мешать и уйти. И тогда я уйду. Его мучить не стану. Да и мне удобнее спать в своей кровати. А безопасно перебраться из одного дома в другой, можно и ночью. Даже безопаснее ночью. Все маньяки либо ещё спят, либо уже спят. А ночь она темна, нежна и тиха. Ночью и пойду домой. Главное, чтоб Вера меня не обнаружила.

Любу я СМСкой предупредила, чтобы не беспокоилась из-за моего отсутствия. Так что всё нормально. Буду спать».

***

— Дима... Дима, отпусти меня. Мне домой пора. Скоро утро.

Его рука, забравшись под блузку, продолжала по-хозяйски лежать на её животе. Он всё ещё не хотел с Томой расставаться и все её попытки выскользнуть из его объятий пресекал.

— Лежи тихо, иначе позову Веру.

Тома ахнула от такой перспективы. И затихла.

— Молодец. Так и лежи, — довольным голосом, произнёс Дима.

— Я тебя во вторник покусую.

— Может, прямо сейчас?

— Нет. Только во вторник.

— Я до вторника не дотерплю.

Его руки стали расстегивать молнию её брюк.

— Прекрати, Дима. А так не могу.

— Главное, чтоб я смог.

— «Оно, конечно, что ж, не без того ж», — скороговоркой тихо сказала Тома и тут же добавила, — Дима, я не хочу, чтобы тебе было больно со мной. Потерпи денёк. Не напрягай спину.

Руки его замерли и вскоре стали застёгивать одежду на Томе.

— Ладно, твоя взяла... Я тебя провожу. Даже не вздумай сейчас перечить мне. Иначе никуда не пойдёшь до утра.

— А тебе точно уже не больно, и ты можешь встать?

— Всё нормально. Мне даже кажется, я выспался впрок, и теперь «готов к труду и обороне». Встаём?

— Встаём.

Им удалось тихо и незаметно выйти из квартиры. Они вошли в лифт, и Тома нажала на кнопку первого этажа. Повернулась к Диме и оказалась в его объятьях. Без лишних слов он её начал целовать и до самого первого этажа они так и ехали. Он целовал, она ему нежно отвечала. Когда же они вышли из подъезда, Дима обнял Тому, и они медленно пошли в сторону её дома.

Желтоватый свет, куполом льющийся от лампы уличного фонаря, веял иллюзорным теплом. Как от маленького солнышка. И Дима вёл Тому от одного солнышка к другому. Ей было очень хорошо так идти с ним. И лишь одна истина ей была в тягость, до её дома оставалось совсем чуть-чуть. И вот уже виден её подъезд, и там за дверью несколько ступеней вверх. И подниматься без лифта. Чтобы упереться в дверь в её квартиру. В которой мирно спит Любочка на диванчике, который стоит по соседству с её собственной холодной постелью.

«А может действительно, взять и пригласить Диму завтра на обед?

И пусть Люба увидит... моего».

Это слово ей согрело душу.

«В конце концов, я же его не украла. А-то, что разница в возрасте, это ведь такая мелочь. Он мне нужен. А я ему? ...Он говорил, что тоже нужна.

И всё же, как жестоко близко мой дом от его дома!»

Не было прохожих. Машины мирно стояли вереницей. И тишина.

Они подошли к подъезду.

— Тома, я провожу до квартиры, — она резко на него посмотрела. — Не возражай!

— Я не собиралась. Тут другое. Дима, мне надо с тобой поговорить.

— О чём? — он встал напротив Тома и положил свою руку ей на плечо.

— Я перед тобой виновата.

— Так. И в чём, конкретно? — его голос стал жёстким. Но рука так и продолжила лежать на прежнем месте. Пальцы не сжимали плечо, но всё равно присутствие его руки на её плече теперь стало другим.

— Я, наверное, слишком заиклена на себе. Ты уж прости меня за то, что с опаской на всё смотрю. Понимаешь, я уже обжигалась и ни один раз, и от этого мне постоянно кажется, что я обязательно снова...

— Понимаю, — спокойно произнёс Дима. — Но ты ведь хочешь ещё что-то сказать? Правда?

— Да. Я тебя люблю.

Одним движением он притянул Тому к себе и глубоко вздохнул. Она не видела его глаза. И не могла понять, что происходит с ним. Но когда ей всё же удалось заглянуть ему в

глаза, там была радость.

— Тома, я ради этих слов, сказанных тобой, готов горы свернуть.

— Горы не надо! — резко возразила она и слегка отстранилась от Димы. — Такие нагрузки для тебя нежелательны, у тебя спина и так надорвана.

Он опять её обнял. И следующие его слова она услышала всем своим телом.

— Тома, пообещай, что ты перестанешь бояться наших отношений.

— Я постараюсь.

— И ещё, я настаиваю, чтобы мы съехались. Мне уже одобрен кредит на покупку квартиры, поэтому я тебя прошу, готовься к переезду.

— А как же Вера?

— С ней всё будет хорошо. Она продолжит обучение. Только жить она будет не с нами. Я и так её долго опекал. Она уже немаленькая. Пусть пробует жить без моего тотального контроля.

— Мне кажется, это неразумно. У неё сейчас сложный возраст. К тому же, она может увлечься кем-нибудь. И тогда конец учёбе.

— Это не про неё. Она очень целеустремлённая, почти как я. Решила учиться, будет учиться. Всем воздыхателям назло.

— Ты уверен?

— Да. И вообще я сейчас хочу говорить о нас с тобой. А не о ней.

— И всё же, как она будет жить? Ты ей нужен.

— Её никто на улицу не выгоняет. Просто, я хочу жить с тобой, а не с ней. В смысле, не с ней под одной крышей.

— Я тебя поняла, — улыбнулась Тома.

— С ней всё будет в порядке. Уверяю тебя. Я подберу вариант, и она переедет туда.

— Может, она согласится жить с Любой? А то как-то это всё неправильно. Я обещала своей сестре присматривать за племянницей. А в результате что? Просто возьму и брошу её? Я так не могу. Пойми. И в любом случае, и Любу, и Веру наш побег из реальности касается. Надо подумать, чтобы и им было хорошо.

— Мы подумаем. Я и ты. А больше нам не у кого спрашивать совета.

— А как же твои родители?

— Они много чего мне советовали. И их советы меня сильно измотали. Достаточно. Я больше этого не хочу. И прошу, не пытайся меня с ними мирить. Вопрос закрыт. Поняла?

— Да, — нехотя, согласилась Тома.

Она не понимала, как можно отказаться от родителей?

«Даже если есть какие-то неприятные моменты, это так — «тьфу».

Если родителям нужна помощь — помоги!

Если им нужно ласковое слово — скажи.

Это же родители! Они с годами становятся более беззащитными. И кто если не дети могут и должны их защищать от одиночества и забвения. К тому же, бедная старость, ох, как жестока и унизительна. Конечно, родители Димы ещё молоды и, наверное, трудоспособные. Поэтому им финансовая помощь сына не так сильно нужна, как его элементарное участие в их жизни. Присутствие.

Почему же он этого не понимает?»

Тома со своей матерью разговаривает по телефону так часто, как это позволяют обстоятельства. Но не реже двух раз в неделю.

Мама Тома, очень пожилая женщина, жила в деревне со старшей дочерью. Тома им помогала деньгами. И если бы она не так ответственно исполняла дочерний долг, то имела бы квартиру больших размеров и машину бы свою сохранила. А не продала бы её, для того чтобы вырученные деньги ушли на лечение мужа сестры. Но его спасти не удалось. Сестра овдовела в прошлом году и теперь Тома стала помогать им ещё больше. В деревне работы было немного. И сестра Тома подрабатывала уборщицей в местной школе. Деньги весьма скромные за этот труд платили. Но что делать? Хоть столько, да, в дом. Ведь там кроме престарелой мамы, были ещё две пары любящих глаз. Полина двенадцати лет и Марина четырнадцати. Любочка уже жила с Томой. И это было хорошо для всех.

Тома решила по возможности, со временем и остальных племянниц перетянуть в город. А там глядишь, и сестра с мамой согласятся переехать в город. К тому моменту Тома надеялась заработать денег, хотя бы на трёхкомнатную квартиру или маленький домик. Пусть где-нибудь на окраине города, но хоть с крохотным участком земли. Чтобы мама выращивала свои любимые помидоры. И розы. Тома всегда с грустью вспоминала родительский дом, перед которым рос огромный куст белой сирени, а под ним розы. Отец, запрещал матери срезать цветы. И каждый раз, улыбаясь, говорил:

— Пусть под окном глаз радуют, чем в вазе умирают.

И пока отец был жив, розы никогда не срезали. А теперь, если и срезают, то только чтобы отнести их на кладбище. На могилу отца. И могилу мужа сестры.

Тома ничего для своей семьи не жалела. Это раньше лет десять назад, она о семье думала, как о чём-то незыблемом и вечном. А теперь точно знала, семью нужно беречь. И опекать, как высшую ценность.

С мужьями создать нормальные семьи не удалось. И первый муж, и второй растворились в прошлом. Тем ни менее, мамы мужей, что Вероника Сергеевна, что Людмила Валентиновна души в Томе не чаяли. И по сей день ей периодически звонили, и звали в гости. Тома к ним ездила. Но так чтобы не столкнуться с бывшими мужьями. Она их не боялась и не испытывала отвращения, просто не хотела, чтобы бывшие свекрови пытались соединить несоединимое. А они поначалу пытались неоднократно. Но кроме них это никому не было нужно. И Томе в первую очередь.

Она часто думала, а могла бы она простить измену?

Если бы очень сильно постаралась, смогла бы она закрыть глаза на измены и жить с мужем дальше?

Она закрывала глаза и очень сильно старалась это представить... и понимала, что не смогла бы. Такой характер. Сестра упрекала, так нельзя. С кем не бывает? Каждый может оступиться. Нужно прощать! В этом сила семьи! И т. д. и т. п. ...

«Не смогла бы и точка!»

Мужскую измену простить можно, но жить с тем, что изменила собственным убеждениям, увы, невозможно. Доломать свою душу тем, что предала себя, это уже выше всяких сил. Утратить себя Тома не хотела.

Муж мог изменить, предать и бросить, но ты себя не потеряй.

Именно этому принципу она подчинялась.

А теперь в её жизни появился Дима. Он даже не появился, он ворвался. Врезался Интересный, красивый, молодой и сильный. Иногда наивный, но такой... волшебный. Неземной. Тома часто думала, что было бы, если бы она его теперешнего, двадцатидвухлетнего, встретила, лет эдак на десять моложе, чем ей сейчас? Они были бы

почти ровесники, и жизненный багаж у них был бы одинаково не обремененный лишней тяжестью обид и подозрений к людям.

Как тогда бы их отношения сложились и сложились бы вообще?

Ответ на этот вопрос она не находила. Возможно из-за нелепости самого вопроса. Вернее ответ она находила, но каждый раз он был другим. Иногда ей казалось, что она бы в Диму безумно влюбилась с первого взгляда, и они бы жили долго и счастливо всю оставшуюся жизнь. А иногда ей казалось, что без тех обид и того опыта, что заработала к тридцати годам, то есть на данный момент, она бы так сильно его не полюбила. Десять лет назад она была, в какой-то степени наивна, вспыльчива и неосмотрительна. Она могла бы просто не оценить Диму по достоинству.

А теперь Тома разобралась? Теперь она его оценила?

Похоже, что она всё такая же неопытная и ранимая, но усугубилось всё параноидальной недоверчивостью к мужчинам. И с этим нужно было как-то бороться. Она это понимала. Но при этом очень хотела не пострадать.

Наверное, это странно. Обычно влюблённый готов на всё ради любимого человека. На любые ненужные жертвы, любые демонстративные выпады. Всё ради любви!

Раба любви... Но Тома ею становиться не хотела. Вернее, уже не смогла бы ею стать. Тумблер защиты всё время срабатывал и не давал впасть в безумие. Осмотрительная любовь. Такое бывает? Бывает. Особенно часто среди тех, кто уже немолод. И хотя Тома не была старой, но эмоциями своими она уже хотела управлять.

Разум и чувства. Разум спит, чувства безобразничают — это молодость. А сейчас разум бдит, чувства угнетены. Они есть но, как в том чёрном юморе, «пациент скорее жив, чем мёртв». Так и с Томой. Её чувства скорее живы, чем задушены разумом.

Она его любит. Но кричать и петь об этом не будет. Она будет прятать свою любовь ото всех, чтобы сохранить её. Потому что, если кто-нибудь; сестра, мама, его родственники, ударят в эту точку её души, отрицая саму возможность таких отношений с Димой, Тома погибнет.

Сохранив же тайну, она надеялась продлить жизнь любви. Свою жизнь с Димой. Жизнь, а не бесцветное существование, как было до него.

«Как долго я его ждала...

Как долго я его ждала».

***

Дима проводил Тому до двери в квартиру, ласково поцеловал на прощание и выпустил из объятий.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — повторила она и вошла в квартиру, обернулась, но так и не смогла закрыть дверь. Дима стоял и смотрел на неё. Он просто смотрел на неё, но его взгляда было достаточно, чтобы она не смогла закрыть дверь. Она не желала одним своим движением, лишая себя и его возможности видеть друг друга.

— Дима... — прошептала она.

Он прислонился к стене, и стоя напротив распахнутой двери в её квартиру, грустно улыбнулся.

— Я тебе завтра позвоню, — всё так же тихо сказала она.

Ничего не произнося вслух, он ответил одними лишь глазами, что будет ждать её звонка.

Так они и стояли, напротив друг друга и молчали, пока в подъезд кто-то не вошёл, грохотом железной двери, не ознаменовав о своём прибытии. Тома вздрогнула и перепугано посмотрела на лестницу. Но по ней никто не поднимался. Лишь сдернутый с верхнего этажа лифт, подсказал, что тот, неизвестно кто, не пойдёт по лестнице и не увидит Тому с Димой. Он поедет на лифте на свой этаж. И Тома виновато посмотрела на Диму.

— Трусиха, — спокойно сказал Дима, прекрасно понявший по встревоженному взгляду Тома, что она всё ещё безумно боится продемонстрировать их отношения, перед кем бы то ни было.

Он подошел к двери и закрыл её. Тома не препятствовала, она отступила вглубь прихожей и, замерев, наблюдала, как за закрывающейся дверью исчезает всё. И в первую очередь он.

Теперь всё в её жизни будет связано, в первую очередь, с ним. С Димой.

Однако прошла суббота, потом воскресенье, а она Диму, так и не представила Любе.

Сомнения мешали. А время шло.

***

Май

Вечером в понедельник, с ошалевшими глазами, Люба ворвалась в парикмахерскую.

— Тома! Что было! Что было! Это улёт! Ты обалдеешь!

— Привет, — спокойно произнесла Тома, заканчивая наводить порядок вокруг кресла.

Она уже привыкла, что для эмоциональной Любы, почти любое событие могло быть — «улёт»! И тем ни менее, истории Любы ей нравились. Даже не смотря на их нередкую глупость и наивность.

Люба с разбегу плюхнулась в кресло рядом с Томой. Надежда только приступила к стрижке клиента. И по её равнодушному, мимолётному взгляду на соседнее кресло, можно было понять, что ей душераздирающие истории Любы поднадоели.

— Тома, ты даже не представляешь, какой у меня сегодня выдался день!

— Люба, рассказывай, не томи! — наигранно встревожено сказала Тома и посмотрела на отражение Любы в зеркале. — Публика у твоих ног!

— А, ладно! У Машки сегодня была истерика! Я её едва до дома довела.

— Что у неё приключилось? — улыбнувшись, спросила Тома.

Она знала вышеупомянутую подругу племянницы, достаточно хорошо. Маша была красивая, и плохо то, что она об этом знала, поэтому характер у неё был не из легких. Но дружить она умела и Любу ценила.

— У неё приключилась любовь!

— И что в этом плохого? — подала голос Надежда.

— А то, что втюрилась она в брата Веры, Димку!

— А что его любить нельзя? — встревожено, уточнила Тома.

— Наверное, можно, но это дохлый номер. Оказывается, он женат!

Надежда внимательно посмотрела на Любу и та, встретив ещё одного преданного зрителя, продолжила;

— Представляете?

А Тома уже ничего не представляла. Она последние несколько секунд, даже ничего не видела. Одно было хорошо, она всё ещё стояла, а не упала на пол подкошенная этой ужасной и мерзкой новостью.

— Это какой Дима? — уточнила Надежда, уже слышавшая об этом самом Диме от

Любы и имевшая представление об объекте повествования. — Тот высокий симпатичный брюнет, что приходит к нам стричься? Он ещё живёт где-то поблизости?

— Ну, да! Он! — подтвердила Люба.

— А вы, с Машкой, не знали раньше, что он женат? — всё так же, голосом дознавателя, спрашивала Надежда.

— Откуда? Мы же столько раз были у Веры в гостях, и никакой жены Димы там не было! О ней никто ничего не говорил. Мы были уверены, что он свободен. Правда, на прошлой неделе, я, зная о Машкиной влюблённости, спросила у Димки напрямую, есть ли у него девушка?

— И что он? — спросила Тома, но не узнала свой собственный голос.

— Он очень удивился. Потом улыбнулся, и сказал, что у него нет девушки. У него есть кудесница. Самая настоящая кудесница! Том, а кто это такая?

— Кудесница?

— Ну, да.

— Я потом тебе постараюсь объяснить, — растерянно произнесла Тома, всё еще не понимая сути происходящего.

Хотя она и вспомнила, что Дима именно её, на прошлой неделе пару раз называл — Кудесницей. Она даже вспомнила, при каких именно обстоятельствах, он её так называл. А обстоятельства были из тех, что даже совершеннолетней Любе о них пока рано было знать.

— А, ну, хорошо, — с задором повествовала Люба. — Так вот, сегодня мы после пар пошли к Вере домой. А там было такое!

— Неужели вы застукали Диму с Кудесницей? — хихикнув, спросила Надежда.

— Хуже! Мы пришли как раз в разгар бурной семейной ссоры. Оказывается, внезапно приехала жена Димы и они ругались. Вернее, орала только она, а он молчал. Там правда был ещё какой-то мужик и, судя по тому, что жена Димы его называла «Папа», это был её отец. Отец у неё, конечно, упакованный тип. Наверное, из этих... из «новых русских». В шикарном костюме, руки в перстнях.

— А на шее цепь золотая в палец, — подсказала Надежда.

— Нет. Цепь я не видела. Костюм был, галстук был. Часы дорогие. А цепь я не видела.

— Ну, ладно. Ты не отвлекайся! Дальше-то что было?

Надежда с головой ушла в эту историю и даже отвлеклась от клиента. А Томе было уже всё равно, что было дальше. Ведь главное она уже услышала, у Димы есть жена. Жена... Теперь ей стало понятно, почему он не предлагал ей расписаться.

«Но зачем умолял обвенчаться?

Это что такой способ двоеженства у особо изощрённых кобелей?

А зачем ему нужен был ребёнок от меня? Тоже чтобы потешить самолюбие?»

Тома не выдержала груза вопросов, подошла к кулеру, подставила стаканчик и по привычке набрала сначала холодной, потом разбавила её горячей водой до оптимальной температуры. И стала пить воду, пытаясь, успокоится. Живительная влага попадала в организм, а жизнь наоборот, казалось, покидает его.

В кармане завибрировал телефон, и сразу же зазвучала красивая мелодия. Тома извлекла телефон, посмотрела на дисплей и замерла. Звонил абонент «Дима». Она не могла ему ответить. И не потому, что не одна. Она не могла сейчас слышать его голос. Слишком больно. Возможно потом. Когда-нибудь.

— Тома, ты ответишь? — спросила Люба, заметив ступор тёти.

— Потом. Твоя история мне интересней. Не хочу пропустить самое интересное. Рассказывай.

И Тома, удержанием кнопки «решетка», перевела телефон в режим «без звука». Звук и вибрация прекратились, но абонент продолжал звонить. Тома убрала телефон в карман и продолжила пить воду.

— Оказывается, — всё с тем же воодушевлением, продолжила Люба, — они давно женаты! Но у них вышла ссора и Дима ушел. Жена его долго искала и вот нашла. Она ему там что-то про свою любовь заливала, и всё такое. Мы, естественно, не старались подслушивать, но даже за ту пару минут, что были в квартире наслушались страстей... А Машка просто впала в транс. Ещё бы! У неё ведь были такие планы на Диму. Просто «Санта-Барбара» какая-то!

— Люба, ты-то, откуда знаешь про «Санта-Барбару»? — удивилась Надежда.

— А что? У меня мама всегда так говорит, на всякого рода страсти-мордасти. Тома, подтверди!

Все, включая клиента, посмотрели на Тому, которая отчаянно ощупывала свои карманы.

— Тома, ты чего потеряла?

— Сигареты не могу найти, — вполне серьёзно ответила она.

— Какие ещё сигареты? Ты же не куришь! — засмеялась Люба.

— Ах, да... Я же давно бросила курить, — пробормотала Тома и медленно пошла к кулеру за новой порцией воды. Опять поочерёдно набрала из обоих краников и стала пить. При этом смотря потерянными взглядом на улицу.

Единственным человеком, который догадался, что происходит, была Надежда. Она постаралась переключить внимание Любы на себя и с азартом стала рассказывать, как в молодости влюбилась в лётчика. Хотя на самом деле хотела одного, быстренько достричь клиента и проводить Любу, чтобы дать возможность Томе не скрывать слёзы. Надежда их чувствовала и очень сопереживала женскому горю. А это было настоящее горе. Томе было плохо. Держась одной рукой за стену, она продвигалась по направлению к выходу. Несколько шагов на ватных ногах, и она все же дошла до двери, потянула ручку вниз и вышла из парикмахерской.

— Тома, ты куда?

— Люба, да пусть идёт на свежий воздух! У нас сегодня столько клиентов было. Просто, кругом голова! — придав голосу весёлые нотки, сказала Надежда.

Клиента она достригла через пару минут. Любу проводила до дверей ещё через несколько минут. Там же, на пороге, подхватила Тому и заволокла вовнутрь.

— Люба, ты иди домой! Мне с твоей тётёй один маленький производственный момент нужно обсудить. Так что, до завтра!

— До завтра.

Люба нехотя побрела в сторону подъезда. А Надежда с Томой вошли в парикмахерскую.

— Тома, присядь.

Та повиновалась и села в ближайшее кресло. Надежда достала из нижнего ящика своего столика бутылочку коньяка, и разлив по рюмкам янтарный напиток, подошла к Томе.

— У меня сегодня повод.

— Какой? — удивилась Тома.

— Годовщина знакомства с прекрасным мужчиной.

— С Витей? — посмотрев на Надежду, спросила Тома, и приняла рюмку.

— Витя... Витя, это мой муж. А годовщина знакомства с другим мужчиной. Выпьем?

— Выпьем.

Они со звоном чокнулись и выпили.

— Жаль, закуски нет, — засуетилась Надежда, шаря в своей сумке. — Ура, нашла! Шоколадный батончик. Как знала, что пригодится. Купила вчера. Сейчас мы его приобщим к мероприятию.

Надежда быстро извлекла батончик из упаковки, положила на тарелку, волшебным образом возникшую всё из того же ящика стола, и порезала батончик на несколько кусочков.

— Ну, как?

— То, что надо, — ответила Тома, взглянув на закуску.

— Повторим? — указывая на коньяк, уточнила Надежда.

В ответ Тома лишь кивнула. И трёхлетний дагестанский коньяк растёкся по рюмкам.

— Теперь давай не чокайся.

— Почему? — удивилась Тома.

— Потому, что любовь во мне умирает. Я её сама убиваю. Душу. А она... плачет.

— Надя, — Тома, шокированная таким признанием, на миг забыла о своих проблемах, — я даже не знаю, что сказать... А он знает о твоей любви?

— Нет! Что я дура? Моё признание будет неуместно.

— Я его знаю?

— Нет... — Надежда замолчала, опустила глаза и после небольшой паузы, тихо произнесла. — Ты его не знаешь, — незаметно смахнула слезу и улыбнулась, — Будешь ещё?

— Наверное, мне хватит.

— А я, Томочка, с твоего разрешения, продолжу.

Не дожидаясь ответа, Надежда разлила коньяк, опять по двум рюмкам.

— Тома, ты можешь не пить. Но рюмка твоя должна быть непустой. Понятно?

— Да.

— Тогда слушай. У меня есть муж. Витя. А ещё есть другой человек. Он мне не муж. И вообще он мне никто. Но он есть. Я его вижу. Здороваюсь с ним. Иногда перекидываюсь парой фраз. Но... У него есть кого любить. А у меня есть муж. И всё же... когда я его вижу... у меня такая боль в груди. И тоска. Понимаешь?

— Понимаю, — искренне призналась Тома.

— А вот я себя не понимаю.

Надежда выпила почти залпом. Тома на неё посмотрела, и рука её сама потянулась к полной рюмке. Рука потянулась, а губы разомкнулись, в ожидании очередной порции допинга. И вот уже две пустые рюмки стоят на столе перед большим зеркалом.

— Зато он тебя не предаст, — вздохнула Тома. — Как меня...

— Дима?

— Как ты догадалась?

— О тебе и Диме?

— Да.

— Не могу объяснить. Просто, я почувствовала твою боль. И мне стало плохо. Со мною такое бывает... Поэтому я сейчас не только тебя пытаюсь вылечить, но и себя.

Надежда съела кусочек батончика и поморщилась.

— Может нам за нормальной закуской сходить? Благо и магазинчик имеется в минуте ходьбы. Что скажешь?

— Я не дойду. Давай без закуски?

— А давай!

И они продолжили. Когда до дна оставалось совсем немного, Тому прорвало:

— Надя, я ведь ему поверила! А он!

— Тома, подожди! Ты ничего не знаешь! Не принимай решения! Всё может оказаться не так, как тебе могло показаться.

— Но ведь жена существует!

— Допустим.

— Что значит «допустим»? Это факт!

— Допустим, — повторила Надежда.

— Ты чего повторяешь одно и то же слово? Что уже совсем поплыла от коньячка?

— Допустим, — улыбаясь, сказала Надежда, и они обе засмеялись.

Слёзы обеих женщин ещё несколько рюмок назад пролились, и теперь они могли не плакать. А эмоции зашкаливали. И они смеялись, как не в себе. И им действительно стало легче.

— Тома, прошу, не руби с плеча!

— Хорошо.

— И постарайся не нападать на него. Пусть сам всё расскажет.

— Хорошо.

— Теперь тебя, что ли заклинило на слове «хорошо»?

— Да, похоже. Кстати, он же мне звонил.

Тома достала телефон и обнаружила двенадцать пропущенных звонков. И все от Димы. Он звонил через каждые пять минут. Тома протянула телефон Надежде.

— Посмотри.

Изучив список «пропущенных звонков», Надежда разлила остатки коньяка и победоносно произнесла:

— Тома, а ты ему нужна! Уж поверь мне. Я кое-что понимаю в этой жизни! И двенадцать раз мне никто не звонил. Однажды только было в моей жизни, что мне телефон обрывали и то сдались на восьмом разе. А тут двенадцать!

— И кто тебе восемь раз звонил?

— Банк! В котором, кредит брала, но вовремя не осуществила выплату.

Они вновь засмеялись и выпили «на посошок». Надежда заказала такси и через десять минут они прощались на улице.

— Тома, давай я тебя сначала до квартиры доведу.

— Не надо! Поезжай! Как-нибудь без помощи поднимусь. В крайнем случае, на работе заночую. В кресле.

— Ты уверена, что тебе не нужна моя помощь? — уже почти разместившись на заднем сидении такси, уточнила Надежда.

— Ты мне уже помогла.

— Ага, помогла! Душе во благо пошло наше общение, а здоровью во вред!

Они засмеялись и Тома, захлопнула дверцу. Такси медленно стало отъезжать, и Надежда махнула рукой. Тома в ответ тоже помахала, а когда машина скрылась за поворотом, она отправилась закрывать парикмахерскую. Зашла вовнутрь, нашла свою сумочку, и достала из неё ключи. Подошла к двери. Но неожиданно дверь перед ней распахнулась.

Тома испугалась, и машинально отшатнулась от взволнованного Димы, который дышал как бык, на испанской корриде. Он был, как всегда, красив. Но почему-то сегодня казался невероятно высоким.

— Тома! Почему ты не отвечаешь на мои звонки? Я чуть с ума не сошел от твоего молчания! Если бы не обстоятельства, вынудившие меня оказаться за городом, я бы уже давно был у тебя.

— А ты знаешь, Дима, я сегодня тоже чуть с ума не сошла, — очень спокойно произнесла Тома. — Но теперь мне лучше.

— Ты пила, что ли?

— Да. Ещё вопросы есть?

— Тома, я хотел сам тебе всё рассказать.

— Ты о чём?

— О том, что я не в разводе.

— А, у тебя есть жена? — почти равнодушно спросила она.

— Тома, прости. Я не хотел тебя обидеть.

— Димочка, ну какие могут быть обиды? — её голос был ласковым, спокойным. И в тоже самое время — железобетонным. И Дима, его услышав, понял, что всё очень плохо. Тома чужая. Она его не пускает в свой мир. Её голос выстраивал нерушимую стену-преграду, за которой пряталась её раненная душа. — Всё нормально, Дима. Только один нюанс. Я с женатыми мужчинами не встречаюсь. Извини, — улыбнулась, и пожала плечами. — Всего хорошего. Уходи.

— Тома! Дай мне возможность всё объяснить!

— Кричать не надо. Я не настолько старая. На слух ещё не жалуюсь.

— Извини, я не хотел на тебя кричать. Я хочу тебе объяснить, что всё не так, как могло показаться Любе.

— Дима, если хочешь говорить, говори. Я тебя слушаю. Даже присесть могу, — она присела в кресло и смиренно сложила руки на своих коленях, — Об одном прошу, сократи свою исповедь до минимума. Видишь ли, я сейчас всё равно, не оценю твои ораторские способности. И могу, элементарно заснуть на середине твоей истории. У меня было много клиентов сегодня, я устала. Понимаешь?

— Понимаю. И не только это. Понимаю, что ты из последних сил хочешь казаться сильной. А на самом деле, я тебя очень обидел, и ты меня терпишь из последних сил. Да, я виноват, но я и не виноват... Я действительно женат. Но только потому, что мне не удаётся развестись. Родители против. Именно они блокируют развод всеми силами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И жена, — улыбнувшись, напомнила Тома.

— И она, — на выдохе, подтвердил Дима. — Тома, я с ней не живу, и жить не собираюсь.

— Милые бранятся, только тешатся. Ещё помирись. Она тебе изменяла?

— Нет.

— Тем более. Нет причин так крутить нос от законной.

— Тома! Я тебя люблю.

— Это уже мелочи, которые на общий ход событий повлиять не могут. Вчера любил её. Сегодня любишь меня, завтра опять её... Ей сколько лет?

— Двадцать один год.

— Видишь, как всё удачно. Жена или любовница? Любовница, которая старше жены на 10 лет!? Мне лично, выбор очевиден.

— Я с ней жить не буду.

— Как давно вы женаты? — тихо спросила Тома.

— Свадьба была в позапрошлом году, но прожил я с ней меньше полугода. Тома, пойми, мой брак, в прошлом. Мы с Лилей не семья.

— И тем ни менее, именно Лиля твоя жена... Ты знаешь, Дима, я ненавижу измены. Они столько мне горя принесли. А ты меня вовлёл во всю эту мерзость... Я никогда бы не позволила тебе прикоснуться к себе, если бы знала, что у тебя есть жена. Я... сама себе сейчас противна. И злюсь на тебя именно поэтому. Ты обманул не только меня, но и свою жену. Она ведь до сих пор считает тебя своим мужем?

— Тома! Я ей не муж. Она вправе жить с кем захочет.

— Но жить она хочет с тобой! Понимаешь в чём парадокс? Она твоя жена. Она тебя любит. А ты... ей со мной изменял. Если б я только знала об этом раньше... Дима, а зачем тебе был нужен ребенок от меня? Жена, что не могла тебе родить? И ты от меня хотел заполучить наследника, а потом просто отобрать у меня ребёнка?

— Ты говоришь чудовищную глупость.

— Тогда зачем? Зачем тебе был нужен ребёнок от меня, а не от законной жены? И зачем ты мне предлагал венчаться? Ты понимаешь, насколько твоё предложение кощунственно в свете открывшегося факта твоего брака с Лилей?

— Прости, меня. Я был не прав. Я понимаю, нельзя было предлагать венчание, будучи женатым на другой. Прости... Я просто хотел с тобой зафиксированные отношения. С обязательствами и признаниями. Хотел, чтобы ты была моей женой... хотя бы перед Богом. Другого тебе я не мог ничего предложить. Это грех, конечно. Но это мой грех. Не твой. Не кори себя. И меня прости.

Дима зажмурился и, массируя, потёр рукой переносицу. Ему давался с трудом весь этот разговор.

Он пришёл объяснить, а сам ничего толком сказать не мог.

Казалось, сама мысль о каких-то воспоминаниях, ему причиняла жуткую боль. Он открыл глаза, глубоко вздохнул и подошел к Томе. Присел на корточки и посмотрел снизу-вверх на притихшую Тому, которая теперь не сидела так равнодушно, как раньше. Она была встревожена тем, что расстояние между ними сильно сократилось. Хотела отодвинуться от Димы, но дальше спинки кресла отодвинуться не смогла.

А Дима продолжал на неё смотреть. В глазах его была грусть, боль и тоска. Он не выпрашивал прощения, ласку или ещё чего-то. Он просто нуждался в Томе. Казалось, только она его могла исцелить, но она отгородилась от него непробиваемой стеной.

— Дима, прошу тебя, не мучай меня своим присутствием. Пойми, я не могу больше с тобой встречаться. Не-мо-гу. Я не переступлю через свои принципы. Ты не можешь быть моим. А любить чужого, я не могу. Это неправильно и очень больно. Причем больно не только мне, но и... всем. Бесперспективные отношения мне не нужны. Мои чувства к тебе упрутся в стену твоего брака с другой. У меня должна быть надежда. Или хотя бы вера в то, что моя любовь имеет право на жизнь. Что она не пошлая и не грешная... Я с таким трудом обелила наши отношения, принимая и свыкаясь с той разницей в возрасте, что между нами. Но закрыть глаза на наличие у тебя жены я не могу. Это грех. Ты принадлежишь жене. Ты ей обещал быть опорой и защитой. Ты ей обещал свою любовь... Чтобы между вами не

произошло, ты должен помнить, что в день свадьбы, вы поклялись создать свою семью. Вы поклялись уважать друг друга... Любить всю жизнь. Хотя я и не понимаю, как можно такое обещать всерьёз, — противоречила сама себе Тома. Дима это заметил, но перебивать её не стал. — Я была замужем и знаю, что супружеские клятвы условны. Дань традициям. Но всё равно, я хочу верить, что в них заложена колоссальная сила, а не наивная глупость. Ведь если клятвы — пустой звук то, что тогда останется от брака? Если фундамент слаб, любой дом разрушится... если, конечно, он не на сваях, — она улыбнулась. — Мой второй муж был архитектором. Когда я узнала о его шикарной любовнице, которая своей уверенностью пробивала любые стены, я отступила от их отношений. Я не боролась за мужа. Собрала свои вещи и ушла из собственной квартиры. Сняла комнату поближе к работе. Тогда я работала в парикмахерской на пересечении Мира и Строителей... Валера мне позвонил только через три дня. И поинтересовался вполне сдержанно, намереваюсь ли я возвращаться. Нет, сказала я ему. Он удивился и первым делом, спросил о квартире. Его интересовала квартира, а не то, что происходит со мной. И тогда мне стало легче. Я сделала правильный выбор, что ушла. Валера мне не принадлежал. Я ему была не нужна. Возможно, я была ему удобна. И меня он не любил, да даже если и любил, то недолго. Я не вернулась в ту квартиру. Через месяц её продала, перевезла большую часть своих вещей к сестре и купила другую квартиру. Я постаралась начать новую жизнь. Новая мебель. Посуда. Постельное бельё. Вещи Валеры отвезла его матери. Он на тот момент был со своей красоткой в Турции, а когда вернулся, то в квартире были уже новые хозяева. Ох, как он на меня тогда орал по телефону. Его очень возмутило, что я продала свою квартиру без его разрешения. Странно, почему он решил, что я ему её должна подарить? Я хоть и не жадная, но не дура. У меня есть племянницы, мама, сестра. Им я буду помогать. Но не тому, кто меня предал...

— А с первым мужем, почему ты разошлась?

Тома разместилась удобнее в кресле, и казалось она уже не такая чужая. Просто уставшая и немного во хмелю.

— Причина была такая же. Но эмоций было больше. Именно первый муж меня научил отступать. Ну, не в смысле он меня этому учил, а просто жизненный опыт, приобретённый за годы, прожитые с ним, меня этому научил. Мне тогда было, как тебе сейчас. Я была наивная... но преданная. И от этого слабая. Когда, я увидела Андрея с той девушкой, я не поверила своим глазам. Нет, нет, твердила я себе. Я что-то не так поняла, он случайно её обнимал. Он случайно ей что-то шептал на ухо. Случайно... Случайно стал пропадать после работы. Случайно не отвечал на мои звонки. Делал случайно всё... всё, что меня убивало. Я долго не могла поверить и принять действительность, сопротивляясь ей. Как страус, прячась от проблем. Ничего не вижу, ничего не слышу. Одно плохо, я всё чувствовала... Однажды я случайно приехала домой от мамы не в воскресенье, а в субботу. Вернее, не случайно. Я просто очень соскучилась по Андрею и, не выдержав разлуку, приехала раньше... Они были в нашей постели. Мирно спали. На ковре перед кроватью стояла ваза с фруктами. Подсвечник, с огарочком свечи. И пустая бутылка из-под шампанского, лежавшая на боку. Бокалы, с недопитым шампанским, соприкасаясь, стояли на прикроватной тумбочке. И вот я всё это увидела и подумала, а ведь это я лишняя. Не та другая, которая спит с моим мужем, а я... Тихо я вышла из квартиры. И пошла на вокзал. Пешком через весь город. Наверное, если бы я тогда могла думать ещё о чём-то кроме увиденной сцены, я бы села в троллейбус и доехала до вокзала. Но я не додумалась так поступить. Я просто вышла из подъезда и пошла. Через два часа, когда я так и не дошла до вокзала, но когда ноги идти уже не могли, я

присела на первую попавшуюся скамейку и стала смотреть на свои руки. Не знаю, почему на них. Но помню, что смотрела именно на них. Руки, как руки. Только кольцо мне теперь мешало. Она блестело и это мне особенно не нравилось. Я попыталась снять кольцо. Не получилось. Мы с Андреем прожили недолго, за всё-то время, я кольцо ни разу не снимала. А попробовала его снять и не смогла. Ещё и ещё раз я сдирала его с себя, но так и не смогла, избавиться от этого символа брака. Стало только хуже. Палец покраснел, распух и начал жутко болеть. Я вскочила со скамейки и подбежала к мамочке, которая на детской площадке играла со своим сыночком. У неё я узнала, где ближайшая ювелирная мастерская. И помчалась туда... Ювелир был очень удивлён, когда я ему объясняла, что кольцо меня душит. Он предлагал его снять при помощи нитки, мыла, масла. Ещё чего-то. Но я, рыдая, просила — Быстрее! И буквально вынудила разломать кольцо небольшим инструментом, типа бокореза. «Вы же его носить не сможете, — говорил мне ювелир. — Потерпите немного, я смогу снять кольцо не повредив». На что я сказала, что всё равно не смогу носить его больше никогда. Ломайте кольцо! Кольцо мне сломали. Палец не пострадал. Мне вручили остатки кольца, и я побрела домой. Я думала, приду, вручу Андрею кольцо. Соберу свои вещи, уеду к маме. И всё кончится. Я дошла до подъезда, но войти не решилась. Подумала, вдруг они ещё там вдвоём? Присела на скамейку и, держа в руке сломанное кольцо, так и сидела. Не знаю, сколько времени прошло, но очнулась от того, что Андрей меня схватил за плечи и стал трясти. Оказывается, когда я ушла, то забыла про сумку с продуктами, которую привезла от мамы. Андрей, проснувшись, пошел на кухню и, проходя мимо сумки, стоявшей в прихожей, понял, что я приехала раньше и всё видела. И его, и Марину эту в нашей кровати. Он сразу выпроводил свою подругу и стал ждать меня. А когда к вечеру я так и не появилась, он вышел на улицу и обнаружил меня на скамейке. Он тряс меня и что-то кричал. И тогда я протянула ему сломанное кольцо. Андрей долго не мог понять, что это за штуковину я ему протягиваю. А когда узнал кольцо, то молча его взял, и положил в карман брюк. Рывком поднял меня, и понёс в квартиру. Я не могла произнести ни единого слова до самого утра. И не потому что не хотела, просто не могла физически. А Андрей мне почти всю ночь что-то говорил... Говорил... Говорил... Пустота. Слова пустой звук, когда гнусный поступок уже совершен. Мы развелись сразу. Квартиру, которая нам досталась от бабушки Андрея, продали, а полученные деньги поделили. Я не хотела брать деньги и вообще не хотела, чтоб Андрей продавал ту квартиру. Ведь это была квартира его бабушки. Но Андрей был решителен и настоял, чтобы я приняла деньги. Он сказал, что бабуле я очень нравилась и что она составила завещание на нас двоих. То есть половина квартиры в любом случае моя. Тем более, что квартира приравнивается к совместно нажитому имуществу и в результате развода опять-таки будет делиться между двумя супругами... Совместно нажитое имущество... А мы то ничего и не нажили. Нет, ну был там какое-то барахло. Или хотя бы свадебный сервиз. Мы его тоже поделили. Я свою половину тарелок, блюдец и чашечек отдала сестре. А на свою долю от проданной квартиры купила однокомнатную. Правда, пришлось ещё брать кредит. Но я его уже погасила. Когда я въехала в свою новую, но пустую квартиру, первым делом прошла на кухню и заварила себе кофе, который потом налила в только что купленную в ближайшем магазине кружку. У меня ничего не было. Только воспоминания и разбитые надежды. Однако через пять лет я продала и ту квартиру. И у меня опять появилась новая кружка из ближайшего магазина.

Тома обтёрла руками лицо и, грустно улыбнувшись, посмотрела на Диму, который всё ещё сидел у её ног и внимательно всё слушал.

— Но появился ты. Красивый. Манящий. Но... Я же не знала тогда про это твоё — НО А теперь знаю. И теперь ты даже не смей ко мне прикасаться. Мне эти касания душу ломают...

Он опустил взгляд и удобнее уселся на полу.

— Я познакомился с Лилей, когда нам было по восемнадцать. Но она не была моей первой любовью. У нас быстро закрутились бурные отношения и, поскольку до меня у неё никого не было, в интимном плане, я ей предложил пожениться. Она согласилась. Конечно, на тот момент, я её любил. Иначе бы не стал вообще ничего затевать. Но прошло не так много времени, и у меня нарисовалась длительная командировка. Хорошая. С великолепной возможностью заработать, а главное себя показать.

Он замолчал. И сидя у ног Тома, всё так же смотрел вниз.

— Она не захотела с тобой ехать?

— Нет, Тома. Наоборот. Она очень захотела. Очень... Настолько, что сделала аборт, чтобы беременность ей не помешала совершить этот вояж.

Тома ахнула, и зажала рот ладонью. Но её «ах», уже вырвался. И этот крик души оторвал взгляд Дима от пола. Он посмотрел на Тому и грустно усмехнулся. Его взгляд был пустым. И вообще Дима в этот момент выглядел взрослей своих лет. Намного взрослее.

Освещение в парикмахерской было слабое. До прихода Димы, Тома успела выключить свет почти везде, кроме дежурной лампочки у входа. Свет именно этой лампочки освещал сейчас лицо Димы. Грозное. И от этого оно было ещё красивее. Да, оно могло показаться чужим, но Тома хотела к нему прикоснуться.

«Может, хотя бы в последний раз позволить себе дотронуться до него?»

Нет! Нельзя...

Где последний раз, там и самый последний. И самый-самый последний. Нужно сразу себе сказать — НЕТ!»

Тома зажмурилась и накрыла лицо руками.

— Дима, — тихо произнесла она, — а может, Лиля поступила так, потому что безумно тебя любила, и разлуку с тобой бы не перенесла? А ребенка родить вдали от дома она побоялась. Да и выносить его, когда бытовые условия не налажены тоже очень сложно. Возможно, она пожертвовала ребёнком, ради тебя. Я не думаю, что она с лёгкостью приняла такое сложное решение. Но мне кажется, она смертельно не хотела расставаться с тобой. Может она просто не хотела взваливать на тебя нагрузку, из-за дополнительной ответственности.

На её руки легли руки Димы и стали медленно открывать лицо. Тома не дернулась от этих прикосновений, она просто посмотрела в суровое лицо, которое теперь находилось очень близко. Настолько близко, что можно было почувствовать колебание воздуха от его дыхания.

— Ты её оправдываешь? Ты бы тоже отказалась от моего ребёнка?

— Да, я её оправдываю, чтобы вас примерить. И нет, я бы так не поступила. Я бы не сделала аборт. Если бы ты меня не позвал в командировку, я бы тебя отпустила. Но обременять новыми обстоятельствами своего положения я бы тебя тоже не стала. Я с уважением отношусь к людям вообще, а к близким тем более, поэтому стараюсь придерживаться принципа — «не навреди!» К любимым, этот принцип тем более нужно применять. Неотступно.

— Не навреди? Именно поэтому, узнав, что у меня есть жена, ты прогоняешь меня?

Её руки всё ещё находились в его руках. Он продолжал склоняться над Томой. Его взгляд уже не был таким воинственным. В нём сохранилась глубинная сила, но она не была агрессивной. Пленяющей? Да. И манящей.

«Эх... как же хочется мне раствориться в этой силе, — невольно подумала Тома. Подумала, и тут же выругала себя. — Нельзя. Иначе потом будет ещё больней».

— Понимай, как хочешь, — тихо произнесла она, оттолкнув от себя Диму. Встала и прошла к двери. — Прощай, Дима. И пожалуйста, не мучай меня. Я всё сказала. И ты всё сказал. Давай заканчивать наши отношения? И ещё... больше не приходи к нам стричься. Я всё равно не смогу к тебе прикасаться, а моя напарница Надежда, к сожалению, с сегодняшнего дня, в курсе наших отношений. Поэтому я не хочу, чтобы она тебя стригла. Она, конечно, тебе не причинит боль и никаким образом не навредит, но я не хочу, чтобы она тебя подстригала. Не хочу и всё!

— Ты не хочешь, чтобы Надежда меня подстригала у тебя на глазах? Ты не хочешь, чтобы ко мне кто бы то ни было прикасался у тебя на глазах?

— Уходи, — вместо ответа сухо сказала Тома и жестом руки указала направление в открытую дверь.

Дима поднялся с пола. Медленно подошел к Томе и заглянул ей в глаза.

— Тома... Посмотри на меня.

Медленно на него поднялись серо-зелёные глаза, полные слёз.

— Тома... не выгоняй меня из своего сердца.

Он её обнял и нежно поцеловал. Сил на сопротивление у неё уже не было. Как статуя она стояла в его объятьях. Не было отклика, не было протеста. Только слёзы, скользящие по её щекам, были ему ответом. Резко Дима отстранился от Томы и вышел в открытую дверь. Его удаляющуюся фигуру ещё можно было видеть, хотя слёзы всё сильнее топили любимый силуэт в море эмоций и душевной боли.

***

В ту ночь Тома домой не вернулась.

Вызвала такси и уехала подальше. Она не могла быть в парикмахерской, где они с Димой провели столько страстных минут, не могла быть дома, где так же всё было пронизано воспоминаниями. Там был кран на кухне, который починил Дима. Там были розетки, люстра, обои и плитуса, к которым он прикасался, чтоб привести в порядок. Там была постель, которая всё помнит. Окно, в котором видно его окно. И даже с ванной было связано воспоминание. И мыло, которым она намыливала его тело ещё лежит на полочке.

«Квартира, его помнила.

И теперь его не будет.

Как дальше жить?»

Тома сидела в такси и ехала в центр. Она бы поехала куда угодно, но пока могла придумать только это направление.

«Вечером на вокзале делать нечего... К матери всё равно сейчас не уехать. Да и Любу бросать нельзя. Нужно просто переночевать где-нибудь, а завтра будет день и будет решение.

Но куда пойти? В гостиницу? ...А, почему бы и нет?»

Она добрела до гостиницы, но перед дверьми остановилась и посмотрела вверх. Гостиница была огромной. В ней, конечно, можно спрятаться ото всех. Но не от себя. И Тома поняла, что ей сегодня жизненно необходим собеседник, чтоб не свихнуться. Но кто?

Ответ нашёлся быстро.

Да, вариант был из тех, что можно назвать — «хуже не придумаешь». Но Тома достала телефон и позвонила:

— Алло, — раздался солидный мужской голос.

— Эдик, привет.

Она произнесла его имя, и в трубке послышался вдох удивления, но главное осознание того, кто в такой поздний час ему звонит.

— Тома, ты? — Эдуард всё же уточнил, не веря до конца.

— Я. Ты мой номер уже из телефона удалил и поэтому он не определился?

— Не определился. Я телефонный аппарат поменял. А твоего номера нет на симке. Томочка, как твои дела?

— Нормально. Сейчас гуляю в центре.

— Одна?

— Одна.

— Где ты находишься? Я хочу с тобой увидеться. Это возможно?

— Возможно. Я буду в кафе «Безумие».

— Выезжаю! — и связь разорвалась.

Тома на миг пожалела о своём звонке. А потом подумала, что ничего такого она не сделала. Ей нужен собеседник. Эдик на эту роль вполне подходит. А если будет руки распускать, она ему лицо расцарапает и волосы повыдергает. А ещё зарядит оплеуху и укусит. До крови.

Ей почему-то сейчас захотелось избить любого мужчину. Конечно, бить надо виновника её теперешнего состояния. Но на него рука не поднялась. Дима выглядел, как побитая собака. Огромная, лохматая, с печальными карими глазами. На него рука не поднялась. Он, как и Тома, жертва. Пострадавший. И в этом сомневаться не приходилось. Ведь если бы он уже был в разводе, то проблемы бы не было. А так... Ни вашим, ни нашим. К жене он не хочет, к себе Тома не пускает. Неприкаянный.

«А может, ещё всё у него наладится с женой?»

Но, во всяком случае, пока он женат, он принадлежит жене. Оттягивать его из семьи нельзя. Он сам должен всё решить. И я ему помогать или мешать не должна. Иначе я и буду виновницей их развода. Тот аборт потом уже и не вспомнят. Будут упрекать в развале семьи любовницу. Вероломную! К тому же которая, старше Димы на столько лет... Охмурила мальчика и разрушила семью. Дрянь такая!

А как ещё его родители отнесутся к желанию сына развестись с женой и сойтись со мной? Только так!

И всё-таки, зачем я позвонила Эдику?

Не надо было беречь эту рану».

***

— Тома! Как я рад тебя видеть! — Эдуард подошел и, обняв на секунду, быстро поцеловал её в губы.

— Привет, Эдик. Я решила без тебя не заходить в кафе. Хотела подольше побыть на улице. Ты же знаешь, я всё время в помещении. И Люба ругает меня за это. Говорит, я бледная от недостатка света и кислорода. Солнечного света в такой поздний час, конечно, не добыть, а уличный воздух мне не помешает.

— Это она правильно говорит. Но в городе, тем более в его центре, кислорода маловато. У меня друг хороший живёт за городом, меня к себе на выходные каждый раз зовёт. Давай

пойдем к нему вместе? Любу с собой возьмём. У него большой дом. Баня есть и бассейн. А ещё рядом лес и там можно просто погулять. Как тебе моё предложение?

— Надо подумать. С Любочкой обсудить.

Эдуард искренне обрадовался, что Тома ему не отказала сразу.

— Тома, ты очень хорошо выглядишь!

— Спасибо, — робко произнесла она, поскольку себя красивой не считала.

Особенно сейчас, когда косметики уже не было на лице. Весь косметический антураж был утерян в процессе буйной дегустации коньяка, когда нервы сдали, и слёзы очередного разочарования в любимом мужчине пролились бурным потоком. Перед тем как проводить Надежду, Тома умылась и привела себя в порядок. Протрезветь же на момент встречи с Эдуардом не удалось. Поэтому Тома сейчас опасалась весьма реальной перспективы добавить промилле алкоголя в свой организм, если они с Эдуардом всё же войдут в кафе с таким пугающим названием «Безумие».

— Эдик, а давай не пойдём в кафе? Давай погуляем по центру? На площадьходим, а потом если не устанем, пойдём на фонтан.

— С удовольствием. А если ты устанешь, я могу тебя на руках донести до фонтана.

— Спасибо, за предложение, но необходимости меня на руках носить, не будет. Я дойду сама.

— Очень жаль. Мне было бы приятно, — он говорил вполне серьёзно.

Они спустились по ступеням, идущим от кафе, и после того как поравнялись, Эдуард предложил свой локоть. Тома без раздумий взяла его под руку. Медленно они пошли по тротуару и вскоре начали беззаботно делиться накопившимися эмоциями и событиями. Лишь про Диму, и всё связанное с ним, Тома не хотела рассказывать.

Спустя час гулянья по ночному городу, когда они добрались до фонтана с красивой разноцветной подсветкой, Эдуард аккуратно развернул Тому к себе и, пристально посмотрев ей в глаза, спокойно спросил:

— У тебя проблемы?

— Наверное, да.

— Поделишься?

— Наверное, нет.

— У тебя появился мужчина? И вы поссорились? Он тебя обидел?

Тома провела кончиками пальцев по выбритой щеке Эдуарда. И, улыбнувшись, посмотрела в его серые глаза.

— Ты меня так хорошо знаешь... Ты про меня всё понимаешь. И почему ты не смог сохранить наши прежние дружеские отношения? Ведь мне так было хорошо с тобой. Но нет, тебе понадобилось всё. А в результате мы так и не смогли стать нормальными любовниками, ипри этом потеряли нашу дружбу. А ты мне так нужен. Я по тебе скучала и думала. Но не как о своём мужчине. Как о друге. А ты разменял нашу дружбу на несколько коротких ночей. Не надо было этого делать. Ты же понимаешь, что я не смогу тебе стать той, кто тебе нужен? Я тебя люблю, но в постель с тобой не пойду. Ты прости, меня за это. И если моя дружба тебя оскорбляет, уходи прямо сейчас. Я удалю твой номер из телефона и больше никогда не побеспокою.

Он схватил Тому за плечи и встряхнул:

— Эй! Ты чего? Прекращай! Ишь чего надумала! «Уходи». Нет уж! Ты так просто от меня не отделаешься. Я же вижу тебе плохо. Я тебя одну не оставлю! Ты мне позвонила — я

к тебе пришёл. И пришел не для того чтобы обидеться и уйти. Да и потом, на что обижаться? На то, что не можешь через себя переступить и полюбить меня, как своего мужчину? Томка, Цыганочка, посмотри на меня! Это же я, твой Эдик, преданный друг, и старый поклонник. Томка, не реви! Иначе в фонтан отнесу. Вот так возьму, — он действительно подхватил её на руки и сделал пару шагов к фонтану, — И отнесу в фонтан. Чтобы холодная вода выбила из тебя всю эту дурь. Друг, любовник. Я настолько по тебе соскучился, что предложи ты мне сейчас стать твоим дедушкой, да хоть бабушкой, я бы согласился.

Тома обхватила его за шею и засмеялась. На них стали обращать внимания прохожие. А ворковавшие парочки с завистью посмотрели, как двое вполне взрослых людей радуются жизни. Эдик стал кружить и Тома, задорно смеясь, расслабилась у него на руках.

А когда, буквально все люди, что были на тот момент у фонтана, стали на них смотреть, Тома спохватилась и попросила опустить её. Эдик выполнил просьбу, и они спешно ушли прочь от фонтана.

— Нет, ну мы с тобой точно психи! Наверное, все подумали, что мы... — она резко замолчала, и Эдуард ей подсказал:

— Влюблённые.

Улыбка с губ Тома мгновенно исчезла, и она вновь стала серьёзной.

— Да, ладно тебе напрягаться! — всё тем же непринуждённо голосом сказал Эдуард, продолжая вести Тому вглубь аллеи небольшого парка, что был как раз за городской достопримечательностью — музыкальным фонтаном. — Какая разница, кто что думает? Главное, что тебе было хорошо. Мне, кстати тоже! Относись к себе не так строго. И легче станет. А то действительно, ты такая бледная, что того и глядишь в обморок грохнешься.

— Я бледной всегда была. С самого детства. Такая кожа. И на море не люблю ездить из-за того, что я либо бледная как поганка, либо красная, как мухомор. Мне загорать нельзя. Я сразу жутко краснею.

— У мухомора, предполагаются пятнышки белые. Что-то я не помню, чтобы у тебя были какие-то дефекты. Ты всегда очень красивая. Даже когда пересидишь на солнышке. А помнишь, — с воодушевлением начал он, — нашу поездку на озеро Большевик? Ты тогда ещё не была женой Андрея. И мы всей дружной шумной компанией веселились, а ты в тени большого дерева пряталась. Но всё равно умудрилась получить порцию ультрафиолета. И потом неделю ругала меня за то, что вытащил тебя на тот пикник. Ведь именно после той поездки у тебя лицо стало красное. Из-за этого Андрей не приглашал тебя в кино. И никто с тобой не хотел танцевать на дискотеке. Ну, кроме меня, конечно.

— Да. Были времена. Сколько глупостей я тогда делала.

— Ты сейчас об Андрее?

— И о нём тоже.

Весёлые воспоминания разрушились какими-то новыми эмоциями. Эдуард медленно остановился и, потянув за руку, развернул Тому к себе.

— Тома, я давно хотел признаться...

— Так! Что опять? Мы же уже договорились, что ты и я, что мы друзья! Или опять двадцать пять?

— Нет, Тома, тут другое... Я хочу сделать признание. Хотя наверняка, ты меня после этого возненавидишь. Но я должен тебе кое-что рассказать.

— Ну, рассказывай.

— Тома я перед тобой виноват. Да так, что даже ненавижу себя за то, что сделал.

— Да что там у тебя случилось?

— Это не у меня. Это у тебя. Много лет назад.

— И что именно?

— Тома, это я виновен в том, что вы с Андреем разошлись.

— Тьфу ты! — Тома облегченно выдохнула, взяла Эдуарда под руку и повела дальше. —

Я-то думала действительно проблема, а ты всего лишь про Андрея вспомнил. Не переживай! Мне Андрей давно сам рассказал, что это ты его с той Мариной познакомил. Да мало ли кто кого с кем знакомит! Не в этом проблема, а в том, что не все знакомства одинаково полезны. Не ты же Андрея укладывал в постель с Мариной. Поэтому не наговаривай на себя. Грехи Андрея пусть останутся при нём. Ты не имеешь никакого отношения к моему разводу.

— Имею! — грубо сказал Эдуард, остановился и вновь развернул Тому к себе. — Имею. Выслушай меня.

— Слушаю.

— Я причастен к вашему разводу. Я познакомил Андрея с Мариной! Я первое время помогал им встречаться в тайне от тебя на моей жилплощади! И вообще, это я толкнул твоего мужа на измену.

— Сомневаюсь. Ты, конечно, был его хорошим другом, и мог повлиять на его поведение, но у него же, была голова на плечах. Он знал, что делает. Это был его выбор.

— Ты ничего не понимаешь! Это был мой выбор. Мой! Я Андрею соврал, что ты с мной спала в то время, когда встречалась с ним. Ну, ещё до того, как он тебе сделал предложение стать его женой.

— Врёшь?

— Это тогда я врал, а сейчас говорю правду! Андрей тебя так ревновал, что сам скатился до измены.

Тома вырвала свою руку.

— Ты говоришь правду?

— Да, Тома! Я тебя безумно любил уже тогда и не мог видеть, как ты растворяешься в этом никчемном человеке.

— Он же был твоим другом?

— Был! Пока мне не перешел дорогу. Пока не посмел появиться в твоей жизни!

Тома глубоко вздохнула и внимательно посмотрела на Эдуарда. Он не был растерян или расстроен. В гневе был. Но не сломлен. Он ждал её нападения. Не факт, что он его бы стал отражать, тем более уклоняться от него. Он ждал её возмущения. А его не было. Совсем. Тома просто стояла и смотрела ему в глаза. И пыталась понять, почему тогда, много лет назад не разглядела в нём всего этого. Его любви, страсти. Отчаянья. И ещё подумала, а как бы сложились их отношения, если бы Эдик, был таким же решительным тогда, ещё до появления Андрея в ее жизни?

«Допустим, я вышла замуж не за Андрея, а за Эдика. Как бы сложилась моя жизнь? Понятное дело, мне бы Эдик не изменял. Хотя... кто знает этих мужчин? Но допустим, что всё же не изменял. Естественно никакого архитектора Валеры в моей жизни бы не было. Но это как раз было бы замечательно, а то, что не было бы Димы, это уже беда. Я даже думать не хочу, что его могло не быть. Он должен быть и точка! И пускай с таким же печальным финалом эти отношения бы закончился, но Дима в моей жизни должен был бы появиться...

И всё же, если бы моим мужем стал Эдик, как бы я жила?

Наверное, у меня бы уже были дети. Был бы салон красоты, а не просто парикмахерская.

Большой дом. Хорошая машина, все дела...

Но чего же мне не тоскливо без всего этого великолепия? Почему не жалею, что не стала его женой?

Да потому, что ничего такого не было бы. Если бы я стала его женой, он бы меня поглотил. Постепенно, но полностью. Детей бы у нас не было, потому что они бы меня отвлекали от мужа. Он бы на этом настоял. Машину он мне, может быть, и купил. Но только для того, чтобы я ездила по магазинам. И никакого салона красоты тоже бы не было. Вообще, никакой работы, вне дома не было бы. Эдик меня спрятал бы где-нибудь в пригородном особняке и показывал своим друзьям по большим праздникам. Но только своим. Моих друзей и родственников не было бы. Чтоб они не дай Бог, мне не указали, «где ж твои глаза были, когда ты за этого собственника замуж-то выходила?»

Да... так, скорей всего, и было бы. Если б, да кабы...»

— Эдик, милый мой, Эдик, я, наверное, поеду домой? Ты меня до такси проводишь? Ты не подумай ничего такого. Что я обиделась или ещё что. Просто уже полночь скоро. Я подумаю над твоими словами и в следующий раз, мы с тобой обсудим сказанное тобой сейчас. Если ты, конечно, захочешь об этом говорить. Потому что, если честно, то мне пофиг, что ты сказал тогда Андрею, что он потом снюхался с Мариной. Мне вообще пофиг, на всё. Я сегодня любимого мужчину потеряла. Я его сама выгнала. И он не вернётся. А если и вернётся, я его опять прогоню. И не потому, что его не люблю. А потому что обстоятельства не позволяют нам быть вместе. Я и в центр сегодня приехала, только потому, что домой не могла пойти. Там всё напоминает о нём. Понимаешь, он вытеснил все воспоминания, все обиды из прошлой жизни. А теперь у меня и прошлого нет... и будущего с моим любимым мальчиком тоже нет. Извини, меня Эдик, за всё. И проводи до такси. Я уже ничего не хочу. Ни разговоров, ни гулять. Ничего.

— Почему ты сказала с «моим мальчиком»? — с опаской спросил Эдуард.

— Он моложе меня. Но не в этом проблема.

— А в чём?

— Он женат.

Эдик потер свою шею и сделал шаг в сторону Тома.

— Так! А теперь всё заново и без утайки. Откуда он взялся? Он точно не аферист?

— Нет. Не аферист. Он простой работяга. На стройке работает. У него золотые руки. Он мне починил в квартире всё, что только можно... В квартире починил, а в душе сломал. Я о нём всё время думаю. Мне плохо без него. А с ним я быть не могу.

— Он женат, ты об этом уже говорила.

— Да, он женат. Но я об этом не знала раньше. Я только сегодня, буквально несколько часов назад узнала.

— Узнала, напилась и сбежала? Так?

— Да. Видишь, какая я предсказуемая.

— Вижу. Я многое вижу. А то, что ты завела молодого любовника, не уследил. Не надо было тебя надолго одну оставлять.

— Опять за своё? Эдик! Прекращай! Я и ты не будем вместе!

— Да я вообще не про это! Я про то, что не нравится мне, когда молодые парни крутятся вокруг самостоятельной женщины.

— Ты хотел сказать, одинокой женщины?

— Ты не одинокая! У тебя есть я, Люба, подруги. Мама, сестра и даже те другие

племянницы. Видишь, сколько у тебя защитников?

Тома тихо всхлипнула и смахнула слезу. Она даже попыталась улыбнуться, но у неё ничего не вышло, и тогда она прикрыла ладонью глаза. Эдуард её обнял и, поглаживая по спине, стал успокаивать:

— Не расстраивайся. Всё наладится. А давай ты сегодня переночуешь у меня?

Она резко на него посмотрела.

— Это не то о чём ты подумала! Я просто тебе предлагаю переночевать у меня. В зале. Я к тебе приставать не буду.

— Спасибо, но я поеду домой.

— Нет! Ты поедешь ко мне! Всё! Завтра приедешь домой, и жизнь наладится. А сегодня достаточно для тебя приключений. Я помню, что с тобой было, когда ты ушла от Андрея, а потом от этого... Как его звали?

— Валера.

— Да! От Валеры. Ты сейчас сядешь в такси, а я уснуть не смогу. Всё буду думать, не попала ли тебе жожа под хвост? И где тебя искать? Всё, разговор окончен, пошли ко мне домой!

Рывком он выдернул Тому из ступора и, продолжая держать за руку, повёл в сторону дороги, где можно было поймать машину.

***

Они вошли в зал его трёшки. Эдуард, без лишних слов, выдал майку, полотенце, постельное бельё. И ушел на кухню готовить чай.

Тома сходила в душ, после которого ей стало гораздо лучше. Она одела свои трусики и предоставленную Эдуардом майку синего цвета, к приятному удивлению, очень длинную. В этой майке можно было без особого смущения показаться на глаза хозяину квартиры. Тома вышла из ванной комнаты и остановилась у открытой двери в кухню.

— Ты чай будешь? — спросил Эдуард, мельком посмотрев на Тому.

— Нет.

— Может, ты голодная? Давай я тебя покормлю?

— Нет... Спокойной ночи.

Тома уже развернулась, когда услышала его голос:

— Не уходи. Побудь со мной. Хотя бы пару минут. Я очень не люблю пить чай в одиночестве.

— Хорошо, я побуду с тобой.

Она вошла на кухню, и хотела подойти к подоконнику, чтобы полюбоваться видом из окна, но подумала, что не надо демонстрировать свои голые ноги и искушать... мужчину. Он всё-таки мужчина. Это всё чушь, про друга. Он мужчина. Более того, мужчина, который к ней не равнодушен, с которым у неё были интимные отношения. Да, это с Димой она занималась любовью, страстной, неудержимой. А с Эдиком у неё был только интим, секс. И тем ни менее, не надо напоминать, что-либо из того, что попытались сложить, но так и не сложили.

Робко она улыбнулась и прошла к свободному стулу. Присела напротив Эдуарда и стала осматривать кухню.

«Ничего не изменилось. Всё на прежних местах.

Какая стабильность... Это ужасно», — неожиданно подумала она.

— А зачем ты пьёшь чай на ночь? Тебе он не мешает уснуть?

— Я спать не собираюсь.

В его сторону метнулся взгляд встревоженных женских глаз. Эдуард угадал природу этого испуга. И поспешил внести пояснение:

— У меня сроки сдачи одного очень важного проекта горят. Нужно поработать. Может быть, полночи на это потрачу.

— Ой! Я тебя отвлекла? Извини, если б я знала, я бы тебе не стала звонить.

— Глупости не говори. Никакая работа, не может быть выше моих друзей.

— Спасибо.

Она его поблагодарила за то, что её причислил к друзьям. Именно к друзьям. Хотя она и понимала, что это слово ему далось с усилием. На самом деле ничего не изменилось. Стабильность. И опять мысль:

«Это ужасно.

Нужно Эдуарда отвернуть от себя. Переключить на кого-нибудь».

— Эдик, а давай я тебя со своей подругой познакомлю?

Он усмехнулся и посмотрел Томе в глаза.

— Томка, если бы ты предложила мне познакомиться с твоей матерью или сестрой, я бы, пожалуй, согласился. А твои подруги мне ни к чему. Тем более я их всех знаю. Люда и Ленка счастливы в браке. Лариска для меня слишком дорогая. Таковую я финансово не смогу обеспечить. Татьяна чрезвычайно любит искусство, мне с ней вообще не интересно будет. Выставки и кинопремьеры меня совершенно не интересуют.

— А что ты скажешь про Ольгу?

— Кто это такая? Что-то я про такую твою подругу раньше не слышал.

— Конечно, не слышал! Она только в самом начале года вернулась в наши края.

— И где же она была, и почему вернулась? От мужика сбежала?

— Нет! Там несколько по-другому всё было...

Эдик не дал ей закончить:

— А! Мужик её бросил? Нет, Тома, не хочу я твою подругу.

— Подожди! — вдруг во взгляде Тома появился блеск, — Давай пари? Если ты не угадаешь причину, по которой она приехала без мужика, ты с ней встретишься. Ну, там кафе, кино, что угодно, это уже не моя забота. А если ты угадаешь, я сдамся, и больше никогда ни с кем тебя не буду знакомить.

— А давай! Сколько попыток?

— Одна!

— Хорошо. Но тогда вношу дополнение к моему выигрышу.

— Без проблем!

— Ты сама пойдёшь со мной на свидание.

— Но мы же, договорились что ты и... я.

— Я помню. Но исключение, лишь подтверждают правила.

Немного подумав, Тома согласилась:

— Ладно, — и протянула ему руку для пари.

Они символически разбили рукопожатие и воодушевились, каждый предвкушая свою победу.

— И так, почему Ольга приехала без мужика? — как в телешоу, с паузами между слов, для пущей остроты вопроса, спросила Тома.

— Если варианты, что она его бросила и то что он её бросил не подходят, то тогда

остаётся вариант, что... А сколько ей лет?

— Двадцать шесть.

— Да, невинностью в такие годы вряд ли кто похвастается, и всё же я предположу, что она девственница и не ведаёт, что делать с мужиком в постели. У неё просто не было мужика, поэтому она без него и приехала.

Тома с досадой хлопнула в ладоши и Эдуард, обрадовавшись, что ему так легко досталась победа, даже развел руки и сделал жест, мол «иди детка к папочке на коленки, я тебя выиграл».

— Ну, что, Томка? «Будешь ты козырная полностью моей?» — на распев произнёс он строчку из старой песенки, которую они пели ещё в студенческие годы.

— Эх, а так хотелось с тобой на свиданку сходить, что ж... не судьба, — улыбаясь, сказала Тома. — Ты проиграл!

— Как это?

— А так! Она приехала одна, не потому что её бросили, и не потому что она кого-то бросила. Нет, всё гораздо печальней, — тут голос Тома изменился и вновь стал серьёзным. — Её муж полтора года назад погиб. Они-то и прожили недолго. Год. И погиб. Он военным был. Там у них на склад с боеприпасами огонь от загоревшейся травы перекинулся. А он как раз был в части. Он позвонил, сказал, что всё будет нормально, а потом... К вечеру был ещё звонок, но уже не от него. Сказали мгновенная смерть. Хоронили в закрытом гробу. Ольга до сих пор заикается, когда об этом рассказывает. Так что ты, пожалуйста, её про мужа не спрашивай.

— Тома... — Эдуард отставил чай. — Я своё слово сдержу, но ты поступила нечестно.

— Честно! Я же не виновата, что твоя версия оказалась бредовой. Ты какой-то не современный! Ну, откуда я тебе невинную невесту возьму? Десять лет назад, среди своих подруг, я бы нашла такую для тебя. А сейчас, извини. Поезд ушёл.

— Томка! Язык у тебя!

— Эдик, я, правда, искренне, тебе хочу помочь. Ну, нет среди моих подруг, девственницы, — скатываясь до хохота, всё так же продолжала она потешаться над ним. — Честное слово, если бы я знала, что возникнет такая необходимость, я бы блюла кого-нибудь из своих подруг именно для тебя. А так, извини. Бери, что дают! Тем более, было пари, и ты его проиграл!

— Да помню я про пари! Угомонись ты, и иди спать!

— То есть, ты слово своё сдержишь и пригласишь Ольгу на свидание?

— Да! Вот же маета с тобой. Да, я её приглашу. Только, ты мне поможешь. Пригласи нас и ещё кого-нибудь к себе домой, там и познакомишь меня со своей Ольгой. В конце концов, не могу же я к ней на улице подкатить, или по телефону пригласить на свидание.

— Это ты правильно придумал. Если не я вас познакомлю, так она, пожалуй, и пошлёт тебя. Тут надо деликатно. Ладно, будет вам знакомство. Тем более у меня день рождения скоро. Чем вам не повод?

— Прекрасно! Значит, на твой день рождения я уже приглашен?

— Само собой!

— Отлично. И что тебе подарить?

— Не знаю, — она пожала плечами. Вопрос действительно был врасплох. — Что подарить, то и будет.

— Ладно. А теперь живо спать!

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

***

В половине восьмого, сигнал телефонного будильника разбудил Тому. Она поднялась с дивана и отправилась в душ. И буквально через двадцать минут, полностью готовая, допивала утренний кофе, смотря в окно. Вид из окна был непривычно динамичным. Количество машин не поддавалось счёту. И вся эта прорва, жаждущих попасть на работу Тому угнетала. Ей и самой через десять минут, быть в этом потоке. И хотя это было не ужасно, но всё равно не воодушевляло на подвиги.

Эдуард поднялся с постели, зевнул и медленно надел свой любимый длинный халат, но прежде чем двинуться в душ, вошел на кухню и поприветствовал Тому:

— Доброе утро. Как спалось?

— Доброе утро, — непринужденным тоном вернула Тома ему приветствие. — Спасибо, спалось замечательно. Я кофе сварила. Будешь?

— Буду.

Тома налила из турки свежесваренный кофе в кофейную чашку и поставила её на стол перед ещё не до конца проснувшимся Эдуардом. Который ещё прикрывал глаза больше чем на секунду, и было ясно, спал он очень мало.

— Ты хоть успеешь на работу?

— Конечно, Том. Сейчас кофеёк выпью и в душ холодный. В таких обстоятельствах, мой организм хочет, не хочет, а проснётся.

— Жестоко ты с собой.

— Угу, — опять закрывая глаза надолго, пробурчал Эдуард, и сделал пару глотков кофе.

— Как ни хорошо у тебя, но мне пора уходить.

— Как, уже? — встрепенулся он.

— Да. Ты меня не провожай. Пей спокойно кофе. А я пошла. И спасибо тебе за всё, — Тома на секунду по-дружески положила ему руку на плечо и улыбнулась. — Эдик, я жду тебя на свой день рождения.

— Само собой! Я подарок тебе приготовлю хороший.

— Замечательно! А я подготовлю Ольгу к твоему, как бы случайному, появлению.

— Рекламирывать меня, что ли будешь?

— Буду! Ещё как буду!

— Но учти, Ольга твоя может в любой момент спросить, почему ты такого замечательного мужчину себе не забрала? Что ты ей ответишь?

— Правду! — быстро нашлась с ответом Тома.

— Какую?

— Ту самую! Всё, отстань! — раздражённо отмахнулась она от Эдуарда.

— И всё же, Тома, чем я тебя не устроил? Чем я хуже твоего женатого малолетки?

— Он не малолетка. Он просто моложе меня на восемь лет.

— Восемь лет! Тома, ну объясни мне, почему он, а не я? Посмотри мне в глаза, — она посмотрела. Эдуард поднялся и взял её за руку, — Что есть у него, чего нет у меня? Квартира у меня трёхкомнатная. Машина хорошая. Работа престижная и высокооплачиваемая. Я уважаемый человек. Что из всего этого есть у твоего «мальчика»?

— Ничего этого у него нет. Ты прав, — сдержанно процедила она сквозь зубы.

— И, несмотря на это, ты его любишь? Его, а не меня?

— Прошу, не начинай. Иначе мы опять поссоримся.

— Я не начинаю, я заканчиваю... Я вполне отдаю отчёт своим словам. И тем ни менее, какого хрена, ты со мной решила поиграть в друзей? Я мужик, который тебя в своей постели имел. Я всего себя тебе отдавал. Ты не взяла. Ты меня никогда не брала. Ни после Андрея, ни после Валеры. Тогда я тебя тоже не устроил. И вот когда всё стало налаживаться, появился это нахал. Женатик! И опять ты говоришь, что мы только друзья... Ты понимаешь, что я устаю? Я больше так не могу.

Тома попыталась вырвать руку, но у неё ничего не получилось.

— Прошу, прости меня.

— Ты ничего хуже придумать не могла, чем сейчас сказать «прости»?

— Эд, — она так его называла очень редко, только в тех случаях, когда хотела достучаться, или когда ей было не до шуток а, проще говоря, плохо, — Мы с тобой не виделись четыре месяца! Что у нас могло «налаживаться»? О чём ты говоришь? Какие отношения? Дима тебе дорогу не переходил! Он сам по себе. И к нашим отношениям, отношения не имеет! Прости за каламбур... Не надо было тебе вчера звонить. Извини. Больше это не повторится.

Она попыталась уйти, но сильные руки обхватили её и прижали к мужской груди.

— Извини меня, — спокойно произнёс Эдуард. — Я обещаю впредь в твою личную жизнь не лезть. Тебе достаточно такого обещания, чтобы ты больше не напрягалась от моего присутствия в этой самой твоей жизни? Но уже не личной.

— Да. Я буду очень рада, если смогу вернуть себе друга.

— Сможешь. Ты всё сможешь. И я смогу. Я постараюсь.

В его руках она уже не трепыхалась. Просто стояла. И Эдуард поцеловал Тому в висок.

— Если ты подождёшь, я тебя отвезу домой.

— Не надо. Я хочу по магазинам погулять. Сегодня у меня выходной, а дома срочных дел — нет. Шопинг, что б ты знал, лучшее средство у женщин от депрессии.

— Буду знать! — улыбнувшись, сказал Эдуард и выпустил Тому из объятий.

Он проводил до дверей и даже на прощание отвесил шуточку:

— Я лишь надеюсь, что твоё плохое настроение, связанное с разрывом отношений с молодым, во всех отношениях, человеком, закончится раньше, чем деньги в кошельке и на карточке.

Тома его игриво пнула в бок и выпорхнула из квартиры.

***

К родному подъезду такси её доставило только к вечеру. Весь день Тома кружила по городу и совершала покупки. Обедала в кафе. Пила кофе в парке. Она устала. И эта усталость была приятной. Ныли ноги, глаза болели от солнца. И ещё хотелось спать. Именно в таком состоянии она вошла в квартиру и, оставив покупки прямо в прихожей, отправилась в душ. Горячая вода прошлась по телу, пахучая пена довершила релаксацию. А тёплый домашний халат, как кокон на ней запахнулся, и стало почти хорошо.

Через час пришла Люба и, увидев пакеты с новыми вещами, даже взвизгнула. А когда обнаружила, что и для неё есть обновки, то совсем обалдела. Она наряжалась и дефилировала по квартире, вызывая улыбку у Тома.

А сама Тома надеялась, что ничего не услышит о Диме, о Лиле — его жене и даже о его сестре — Вере. Её молитвы были услышаны. В тот вечер Тома не слышала ни одно из этих имён.

Но только в тот вечер.

***

— Наденька, доброе утро! Как вчера день прошёл? Клиент шёл?

— Доброе утро, — улыбнувшись, ответила Надежда и нырнула рукой в один из ящиков своего стола.

Воспоминания позавчерашней попойки всплыли в памяти Тома, и она с тревогой смотрела, зачем же именно полезла Надежда. К радости Тома не за коньяком. Хотя в чёрный пластмассовый цилиндр, что теперь был в руках Надежды, могла легко поместиться бутылка литражом ноль пять. Да даже ноль семь. И этот самый цилиндр вручался Томе. Не торжественно, но с каким-то подозрительным блеском в глазах.

— Тома, это тебе вчера ещё утром просил передать Дима. Ты извини, но я решила не выпендриваться и парня не послала, а выслушав его просьбу, пообещала тебе передать эту штуковину. Что это, я не стала узнавать. Но вещичка увесистая. Принимай.

В руки Тома легла «штуковина». Она её покрутила и заметила, что с одного конца цилиндр отвинчивается и получалось, что это футляр для подзорной трубы. Тома её извлекла и заглянула в футляр. Кроме знакомой подзорной трубы ничего больше не было.

— Что это? — спросила Надежда, которая удержаться от любопытства уже не могла.

— Это подзорная труба, — настраивая странный подарок, спокойно произнесла Тома.

— А зачем тебе она?

— На звёзды смотреть, — соврала Тома. — Сейчас выйду и посмотрю.

И она пошла в сторону входной двери.

— Так ведь днём звезд не видно! — растерянно крикнула в след Надежда.

— И всё же я посмотрю.

Тома вышла на улицу и стала наводить трубу на окно Димы.

«Зачем я это делаю?»

Не знаю... Но должен же, быть хоть какой-то смысл в его подарке».

Когда руки перестали трястись, Тома нашла окно и сфокусировала оптику. Картинка приобрела чёткость и теперь, кроме окна был обнаружен, к безмерному удивлению Тома, большой лист бумаги, на стекле этого самого окна. А на листе, явно не формата А4, был текст. Написанный чёрными жирными буквами:

«Не отрекайся от меня»

Тома вновь и вновь наводила трубу, но смысл текста не изменился.

«Зачем такие сложности? Труба. Надпись. Можно же было просто СМСку послать».

Она достала телефон и посмотрела на дисплей. Тишина. Не было пропущенных звонков и непрочитанных сообщений.

«И всё же, зачем всё так усложнять?»

Отыскав его номер в контактах, Тома помедлив, посмотрела на эти циферки, но так и не решилась позвонить.

«Нельзя давить на него. Это его жизнь.

Я должна быть в тени.

Иначе его до конца разрушенная семья будет на моей совести. А мне это уж совсем не нужно».

— Ну, что? Увидела звёзды? — поинтересовалась Надежда, заметив вернувшуюся Тому.

— Ты была права, днём они не видны.

Тома собрала трубу и положила в сумочку. Вернее, поставила. Целиком она не

помещалась и теперь торчала. Торчала и мешала Томе работать. Поскольку каждый раз, когда она видела этот черный футляр, сердце её подпрыгивало от мысли, что ещё вчера Дима принёс этот подарок сюда. Принёс и попросил Надежду передать ей.

«Почему не стал лично вручать? Побоялся что не приму? Или просто, из-за того, что меня не было дома, он прибегнул к помощи Надежды?»

А почему не мог подождать меня до вечера?»

Вечером она вновь навела подзорную трубу на окно Димы. И долго смотрела на слова схожие с молитвой.

«И выбрал же!»

Мог бы просто написать «не отказывайся». Нет, выбрал совсем уж болевой вариант. Вот тебе и парнишка со стройки... В нём замашки аристократа.

Да, его финансовый уровень весьма скромн. И кроме музыкального центра в комнате съёмной квартиры, нет ничего из нажитого имущества. Работа есть, но не престижная и не такая высокооплачиваемая, как у Эдика. Но ведь и я — не бизнес вумэн. У меня даже машины нет. С чего мне фигнёй заниматься, и опасаться нарваться на афериста? Какой с меня доход? Бизнеса, как такового, нет. Парикмахерская создана из воздуха. Помещение в аренде. В любой момент мне поднимут арендную оплату, и я ту-ту отсюда. Ведь больших барышей нет, и держаться мне не за что».

Она заварила себе чай и вернулась к окну. Люба уже спала. На улице темно. В окне Димы тоже.

«И свет весь вечер так и не загорался.

Может, спать рано лёг?»

Но внутренний голос твердил, его нет в квартире. И Тома абсолютно не боялась, что Дима увидит, как она стоит у окна. Хотя свет на кухне при этом не включала. Стоя в темноте, обеими руками держала кружку с чаем, который был ещё горяч. Но прошло время, а чай так и не был выпит. Он просто остыл. А Тома продолжала стоять у окна.

Внезапно её осенила догадка.

«Он больше не живёт в квартире!

Его там нет.

Неужели он вернулся к жене?»

От этой мысли стало совсем плохо. Она схватила телефон и начала лихорадочно искать его номер. Нашла и уставилась на цифры.

«Ну, нельзя же ему звонить! Нельзя. И точка!»

Если бы он названивал, то я бы тогда ответила и спросила — «Как твои дела»? Как будто просто так спросила бы и всё узнала. Мимоходом. А самой ему звонить и узнавать, как у него дела — нельзя.

Почему же он сам не звонит?»

***

Мучительно долгий день подходил к концу. Дима так и не позвонил. Тому ломало, но она всё же нашла в себе силы ему не звонить.

— Томка, представляешь, Вера, наверное, институт бросит, — подавленным голосом, сказала Люба после ужина.

— Вера? — удивилась Тома.

— Да.

— Почему?

— Говорит, что больше не может учиться.

— А что по этому поводу думает Дима?

— Кто ж знает. Он ещё позавчера уехал. Забрал свои вещи с квартиры и уехал. Вере сказал, я тебе не помощник. Представляешь? И как теперь она будет?

— Так! Вере, что негде жить?

— Ну, пока она ещё может жить в той квартире. Но, как я поняла, в её распоряжении пару недель. Потом надо съезжать. Одна она оплату квартиры точно не потянет.

— Как же он мог так с ней? — гневно выпалила Тома и вскочила со стула. Тот опрокинулся и грохнулся на пол. Люба удивлённо посмотрела на Тому.

— Тома, ты чего так переполошилась?

— Значит так! Звони Вере и... Нет! Сначала я другому человеку сама позвоню. Да Позвоню и всё узнаю, — она уже была в прихожей и одевала куртку. — Люба, я скоро вернусь!

И выскочила из квартиры. Люба ей даже в ответ ничего не успела сказать. Реакция Тома её очень удивила. Ей и самой было обидно, что Вера может бросить институт. Но когда делилась проблемой с тётей, настолько бурной реакции не ожидала увидеть.

Тома шла прочь от подъезда и нажимала на дозвон.

Пошли гудки. Один, второй, третий и...

— Привет.

— Дима! Ты в своём уме? — раздражённо произнесла Тома, услышав его голос. Голос, который резал её изнутри.

Злость мгновенно задушила желание заплакать.

— Тома, что случилось?

— Это я тебя хотела спросить, что случилось? Как ты мог бросить, Веру? Ты ей нужен! Ты хоть это можешь понять? Она без тебя пропадёт! Так нельзя! Ты не должен её так бросать! Ты её никак не должен был бросать! Она с твоим уходом осталась совсем одна! Ей плохо! Ты обязан был подумать, как ей жить без тебя!

— Тома! Тома! Подожди, — всё же сумел Дима перебить и вставить слово. — Тома, объясни, о чём ты говоришь?

— Как о чём? Вера собирается уходить из института! Ты ушел, а она не сможет платить за квартиру! Где ей жить? — Тома перевела дыхание и продолжила, — В общем, я хоть и живу в однокомнатной квартире, но смогу потесниться и приютить Веру у себя. И не на время, а на период пока она полностью не закончит обучение. Вот так! И не смей мне возражать! И не смей к нам приходиться! Ты её бросил на произвол судьбы! Я о тебе была лучшего мнения! А ты... Как ты мог, взять и бросить человека который в тебе нуждается?

— Тома! Я тебя правильно понял, ты хочешь, чтобы Вера жила у тебя?

— Да!

— А Вера, что думает по этому поводу?

— Пока ничего. Она ещё не знает о моём предложении.

— Понятно. Тогда позволь мне кое-что объяснить?

— Объясняй!

— Где ты сейчас находишься?

— Дома. То есть, рядом с домом.

— Мы могли бы встретиться минут через двадцать?

Тома растерялась. И сердце стало ещё сильнее колотиться.

— Это плохая идея.

— Тома, я буду через двадцать минут. Уже темнеет, на улице не броди. Жди меня дома или в парикмахерской. Хорошо?

— И всё же, это плохая идея.

— Прощу, давай встретимся.

— Хорошо. Я буду в парикмахерской.

Эти двадцать минут были самыми мучительными в её жизни. Она сначала ходила вдоль дома. Потом сидела на скамейке. А уж когда совсем нервы скрутили, отправилась в парикмахерскую. Вошла. Включила свет и подошла к кулеру. Пить не хотелось. Просто пересохло в горле, и нужно было чем-то занять руки, которые за эти минуты лишились пары ногтей.

«Так изводиться нельзя! Нужно быть устойчивее! Нужно!»

Но... не получалось.

Дверь распахнулась. И сердце упало. Дима вошел и прямым ходом подошел к Томе, которая так и не успела налить себе воды. Стаканчик она медленно смяла и бросила в мусорное ведро.

— Привет, — тихо произнёс Дима, когда почти прикоснулся к Томе грудью.

Она не смогла ответить, только кивнула головой и уставилась на его небритое лицо. Возвышаясь, он вынуждал Тому запрокинуть голову. Его дыхание жгло. А взгляд плавил.

— Я соскучился.

Сильные руки легли ей на плечи. Тома в душе взвыла и стала отстраняться. Отчего Дима ещё сильнее начал обнимать и прижимать её тело к своему. И тогда Тома стала его колотить. Сначала не сильно. А когда по её щекам потекли слёзы, она обрушилась на Диму пощёчинами. Она била, плакала и не замечала, что он не пытается увернуться. Он просто зажмурился, и всё сильнее её прижимает к себе. Когда её руки устали, они обвисли как плеть, и Дима уткнулся в её волосы.

— Я соскучился. Мне плохо без тебя.

— Уходи... Уходи, — а руки уже предательски потянулись к его плечам.

Губы их быстро нашли друг друга. Нашли и обрели. Впившись, как будто в этом было спасение и полный крах одновременно. Они целовались и, прижимаясь, пытались раствориться. Но раствориться не удалось. Мешали ее слёзы. Их одежда. Мешало всё. А мысли в первую очередь. Они били Тому в самое сердце, и она начала вырываться, как зверь из капкана. Дима её удерживать уже не мог. Нехотя сначала перестал её осыпая поцелуями, а потом и вовсе выпустил из рук.

— Так нельзя! Нельзя! — крикнула она и вновь занесла руку, но так и не ударила.

А Дима обтёр лицо руками и посмотрел в сторону кулера. Ему действительно хотелось пить. Сюда он приехал на такси. Но до такси бежал. Боялся не успеть. И вот успел. Только куда? Он налил воды и стал пить. Тома отошла на пару шагов, и стала неотрывно наблюдать за ним. Она слишком соскучилась, чтобы сейчас отвести взгляд. Будет ночь и тогда, она каждый его изгиб будет вспоминать. А пока запоминать. Всё запоминать.

— Дима, ты почему Веру оставил?

— Потому, что пытаюсь вернуться к тебе, — не глядя на неё, тихо произнёс Дима. — Мне отец выставил условие, если я вернусь домой, он перестанет блокировать мой развод с Лилей.

— А почему Вера вместе с тобой не вернулась домой?

— Её отец не позвал. Она его дочь, но матери у нас разные. Отец много лет назад уходил к матери Веры, а потом вернулся к моей матери. Мама знает, что та другая женщина родила от отца девочку. К сожалению, отец хочет закрыть глаза на её существование. Я же так поступить не могу. Поэтому, когда ушёл из дома, то разыскал и пригласил Веру жить к себе. Она поступила в институт и теперь у неё всё нормально.

— Нормально? Она же из института собирается уходить!

— Не собирается. Я с ней только что разговаривал по телефону. Как и обещал ранее, я буду оплачивать её проживание в городе. Буду помогать деньгами. Но забрать в дом отца я не могу. Конечно, ей обидно, что с ней так поступает отец, но я не могу прыгнуть выше собственной головы. Я сам завишу от отца. Настолько завишу, что вынужден вернуться в его дом... В дом, где живёт не только он, но и Лиля. Поверь, только так я могу обеспечить себе развод. У меня уговор с отцом, мне нужно только продержаться совсем немного, и я избавлюсь от этого брака.

— Ты... вернулся к жене?

— Нет! Я вернулся в дом родителей, в котором проживает и Лиля.

— А... — худшие предположения сбывались.

— Тома! Ты сейчас совершенно не о том думаешь!

— Я сейчас вообще ни о чём не думаю, — едва слышно произнесла она. — И вообще, иди домой. Раз с Верой всё нормально, то и мне нечего переживать за неё. Я же только из-за неё тебе позвонила.

— Да брось ты! Я всё правильно понял! Не надо меня вводить в заблуждение! Я же понимаю, почему ты позвонила на самом деле.

— Уходи, Дима.

— Тома! Я тебя не бросал! Так обстоятельства сложились. Я вынужден был уехать. А не звонил, потому что...

Она не дала ему ответить. Нежно накрыла его губы своей ладошкой и покачала головой, мол «не надо, ничего не надо говорить».

— Дима, иди домой. Пожалуйста, уходи.

Обеими руками он взял её руку, поцеловал несколько раз красивые пальцы и посмотрел в бездонные глаза любимой женщины.

— Тома, я соскучился.

— Уходи... Я не для того согласилась на нашу встречу, чтобы ты со мной своей жене изменял. Уходи.

Резко он выпустил её руку, в два шага оказался у двери и, не оборачиваясь, произнёс:

— Тома, я тебе не изменяю. С Лилей я не сплю.

— Уходи. Христом Богом, прошу. Уходи. Ты мне уже всю душу вымотал. Не терзай меня. Уходи.

Дверь за ним с грохотом закрылась. И Тома вздрогнула, как от выстрела. Ей даже стало больно, как будто в неё действительно выстрелили. Она даже знала, куда именно попала пуля. В сердце. Там жгло и кровь, пульсируя, как в агонии, вызывало колебание всего тела.

Медленно присела она в кресло и посмотрела на свое отражение в зеркале.

«Странно... Раны невидны, а ранение есть».

***

Июнь

— Как будем стричься?

Напротив Тома, сидел солидный мужчина, лет пятидесяти. Его можно было отнести к той самой категории, про которую Люба говорила «упакованный тип». Дорогой костюм, дорогие часы. И всё остальное, вплоть до кожаных туфель, кричало — «Я из высшей лиги!» И именно это обстоятельство и напрягало больше всего.

«Чего такой упакованный тип забыл в нашей скромной парикмахерской?»

Мужчину этого Тома раньше не видела. Приехал он сюда на такси. Когда вошёл, окинул помещение оценивающим взглядом. Надежда, которая обычно стригла мужчин, его не впечатлила. Она лишь удостоилась его мимолётного взгляда и легкого поклона головы, после чего мужчина прошёл к креслу, рядом с которым стояла Тома, и уверенно присел в него.

И вот он сидит, а Тома недоумевает, что с ней будет, если она этого клиента как-то не так подстрижёт? Вернее, она прикидывала, сколько у неё будет времени, чтобы успеть покинуть город, в случае своего провала.

— Меня стричь не надо, — произнёс мужчина. — Вы можете меня побрить?

Тома могла побрить ежа, а этого клиента ей совсем не хотелось брить. И тем ни менее она улыбнулась и произнесла:

— Конечно.

Надежда, пытаясь скрыть панику, стала наводить порядок на своём рабочем месте. Она периодически посматривала, не совершила ли Тома роковую ошибку, которая повлечёт закрытие заведения. Однако Тома, орудуя бритвой, всё делала правильно. При этом она умудрялась мило улыбаться клиенту и что-то рассказывать о чувствительной коже лица мужчин и о способах ухода за ней. Мужчина слушал и внимательно наблюдал, то за отражением Тома в зеркале, то переводил взгляд непосредственно на её лицо. И взгляда не отводил, если Тома ловила его на себе.

— Готово, — с неподдельной радостью сказала Тома и поднесла небольшое зеркальце к клиенту.

Он себя осмотрел и не разочарованный результатом, в ответ даже улыбнулся.

— Спасибо. Сколько с меня?

Тома искренне хотела сказать — «Для Вас абсолютно бесплатно, и пожалуйста, не приходите больше». Но подавив этот порыв, назвала цену за бритьё. Мужчина оплатил труды и ушел. Тома с Надеждой переглянулись и выдохнули.

Этот клиент, стал приходить регулярно. Через день. Тома к нему со временем привыкла и перестала шарахаться. Она, конечно, ему улыбалась и что-то всегда рассказывала. Если на момент его визита у неё был другой клиент, этот солидный мужчина ждал. Все попытки усадить его в кресло Надежды успехом не увенчались. Он желал быть выбритым только Томой. Она поначалу надеялась, что ему надоест приезжать, только чтоб его побрили. А потом успокоилась, вручила ему свою визитку и попросила, по возможности, сообщать о визите, чтобы резервировать для него время, дабы он не ждал.

Однажды он решил приехать во вторник. Тома забыла предупредить, что в этот день у неё выходной и поспешила на встречу с дорогим клиентом. Именно “дорогим”, поскольку клиент всегда переплачивал. Поначалу Тома пыталась сдачу всё-таки отдать, но, когда в неё вонзился взгляд суровых карих глаз, в которых ясно читалось, «Не оскорбляй меня, сдачей», Тома испугалась. И больше не пыталась беречь его деньги.

Звали клиента Александр Федорович. Фамилию его Тома пропустила мимо ушей и ограничилась лишь тем, что запомнила имя. Да и имя она узнала лишь, когда он ей

позвонил, представился и напомнил, что она его бреет. Звонил он чтоб, как она и просила, зарезервировать время.

Мысль, почему он не бреется дома сам по утрам, как это делает большинство мужчин, её посещала много раз. Ответа не было. Спрашивать об этом напрямую у Александра Федоровича, язык не поворачивался. А собственные мысли на эту тему чаще пугали, чем вносили хоть немного ясности. В конце концов, он Тому, как клиент, полностью устраивал, и вскоре она перестала искать подвох.

***

Теплый июньский день приближался к закату. Сегодня Александр Федорович с визитом задерживался. В течение дня он несколько раз звонил, и каждый раз потом перезванивал и переносил время своего визита. Тома, уже подумала, что сегодня он и вовсе не приедет. Однако буквально за пару часов до закрытия он всё же появился.

— Тома, добрый вечер, — с порога спокойным голосом произнёс он и подошёл к креслу.

— Добрый вечер. Присаживайтесь.

Он присел. Тома накинула на мужские плечи накидку и приступила к бритью.

— Я думала Вы сегодня уже не приедете.

— Я об этом и подумать не мог.

— Александр Федорович, Вы меня простите за вопрос, но кто Вас брил до меня? И чем он Вас не устроил? Я рада заполучить такого клиента, как Вы, поэтому не хочу совершить такую же ошибку, как Ваш предыдущий брадобрей и тем самым, лишиться Вас.

— Что ж, вполне резонный вопрос. Я отвечу. Но если позволите не сегодня. У меня встреча через час, а я ещё должен заехать домой и переодеться.

— Да, да. Конечно, я Вас ни в коем случае задерживать своей болтовнёй не хочу.

— Тома, я могу рассчитывать, что если Вы мне понадобится, то подъедете в нужное место к назначенному часу? Такси в оба конца я оплачу отдельно.

Тома подумала, что это уж совсем перебор:

«Оплачивать такси, плюс мою работу, лишь только затем, чтобы побриться! Это уже пахнет ...маразмом».

Однако она только и смогла сказать:

— Конечно. Я смогу.

После ухода Александра Федоровича, паника окончательно сформировала план действий:

«Бежать!!!!

...Только куда?»

Перспектива превратиться в брадобрю по вызову, ужасала. Поскольку невольно возникала ассоциация с другой профессией, тоже древней, представительницы которой срывались на встречу по первому зову клиента. И хотя Александр Федорович ни словом, ни жестом, никогда не намекал на фривольность общения, Тома с отвращением думала о том, что её можно сорвать и куда-то там пригласить для услуг на дому.

«Дикость какая-то!»

Со всей этой суматохой, она почти перестала умирать от того, что в её жизни теперь нет Димы. Он остался в мыслях, воспоминаниях, но в реальной жизни его больше не было. Первые дни, после их последней встречи в парикмахерской, он ей пытался дозвониться. Она не отвечала. Осыпал СМСками. И они тоже остались без ответа. Удержаться и не читать

сообщения от Димы Тома не смогла. И поэтому всю нежность их содержания знала. Однако каждый раз после прочтения, она удаляла сообщение, чтобы не сойти с ума, осознавая, что в её телефоне есть такие нежные слова, посланные Димой именно ей.

Он вначале настойчиво пытался пробить брешь в стене её отчуждения. Но прошло не так много времени, и натиск ослаб. Практически сошёл на ноль. Последние пару дней сообщения от Димы не приходили. А звонки прекратились вообще неделю назад.

Тома серьёзно стала полагать, что всё у парня наладилось. Он помирился с женой и теперь лишь по инерции иногда шлёт ей СМСки. Но отказать себе в их прочтении она не могла. И каждый раз, когда дисплей телефона сообщал от кого именно сообщение, щеки Тома вспыхивали от прилива крови. Сердце при этом мгновенно начинало колотиться, отбивая бешеный ритм аритмии. Адреналин делал своё дело. Руки тянулись к кнопкам телефона, и перед Томой появлялся новый текст от Димы. Трогательный, нежный, порой душераздирающий.

После прочтения, конечно, хотелось позвонить ему. Очень хотелось. Но проходила минута, другая и желание умиралось. Пальцы рук, оберегая глаза, нажимали на удаление сообщения, и текст пропадал навсегда. О нём ещё помнили, его ещё рисовало воображение. Но его уже не было, как если б и вовсе никогда не существовало.

***

Вечером неожиданно приехал Эдуард. Он привёз торт и цветы.

— Это просто так! — прочитав во взгляде Тома удивление, поспешил успокоить он. — Почему я не могу приехать просто так к тебе? Или у тебя были на вечер планы?

— Нет у меня никаких планов! Проходи и не морочь мне голову! Сейчас будем пить чай.

— Прекрасно! — Эдуард прошёл следом за Томой на кухню, положил цветы и торт на стол, и отправился мыть руки. — Люба где?

— У подруг. Она теперь часто у подруг задерживается. А ещё представляешь моду, какую взяла, с ночёвкой остаётся. Есть у неё подруга Вера, так у неё она и остаётся. Та живёт в двухкомнатной съёмной квартире одна. Жилплощадь позволяет гостей собирать. Я поначалу переживала, чтоб ничего плохого на той квартире не было. Но потом подумала, что девочки они неглупые, тотальным контролем порядок я не обеспечу, а вот доверием ситуацию хоть как-то контролировать буду.

— Ну и как, получается контролировать?

— Пока да. Люба просит моего разрешения, переехать в ту квартиру. Я пока думаю. Что я скажу сестре? Она ведь надеется, что я внимательно слежу за её дочкой. И не позволю ей совершать глупости.

— Так ты и не позволяй глупости совершать. А на квартиру к подруге всё же отпусти. Но с условием, что глупостей там не будет. Ты же сама без присмотра родителей выучилась. Да и ещё в общежитии, где мальчики и девочки жили в близком соседстве. Зато у тебя была студенческая жизнь. Жизнь! Понимаешь? А что Люба видит в твоей квартире? Тетю, которая зарыла себя в четырёх стенах?

— Почему зарыла?

Томе не понравилось это слово.

«Я что, сама себя закопала?»

Скверно...»

— Я не знаю почему. Тома, я тебя зову-зову поехать за город к моему другу, ты не

соглашаешься. Почему? Только не говори, работы много! всю работу можно перенести!

— Не всю.

— всю! твою так уж точно. Ну, что станет, если какой-нибудь матроне стрижку сделают завтра, а не сегодня? Что Земля сойдёт с оси? Никакой катастрофы не произойдёт! В конце концов, у тебя есть Надежда, пусть она и поработает пару дней без тебя! Она хоть отдохнёт от твоего общества. соскучится. А ты соскучишься по работе. И в воскресенье вечером я тебя верну в твою клетку, именуемую благородным словом — квартира. Как тебе моё предложение?

— Я подумаю.

— Ты что-то вроде этого уже говорила. Но дело так и не сдвинулось. Я, как твой преданный друг, всё же настаиваю на этой поездке. Ты ведь действительно осунулась и стала ещё бледнее.

— Спасибо за комплимент!

— Не обижайся! На правду не обижаются. Тебе нужно сменить обстановку, хотя бы на пару дней. Жаль, конечно, что завтра только четверг. Я предлагаю поехать в субботу с утра! Согласна?

— Прости, Эдик, но я не могу.

— Можешь! И точка. Иначе силой тебя выволоку из парикмахерской, и увезу в неизвестном направлении. Так что, выбирай добровольно или насильно ты будешь отдыхать?

Тома протянула полотенце для рук Эдуарду и улыбнулась:

— Добровольно.

— Отлично! А теперь тащи всё, что есть вкусенького в твоём холодильнике. Я есть хочу! Просто, умираю!

— О! времена идут, а ты не меняешься. Как и десять лет назад, принёс цветы, сорванные с клумбы перед общагой, а в благодарность тебя кормить надо!

— Я ещё и тортик принёс! — оправдывался Эдуард. — А цветы я теперь не рву. Я их покупаю. Так что хоть и смысл моих подношений не изменился, а всё же уровень мастерства моего коварного плана заполучить домашнюю пищу, явно вырос.

— Да уж! Ты мастер! Присаживайся. Сейчас борщ будешь лопать и ещё кое-что вкусенькое.

— Это удачненько я зашел!

Через час, когда дело у них дошло до торта, Тома поведала о своей проблеме, именуемой «Александр Фёдорович». Эдуард, сразу напрягся и весь рассказ об этом человеке слушал внимательно. После чего задал с десятков вопросов, некоторые из которых Томе показались странными:

«Обратила ли ты внимание на машины, которые его привозили?»

«Он расплачивался купюрами какого достоинства?»

«За период его визитов, произошли изменения в его стрижке? Или волосы просто отросли, но их никто не стриг?»

И последний вопрос, который Тому окончательно доконал:

«Хотя бы случайно, как бы невзначай, прикасался ли он к тебе когда-нибудь?»

Тома багровела, но на вопросы пыталась дать ответы.

— Да в том-то и дело, что НЕТ! Если бы я в жесте или взгляде уловила, хоть малюсенький намёк на те самые эротические фантазии, о которых ты мне талдычишь, я бы

уже давно предприняла меры избавиться от него... Но нет. Пошлости не было. Он внимательно меня слушал. Иногда спрашивал о чём-то.

— Так! Стоп! О чём именно он тебя спрашивал?

Тома задумалась.

«А действительно, о чём он спрашивал?»

— Я не помню.

— Так не бывает, Тома. Вспоминай.

Прежде чем ответить она сделала пару глотков чая:

— Вспомнила! В позапрошлый раз он меня спросил, как давно я стригу.

Эдуард вздохнул и разочарованно посмотрел на Тому.

— Это не тот вопрос, который я надеялся услышать. Это какой-то нейтральный вопрос.

А про личную жизнь он тебя не спрашивал? Ну, там про возможных детей? Мужей?

— Нет! Он мне в душу не лез. Сама же я вроде ничего такого не рассказывала. Только про маму говорила. Про то, что она на прошлой неделе приболела. Что им с сестрой нелегко. И что я им помогаю по мере возможности.

— Твои возможности мне известны. Была б твоя воля, ты б вообще на сухарях сидела, а все деньги в деревню отсылала.

— Но им, правда, нужны деньги!

— А тебе? Тебе они не нужны?

— Нужны. За коммуналку надо платить. И за аренду помещения, в котором моя парикмахерская. Ещё Надежде зарплату надо выплачивать. На всё это мне и нужны деньги.

— Ясно. Ничего не изменилось. Ты какая была, добрая душа, такой и осталась. Эх, Томка! Я ж тебя совсем про другое спрашиваю.

— Про что?

— Да не про что! — в конец растерялся Эдуард, в очередной раз, столкнувшись с беспредельной бескорыстностью этой женщины.

Когда чай был выпит, Эдуард неожиданно для Тома подошел к окну и закурил. Курил он всегда без спроса, и Тома ему замечания по этому поводу уже не делала.

— Вот как мы с тобой поступим. Поскольку до конца не ясно, что затеял этот Александр Фёдорович, надо продемонстрировать ему, что у тебя есть мужик. В роли мужика, как ты сама понимаешь, выступлю я.

— И как ты себе это представляешь?

— Очень просто! Когда он тебе позвонит, чтобы сообщить о визите, ты тут же звонишь мне и я, на момент его появления, тоже буду у тебя. Твоё дело лишь подыграть мне.

— Целоваться полезешь? — как-то уж очень прямолинейно спросила Тома, и удостоилась хитрящего взгляда Эдуарда.

— Надо будет и поцелую! Что поделать раз для дела нужно!

— Кому нужно?

— Тебе! Наивная ты душа. Тебе нужно! Он увидит, что аэродром занят и улетит. А не улетит, так значит, и не было у него тех самых шальных мыслишек, о которых мы подумали. Значит, он просто псих, который не хочет бриться сам.

— Ой, спасибо! Успокоил. Выбор диагнозов меня, в любом случае, удручает. Маньяк или псих? Какая прелесть!

— Согласен. Выбор не из приятных. Но определиться мы должны. А потом уже решим, как тебя от него избавиться окончательно.

— Собственно говоря, меня он, как клиент, устраивает. Только ехать никуда не хочу. Опасаюсь.

— От этих страхов я тебя избавлю в раз! Когда я появлюсь, то сам скажу этому Александру Фёдоровичу, что не хочу, чтоб моя женщина ездила на всякие там вызовы. Ему надо, пусть сам и приезжает. Понятно?

— Почти.

— Так ты позвонишь мне, когда он соберётся к тебе приехать?

Она ответила без раздумий, но тихим, подавленным голосом:

— Позвоню.

Вскоре Эдуард ушел. А Тома вышла на балкон, настроила подзорную трубу и стала смотреть на небо. Большая луна, который день пыталась порадовать своей яркостью и чёткостью. Тома приобрела треногу и теперь даже если её руки тряслись, она могла видеть вполне сносную картинку. В бывшее окно Димы она иногда тоже смотрела. Смотрела и удивлялась, почему Вера не сорвала этот огромный лист с надписью. Он был на прежнем месте. И, казалось, уже прирос к стеклу. Укором, теребя душу Тома.

«Не отрекайся...»

***

Была пятница. Вечер.

Через полчаса приедет Александр Фёдорович. Эдуард тоже обещал подъехать. Тома ужасно нервничала. Ей не нравилась вся эта затея. И в первую очередь потому, что Эдуард плохо дела не делал. Все его проекты получали одобрение и похвалу. Он всегда выкладывался ради дела на сто процентов. Только дело, на которое он толкал Тому, было специфическое. И в любом случае, новое, не апробированное для их тандема.

Надежда сегодня не работала. Лишних зрителей на их концерте с Эдуардом не будет. Хоть это радовало Тому. И тем самым вселяло немного надежды на успех безнадежного, на первый взгляд, дела.

— Добрый вечер, Тома, — произнёс Александр Фёдорович, войдя в парикмахерскую.

Тома ему улыбнулась и поздоровалась в ответ. Сегодня Александр Фёдорович был в хорошем расположении духа. Он чаще, чем обычно, улыбался. И добродушно смотрел на Тому.

А ей не давали покоя мысли:

«Зачем он приходит?

К чему все эти сложности?

Пятьдесят лет мужику, а он бриться на такси приезжает за тридевять земель. И ведь кольца обручального нет. Хотя кто ж из мужиков его теперь носит? Только совсем молодые, кто ещё помнит день свадьбы и блеск в глазах новоиспечённой жены. А мужики постарше стесняются подобного символа семейной жизни. Воспринимая его, как атавизм».

Процедура бритья началась. Тома провела бритвой по мужской скуле. Ополоснула бритву от пены и вновь вернулась к щеке Александра Фёдоровича.

— Тома, Вы сегодня напряжены. Что-нибудь случилось?

— Всё нормально.

— Точно?

Она пару секунд думала и всё же решилась поговорить откровенно с ним, прежде чем появится Эдуард и окончательно всё запутает:

— Нет, не точно. Александр Фёдорович, скажите, чем Вас привлекла именно эта

парикмахерская?

Он пристально посмотрел Томе в глаза.

— А мне скрывать нечего. Эта парикмахерская привлекла меня лишь тем, что в ней работаете Вы, Тома.

— О, как! Не ожидала, такой откровенности. А дальше что? — она провела по его подбородку бритвой.

— У меня на Вас планы.

— Ещё лучше! А меня в эти планы Вы, когда собирались посвятить?

— Сразу же, как ты бы приехала ко мне домой.

Возмушало всё. И то, что он говорил. И как он это говорил. А главное, что так внезапно перешёл на «ты».

— Тома, я давно хотел с тобой поговорить.

Она начала отступать. Сделала пару шагов, но резко поднявшийся с кресла Александр Фёдорович, оказался ещё ближе, чем на момент, когда она его брила. Он вытер остатки пены с лица полотенцем, что сорвал со своих плеч, и тут же отбросил его на кресло.

— Тома, пришло время признаний.

— Что-то мне начало не нравится.

— Понимаю. Я, когда о тебе узнал, тоже был не в восторге. И всё же подавил желание всё сломать и разрушить. Вместо этого решил познакомиться с тобой поближе и присмотреться к тебе.

— Зачем?

— Хотел тебе дать шанс. Хотел, чтобы ты мне хоть немного понравилась.

— И как?

Она не знала, какой хотела получить ответ. Александр Фёдорович её пугал. Взрослый солидный мужик. На голову выше её. Из-за колоссальной разницы их весовых категорий, она ему не смогла бы оказать существенного сопротивления. Даже если начнёт царапать и кусать, без помощи со стороны, она обречена.

Но он не нападал. Он просто стоял напротив и смотрел на неё. И взгляд его был спокойным. Уверенным.

— Как ни странно, Тома, ты мне действительно понравилась.

Голос дал сбой, и Тома почти прохрипела:

— У меня есть любимый мужчина. И мне кроме него никто не нужен.

— И ты уверена, что его любишь?

— Абсолютно!

— Любовь до гроба?

— Любовь всей моей жизни!

— Достойный ответ. Наивный, конечно, но я тебе верю.

И тут вошёл Эдуард. На миг он задержался у двери, оценивая ситуацию, а после поздоровался, подошёл к Томе и поцеловал её в губы.

— Милая, как и обещал, я сегодня нашёл шикарный магазин мебели. В нём мы точно подберём кровать в спальню. Но чтобы доставку успели осуществить за выходные надо в магазин попасть сегодня. Ты сможешь прямо сейчас поехать со мной?

— А... Я не знаю, — растерялась Тома.

Во-первых, она не знала текст, который от неё хочет услышать Эдуард. А импровизировать у неё не получалось. К тому же взгляд Александра Фёдоровича стал

грозным, и лгать под его прицелом у Тома совсем бы не получилось.

— Тома! — неожиданно громко обратился Александр Фёдорович, — Кто этот мужчина?

Тома ничего не смогла сказать. Через пару секунд её молчания, Эдуард протянул Александру Фёдоровичу руку и произнёс:

— Меня зовут Эдуард. Я близкий друг, нашей дорогой и мной любимой Томочки.

Руку Эдуарду пожали. Но при этом Александр Фёдорович продолжал сверлить взглядом именно Тому. От чего ей совсем стало не по себе. Как если б она нашкодила, и теперь раскаянье душило и мешало членораздельно каяться. Только в чём именно виновата, она не понимала.

— Ты мне о нём сейчас говорила? Вот о нём? — голос Александра Фёдоровича стал жёстким.

Настолько жёстким, что даже Эдуард опешил, но спросил:

— Что здесь происходит, Тома?

Но отвечать никому из них Тома не хотела. Совсем не хотела.

«С какой стати они ко мне в душу лезут?

Никто не позволял им в ней столь бесцеремонно ковыряться.

Да, я люблю! Но не этого. А совсем другого. Которого нет и не будет больше. Он не со мной. Может быть, с другой. Или с третьей. Кто ж разберёт, что в душе у мужчин? А у меня — тоска...»

— Тома! Ответь! Это он, любовь всей твоей жизни? — продолжал допытываться Александр Фёдорович.

— Вы забываетесь, — тихо произнесла Тома, после чего отвела взгляд от странного клиента и посмотрела с надеждой на кулер с водой. — С какой стати я должна перед Вами отчитываться? Моя личная жизнь Вас не касается. Вас в неё я не приглашала. Более того, запрещаю меня втягивать в Ваши планы, о которых я бы узнала, если бы приехала к Вам домой. Ясно?

Она уже подошла к кулеру, набрала воды, но так и продолжала просто смотреть в стаканчик.

— Александр Фёдорович, наша парикмахерская в дальнейшем не сможет Вас обслуживать. Надеюсь, Вы отнесётесь с пониманием к сложившейся ситуации. И в будущем не станете беспокоить звонками. Поскольку я не намереваюсь срывать и мчаться неизвестно куда, чтобы оказывать Вам какие-либо услуги.

Она сделала глоток из стаканчика. И поставила его на свой рабочий столик. Стаканчик отразился в зеркале. Тома посмотрела на его отражение, а потом и на своё собственное. Она не узнала себя. Уставшая. Бледная. Вся стянутая болью в один комок нервов.

— Что ж, Тома, это твой выбор. Главное я уже узнал. И больше мне ничего от тебя не нужно, — произнёс Александр Фёдорович.

— Рада это слышать. Всего доброго. Надеюсь, в другой парикмахерской Вас оценят больше чем здесь. Прощайте.

— Жаль. Ты мне действительно понравилась.

Он прошел мимо Тома, ещё раз на неё посмотрел. И вновь взгляд его был оценивающим, как тогда, в день их знакомства. Но больше он ничего не произнёс. Вышел и прикрыл за собой дверь.

Тома взглянула на Эдуарда:

— Ты спешишь?

— Нет, Томочка.

— Если пообещаешь больше не обсуждать со мной Александра Фёдоровича, я приглашу тебя в гости и угощу чаем.

— Если ты меня ещё и накормишь, я тебе и не только это пообещаю.

— Накормлю.

— Прекрасно! Пошли!

Больше Эдуард не произносил имя странного клиента. И не вспоминал о нём, даже вскользь. А сама Тома в тот вечер, вспоминала каждую фразу Александра Фёдоровича и не могла понять, что такое важное она упустила из вида. Их разговор был странным. И создалось впечатление, что каждый говорил о своём, поэтому никто друг друга не услышал. Каждый был заиклен на собственных страхах. И если свои страхи, Тома знала, то проблему, точнее, причину по которой Александр Фёдорович появился в её парикмахерской, она так и не поняла.

***

— Люба! — утром за завтраком, Тому осенило. — Расскажи, как выглядел тот солидный мужчина, который пришел на квартиру к Вере с женой Димы. Помнишь, ты рассказывала, что он был в дорогом костюме?

— Помню.

— Вспомни, как он выглядел. Прошу, это для меня очень важно.

— Важно? Почему?

— Прошу, вспомни!

У Тома уже начали трястись руки и голос срывался. Люба насторожилась, но не стала устраивать допрос. Она вспомнила ту встречу до мелочей. Вспомнила, что говорила жена Димы. Как выглядел тот мужчина, что был рядом с ней. А именно, возраст под пятьдесят, высокого роста. Брюнет. Карие глаза. Тонкие губы.

Его описание лишь усилило версию Тома:

«Да, скорее всего, это и был Александр Фёдорович».

— Люба, а ты уверена, что тот мужчина был отцом именно жены Димы? А не его самого?

— Димы?

— Его.

— Нет. Там же была Вера, а тот мужчина к ней был холоден. Так на дочку не смотрят. Он жену Димы держал за руку, а она его называла «папа».

— Она его могла называть «папой», лишь потому, что она жена его сына. Понимаешь?

— Кажется, да. Но, как же, Вера? Когда она его увидела, то не кинулась ему на шею, со словами «здравствуй, дорогой папочка!» И вообще она, застыла и смотрела на него, как на чужого человека. Уверяю тебя, она испугалась, когда его увидела.

— Испугалась?

— Да. На отца бы так, она не реагировала.

— Это если бы у них были нормальные отношения, — невольно вырвалось у Тома.

— А у Веры с отцом, плохие отношения?

— Я думаю, тебе не стоит о нём спрашивать у Веры. И вообще, избегай всяких разговоров в её присутствии о родителях. Иначе можешь потерять подругу. Поняла?

— Да.

Тома опять погрузилась в свои мысли, и неожиданно услышала вопрос Любы:

— Кудесница, это ты?

Тома поперхнулась и испугано посмотрела на Любу.

— Что?

— Том, ты с Димкой... Ну, ты с ним... — Любе было трудно. И из последних сил она всё же сформулировала вопрос. — Так это был он?

— Не понимаю о чём ты.

— Жаль... Жаль, что не понимаешь. А я всё понять не могла, чего Вера про тебя спрашивает? А оно вон в чём дело.

— В чём? — всё с тем же перепугано-смущённым взглядом Тома смотрела на Любу.

— Том... Я ж тебе не враг.

— Я знаю.

— Тогда расскажи, что происходит?

— Ничего.

Тома сейчас тем более не хотела посвящать Любу в то, что не сложилось:

«Теперь-то зачем? Бередить только раны.

Да, было.

Но от этого слова я-то и пытаюсь бежать. Хотя и безнадежно пыталась. Слишком много в этом слове помещается, чтобы обо всём сейчас забыть.

...Было».

— Люба, давай не будем говорить на эту тему?

Люба всё правильно поняла. Было. Да, у Тома с Димкой — БЫЛО. А она не вычислила его. Всё думала, кто ж этот мужчина? А оказывается, это был Димка. Димка! Невероятно.

Люба вскочила со стула, он опрокинулся и с грохотом упал на пол. Его поднимать никто не спешил. Рывком Люба смела со стола на пол свою кружку, с недопитым чаем и выкрикнула:

— Почему!?

Тома посмотрела ей в глаза. Терять было нечего. Она уже всё потеряла. Она уже утратила Диму. Остальные потери лишь лягут на это чёрное выжженное поле её душевной раны, омываемое каждую ночь слезами.

— Что, почему?

— Почему ты мне не сказала, о нём раньше?

Тома улыбнулась, прикусила губу, но слезы уже выскользнули из глаз. Она поспешила их смахнуть, а после накрыла ладонью глаза. Слезы выкатились из-под ладони.

— Не успела. Мы расстались.

Слова дались с такой болью, что Люба подошла к Томе и присела на корточки перед ней.

— Тома, прости, я не знала.

— Всё нормально. Если бы ты всё узнала раньше, мне было бы гораздо сложнее пережить эту потерю. Сочувствие, меня бы окончательно убило.

— Тома, вы расстались из-за того, что у него есть жена?

— Да, из-за этого... Я ведь не знала, что он не свободен.

— Никто не знал. Даже Вера на эту тему, после той встречи с женой Димы, долгое время отказывалась говорить. А потом призналась мне, что тоже не знала. Как такое может быть? Он же её брат! Мутные у них какие-то отношения в семье.

Через пару минут, когда Тома смогла спокойно дышать и говорить, она спросила:

— Как ты догадалась, про Кудесницу?

— Из-за Веры. Ты знаешь то, что даже я не знаю про неё. Кто мог тебе о ней рассказать? Только Дима. Вести такие доверительные разговоры вы могли, только находясь в особых отношениях. Отсюда вывод — Дима и был тем мужчиной, который делал тебя счастливой.

— Люба, не надо об этом говорить.

— Если тебе так легче, то я постараюсь молчать.

Улыбнувшись, Тома посмотрела на пол.

— Ты зачем кружку разбила?

Люба тоже улыбнулась и погладила Тому по руке.

— Не знаю. С психу. Я ж эмоциональная. Меня когда накрывает, я ещё и не такое могу сотворить.

— А из-за чего ты психанула? Из-за того, что тебя не посвятили, кто у твоей тётки любовником был?

«Опять это болезненное слово, в прошедшем времени. Всё в прошлом. Было всё, теперь же только — боль».

— Нет. Я так эмоционально восприняла, потому что сама того не зная, делала больно тебе, когда всякий раз упоминала его имя. Когда рассказывала о том, что Машка в него втюрилась. Когда про жену его говорила. Всего сейчас и не упомнить. Но тогда я тебе столько боли принесла. Прости меня.

— Успокойся. Твоей вины нет. Я сама выбрала этот путь. Но путь оказался в никуда. Мне было хорошо лететь, но что поделать я врезалась на всей скорости. Ведь я не летела, я падала. Сорвалась и полетела, но не вверх, а вниз... Люба, не смей сейчас плакать.

— Я не буду...

Но выполнить обещание Любе не удалось.

***

Понять, кто же такой Александр Фёдорович, стало назойливой идеей Тома:

«Чего он хотел на самом деле?»

Если он отец Лили, то жди большой беды. Любовницу мужа дочери по головке никто гладить не будет. К стенке и в расход, чтоб не ломала семью! Но если он отец Димы, то ещё есть шанс избежать печальной участи. Хотя если вспомнить, что Александр Фёдорович, прежде чем познакомиться со мной лично, имел желание «всё сломать и разрушить», то особо расслабляться не приходится. Одно радует, он не имел планов наладить близкие личные отношения.

Ведь не имел?

Иначе он точно псих. Конечно, соблазнить можно практически любую, но в данном случае соблазнять чужую любовницу, чтобы она не разрушала семью, это уже не цель. Это миссия! И большая жертва. И хотя Александр Фёдорович мужчина вполне симпатичный, но против Димы не потянет. Для достижения выше упомянутой сверх цели он должен был подыскать более симпатичную мордашку, чем та, что видит в зеркале своём. Поскольку на него я бы не повелась. Даже не смотря на его солидный вид. В конце концов, у меня есть альтернатива ему — Эдик. И даже его трёхкомнатный дворец в центре города и машина за полмиллиона меня совершенно не вдохновили, на совместный интимный досуг. Вернее, не ради этого я с ним имела непродолжительные контакты.

Тогда может, Александр Фёдорович не имел намерение на меня лично. Так сказать, лично для себя? Предположим, он отец Димы и, узнав каким-то образом, про меня и своего сына он присматривался ко мне, как к возможной родственнице.

Может такое быть?

Мечтай больше! Никто меня и не рассматривал, как потенциальную родственницу. Я никто в жизни Димы. Если Александр Фёдорович, в действительности приходится отцом Диме, то возможно его интерес ко мне продиктован, лишь желанием понять насколько у меня большие планы на его сына. Поскольку если Дима, сын Александра Фёдоровича, то он может быть и не таким простым парнишкой. Во всяком случае, он вряд ли простой работяга со стройки. Возможно, он всего лишь был вынужден там работать, пока шла вся эта междоусобица с отцом.

Конфликт действительно мог возникнуть, из-за нежелания Димы находиться с Лилей в браке, и тем самым проживать с ней на одной жилплощади. И поскольку к самой Лиле у родителей Димы претензий не было, то они не понимали желание сына с ней развестись. И тем самым препятствовали их разводу. Воспринимая желания сына за не вполне осознанное поведение молодого человека. То есть способствовали затягиванию бракоразводного процесса, в надежде, что сын перебесится.

И когда сын был найден и возвращён в родительский дом, возникла новая проблема — Я. Не вполне понятная во всех отношениях. Ибо не ясно было, чего я хочу от Димы.

И хочу ли вообще чего-либо?

Тогда возникает необходимость разобраться со мной. И Александр Фёдорович придумывает этот относительно нормальный способ знакомства и общения со мной непосредственно. Делать стрижку волос, можно только через определённые длительные периоды времени. Это устроить его не могло. И тогда была найдена другая вполне адекватная причина — бритьё. Ради этой процедуры можно приезжать хоть каждый день. Но в силу каких-то своих причин, Александр Фёдорович предпочёл осуществлять визиты ко мне через день. Рассудив, что этого будет достаточно, он вполне ненавязчиво приручил меня. Редкие его вопросы и обширные мои излияния на разные темы, и вот я уже не непонятная, а вполне предсказуемая персона.

Если Александр Фёдорович действительно отец Димы, а не Лили, то моя версия вполне жизнеспособна. Если же он отец жены Димы, то тогда всё гораздо хуже.

Надо звонить Диме и узнавать, как зовут его отца.

Или не надо ему звонить?

И как мне выбрать правильный вариант и отсечь ненужные сомнения.

Звонить? Или у Веры спросить? Она же мне может помочь? Захочет ли? Это уже другой вопрос. Но и звонить Диме тоже очень непросто. А вдруг он уже и не жаждет со мной общаться? Забыл. Или, по крайней мере, утратил интерес ко мне. Перебесился и вновь воспытал нежными чувствами к законной супруге. Тогда мой звонок будет крайне неуместным.

Звонить?»

Но близился день к вечеру, а она так и не позвонила. Зато поддавалась уговору Эдуарда и Любы, и теперь они втроём ехали за город на дачу друга Эдуарда.

Люба сидела на пассажирском сидении рядом с Эдуардом. Тома же расположилась сзади. Вначале она тихо сидела, а потом аккуратно улеглась на сидение и, подложив под голову небольшую подушечку, которая здесь же нашлась, мирно заснула.

Её состояние вскоре было замечено. Но подшучивать над спящей никто не стал. Люба знала, что Тома в последнее дни плохо спала. Поэтому, когда увидела, что сон всё же настиг тётю, даже обрадовалась:

— Заснула. Это хорошо. Может, хоть в машине выпится? А-то дома ей стены мешают уснуть.

— И давно мешают? — поинтересовался Эдуард.

— Давно.

Не стала Люба вдаваться в подробности. Эдуарда она знала хорошо, он ей нравился, как друг Тома. Но поскольку сама Тома его воспринимала только как друга, то и Люба ему другую роль в жизни Тома, с не давних пор, не определяла. А стало быть, посвящать его в личные переживания по поводу душевной потери Тома, она не спешила. Всё что нужно, Тома сама ему давно рассказала. А остальное не его дело.

Дом, в который они прибыли, был большим. Спальни просторные. Во дворе баня, бассейн и зона для барбекю. Хозяева оказались очень гостеприимными. Общение с ними отвлекло Тому от мыслей, которые мучили в городе.

***

Но не успели они вернуться домой, как проблемы навалились с новой силой.

Первое, что очень огорчило — дверь в квартиру Тома, за период отсутствия хозяйки пострадала от вандалов. Её не взламывали. Её просто изуродовали. Соседи не слышали, когда именно дверь облили краской ядовитого розового цвета и запихнули в замок, какую-то дрянь. Которая была похуже клея, поскольку теперь её невозможно было отковырнуть, или растворить чем бы то ни было.

Кроме замочной личинки, этим же самым средством промазали дверное полотно по всему периметру, и особое внимание уделили петлям. Так что даже если бы удалось высверлить замок, ещё неизвестно, удалось бы открыть дверь или нет.

Эдуард, на период замены дверного блока, отвёз Тому и Любу к себе домой. А сам занялся вынужденным ремонтом. К ночи всё было готово. Бригада, нанятая им, готова была работать хоть ночью. И соседи с пониманием отнеслись к вынужденному дробильному шуму инструментов ремонтной бригады. Однако особых жертв не понадобилось. Финансовый аспект вопроса Эдуард не собирался обсуждать с Томой, поэтому дверь выбрал капитальную, к тому же снабжённую встроенной камерой слежения. И теперь, кто бы ни подошёл к двери, его мордаха тут же была запротоколирована и сохранена на электронном носителе. На такие траты, Эдуард пошёл осознано, чтобы впредь подобные вандальные инциденты не оставались безнаказанными.

Утром, Эдуард отвёз Тому и Любу на квартиру, вручил им новые комплекты ключей, и уехал на работу. Вскоре, Люба ушла на учёбу, а Тома в парикмахерскую.

***

— Привет, Наденька.

— О! Тома! Привет! Как выходные провела?

— Всё замечательно. Мы хорошо отдохнули.

Рассказывать про испорченную дверь, Томе не хотелось. Об этой пакости разговаривать, только мелочиться. Однако предположений у Тома было несколько. И приоритетной была версия о причастности Лили. Именно её. Поскольку такой мерзкий цвет краски для обливания двери, могла выбрать только обиженная женщина.

«Что же Дима там делает?»

Неужели всех напряг мной? Сначала Александр Фёдорович, заинтересовался моей персоной, теперь ещё кто-то страдает от желания заявить о себе... И чувствую, что именно из-за него, из-за Димы, я обзавелась такими неадекватными поклонниками. Первый, Александр Фёдорович, меня чуть с ума не свёл своей странной неспособностью бриться самостоятельно, теперь ещё кто-то изгаляется, фантазируя, как произвести на меня неизгладимое впечатление.

Проблема...»

Неожиданно Надежда извлекла из сумочки большой конверт и вручила Томе.

— Это тебе. Дима вчера заходил. Просил передать. Очень был расстроен, что тебя не застал. Поинтересовался, где ты? Я сказала, что с Любой уехала за город. Про Эдуарда, ничего не стала ему говорить. Чтоб не спровоцировать на ненужную ревность. Дима ещё что-то хотел спросить, но у него зазвонил мобильник и он, попросившись, ушел. Угрюмый такой. И не бритый. Зарос. Но красивый, сука. Мне его даже жалко стало. Видно, что ему непросто. Вы так и не общаетесь?

— Не общаемся. Что за конверт?

Томе было обидно, что Надежда с Димой разговаривала, а она нет. Что другая его осмелилась жалеть. Что не она его небритое красивое лицо имела возможность рассмотреть.

— Не знаю, Тома. Я конверт не открывала. Открой и узнаешь.

Тома не стала прятать содержимое конверта. Она его вскрыла и извлекла на свой рабочий стол всё его содержимое. Это были туристические буклеты. Тома, не понимая смысла их нахождения в конверте, разложила веером на столе и посмотрела на Надежду.

— И к чему всё это?

— Не понятно. Может, он тебя хочет пригласить куда-нибудь поехать?

— Очень уж скромно хочет. Сходу мне и не понять его намёк.

— Согласна, намёк жиденский. А записки нет?

— Нет.

Тома заглянула в конверт, пролиставла буклеты, но так ничего и не нашла.

— Ладно. Чего уж теперь ломать голову. Захочет, чтоб его поняли, объяснит. Он не говорил, что ещё зайдёт?

— Нет. Он может, мне и хотел что-то сказать, да только ему кто-то позвонил, и он быстро ушел.

— Что ж. Разберёмся позже.

— А ты ему позвони сама. Или гордость мешает?

— Да какая там гордость, Надя! Я уже столько передумала за эти дни, что готова не только позвонить, но и пешком идти на встречу к нему. Только не знаю куда.

— Номер его знаешь?

— Знаю.

— Звони.

— Уверена?

— Да.

— А что я ему скажу?

— Скажешь, привет. А там сориентируешься по обстоятельствам.

Тома вдохновилась этой идеей и набрала номер Димы.

Гудок. Ещё один.

Потом был третий, и четвёртый, но ей так никто и не ответил.

Тома отложила телефон на стол и посмотрела на Надежду.

— Не ответил.

— Не переживай, Тома. Может, просто был далеко от телефона. Найдёт телефон и перезвонит тебе. Поняла?

Вместо ответа Тома промычала и стала листать журнал. Вскоре пришла первая клиентка на сегодня, и рабочий ритм отвлек от неприятных мыслей.

***

Дима не перезвонил.

Надежда больше не спрашивала о нём. Прошло три дня, звонка от него так и не последовало. В тайне ото всех Тома купила себе новую сим-карту, другого оператора и позвонила уже с нового номера на телефон Димы. Он не ответил. И тогда Тома ещё сильнее стала волноваться.

Он мог не ответить ей, но он должен был ответить другому. Ещё сутки она металась в сомнениях, а потом набрала номер Александра Фёдоровича:

— Алло.

— Добрый день, Александр Фёдорович. Это Вас беспокоит Тамара. Вы можете мне уделить время?

— Удивлён, что ты позвонила.

— Понимаю. Наша последняя встреча предполагала, что общение между нами больше не последует. Но обстоятельства меня вынуждают обратиться именно к Вам.

— Ты сейчас где находишься?

— На работе.

— Разговор может подождать?

— Да.

Выбора у неё, в любом случае, не было. Однако его следующие слова удивили Тому:

— Я пришлю за тобой машину. Она привезёт тебя ко мне. Согласна?

— Да.

— Машина будет у тебя через полчаса.

— Хорошо. Я буду ждать у входа. Что за машина? Как мне её узнать?

— Машина чёрная. Гос. номер три единицы.

— Поняла.

Через полчаса Тома стояла на пороге перед парикмахерской. К ней подъехал чёрный седан бизнес класса, с выше упомянутым гос. номером. Из него вышел водитель и спросил:

— Здравствуйте. Вас зовут Тамара?

— Да.

— Мне велено отвезти Вас.

— К Александру Фёдоровичу? — уточнила Тома.

И после того как водитель подтвердил, она села в машину, и они поехали. Ехали молча и долго. Сначала выехали за город. Потом ещё минут десять по дороге с хорошим покрытием, а после съехали на грунтовку. Томе бы запаниковать, но она предпочла достать телефон и позвонить Эдуарду.

— Эд, я ненадолго отъехала. Надежда в курсе, где я и с кем. Не переживай. Как освобожусь, перезвоню.

На том конце на неё обрушился шквал вопросов, но Тома быстро попрощалась и дала отбой. Перевела телефон в режим «без звука» и убрала в сумочку. Так стало гораздо

спокойней. Ей. Но то, что теперь творилось с Эдуардом описать сложно. Он бросил всё и помчался к Надежде в парикмахерскую. До конца рабочего дня оставалось не так много времени, и когда Надежда уйдёт домой, Эдуарду не у кого будет спросить, куда же так внезапно уехала Тома?

Куда, зачем и с кем?

Ответы он узнал. Но они его ещё больше разозлили.

***

Тому на пороге никто не встретил. Озираясь по сторонам, она вошла в холл большого красивого дома. Послышались шаги по ступеням, и вскоре она увидела Александра Федоровича. Молча, Тома наблюдала, как он подходит к ней и лишь когда в его взгляде она не увидела злобы, произнесла:

— У меня проблема. Проблема, конечно, моя, но мне кажется, Вы можете мне помочь.

— Говори.

— У Вас есть дети? Сын Дима, или дочка Лиля?

— У меня есть и сын, и дочь. Но дочь зовут Вера.

— Значит, я правильно предположила, что Вы отец Димы.

— Правильно предположила.

— Вы приходили в парикмахерскую, чтобы познакомиться со мной?

— Да.

— Вы познакомиться со мной захотели, после того как Вам обо мне рассказал Дима?

— Да.

— Вам Дима рассказал, что он больше не любит свою жену, а любит...

— Тебя.

— И после этого Вы решили узнать, что я за человек?

— Да.

— И насколько помню, я Вам не показалась чудовищем?

— На момент нашего разговора, так и было.

— То есть сейчас, я Вас уже не устраиваю?

— Сейчас нет.

— Это после того как Вы познакомились с Эдуардом, Ваше отношение ко мне изменилось?

— Да.

— И последний вопрос. Вы рассказали Диме о знакомстве с Эдуардом и о том, что он говорил мне при Вас?

— В общих чертах.

— Ну теперь, хоть что-то прояснилось... Дима отреагировал плохо на новость о том, что у меня появился Эдуард?

— Да.

Тома замолчала и посмотрела по сторонам.

— У Вас хороший дом. Даже слишком хороший. Когда Дима был простым парнем, работающим на стройке, мне он был нужен. И если честно, он мне был нужен, даже после того, как я узнала о существовании его жены. А теперь... когда я вижу, что у него такой замечательный папа, и есть всё это великолепие, — она лёгким жестом руки, символически указала на шикарное убранство дома, — Дима перестал быть мне жизненно необходимым. Вы за него боритесь и дальше. С женой его помирите. И всё у него наладится. Не

беспокойтесь, меня больше не будет в его жизни. Я ж понимаю, где я и, где он. Я как-нибудь и с Эдуардом проживу. Ну, или ещё с кем-нибудь. Мало ли кого подбросит судьба.

— Что-то я тебя, девочка, не пойму. Ты сейчас к чему это говоришь?

— А просто. Наболело. Вы приехали ко мне, исподтишка стали за мной наблюдать, какие-то там выводы делать. Понятное дело, хотели узнать, что ж это за кукла моего мальчика охмурила? Я рада, что Вы разобрались во мне. И не дали сыну совершить раковую ошибку. Теперь-то у него всё будет хорошо. Это без сомнений! Всего доброго. Прощайте.

Она резко развернулась и направилась к выходу. Александр Фёдорович смотрел Томе вслед, и не мог понять, почему она себя так ведёт? Сначала упростила о встрече. Приехала и, как говорится, прямо с порога обрушилась на него гневной тирадой. То, что она близко общается с Эдуардом, подтвердил человек, осуществлявший за ней наружное наблюдение. Она ведь провела с ним все выходные за городом. В ночь на понедельник ночевала в его квартире. И после этого строить из себя обиженную невинную девочку было бы странно. Тогда к чему этот визит? Эти эмоции?

— Тома!

Она остановилась и, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— Вы всё правильно сделали, Александр Фёдорович. Даже если насчёт меня и Эдуарда — неправда, эту историю стоило придумать. Так всем будет лучше. Всем. Дима успокоится и вернётся к жене. Вновь будет жить в Вашем доме. Не будет мыкаться по стройкам, и надирать тяжёлым трудом свою спину. Вы же ему поможете найти хорошую достойную работу? И всё у него наладится.

— Тома, — более спокойным голосом произнёс Александр Фёдорович и, подойдя ближе, положил руку ей на плечо. Небольшое усилие и она стоит к нему лицом. — Ты зачем мне позвонила?

— Понять хотела, что произошло.

— А что произошло?

— В общем-то, банальность. Вы меня простите, что приехала, нашумела. Нервы шалют. Теперь я всех вас действительно больше не побеспокою. Ни Вас лично, ни Вашего сына. Даже если он всё же когда-нибудь мне позвонит, или подойдёт ко мне на улице случайно, или неслучайно, я ему подтверждаю версию о том, что я теперь живу с Эдуардом. А хотите я даже замуж за Эдуарда выйду? С этим проблем не будет. Думаю, от предложения стать моим мужем, Эдуард не откажется. Совсем не откажется. И все будут счастливы!

— Даже ты?

Тома хотела улыбнуться. Но самобичевание не смогло забить душевную боль до конца. Улыбки не получилось. Её холодные трясущиеся руки почему-то теперь лежали в больших теплых руках Александра Фёдоровича. Тома сначала удивилась, а потом поняла, что её пытаются удержать на краю мраморной ступени, на выходе из этого большого дорогого дома.

— Тома, пойдём в мой кабинет? Мне, кажется, нам есть о чём поговорить?

— Вам это только кажется. Всё уже сказано и сделано. Результат меня устраивает. Вас тем более. Я исчезну из вашей жизни, не беспокойтесь.

Она попыталась сделать шаг вниз, но её резко дернули в противоположную сторону и грубо потащили в дом.

— Что Вы делаете? Отпустите!

— Сначала ты ответишь на мои вопросы. Теперь моя очередь задавать их!

Выпустил он Тому из рук, только когда за ними закрылась дверь в кабинете на первом этаже.

— Сядь!

Тома присела в кресло и удивлённо посмотрела на Александра Фёдоровича, который теперь выглядел раздосадованным и даже злым.

— Когда ты видела Диму в последний раз?

— Давно.

Она настолько подавленно ответила, что Александр Фёдорович, не стал уточнять точную дату. Он подошел к графину с виски, быстро налил в два бокала и вернулся к Томе.

— Пей.

— Что это?

— Виски.

— Я не люблю виски.

— Извини. А что же ты выпьешь со мной?

— А обязательно нужно что-то пить?

— Сегодня да!

— Ну, раз так категорично, тогда давайте шампанское. Более торжественного напитка я сейчас придумать не могу.

— Хорошо, — стараясь не замечать её сарказма, спокойно произнёс Александр Фёдорович.

Через пару минут в руках Томы был бокал с шампанским.

— За что будем пить? — спросила она, потухшим взглядом смотря на мелкие пузырьки, столбиком поднимающиеся со дна бокала.

— За знакомство.

— Годится. Но, тогда давайте не чокаясь? Всё-таки обстоятельства предполагают тост «здравствуй и прощай».

Не дожидаясь согласия, медленно она выпила до дна весь бокал. Шампанское было качественным, поэтому пузырьки не препятствовали залповому его употреблению. Выпив, Тома встала, подошла к столу, поставила на него пустой бокал и, вернувшись, присела обратно в кресло. Александр Фёдорович сделал небольшой глоток и, держа в руке бокал с виски, облокотился на подоконник.

— Вы позволите, я позвоню, — Тома достала сотовый из сумочки и посмотрела на количество пропущенных звонков от Эдуарда. Их было много, но рекорд Димы побит не был.

— Да, конечно, звони. Мне выйти?

— Нет. Оставайтесь, пожалуйста.

Сосредоточенно она нажала на кнопку вызова и когда услышала резкий голос Эдуарда, смущённо посмотрела на Александра Фёдоровича.

— Эдик, у меня всё нормально. Ты сможешь меня забрать? Адрес тебе сейчас продиктую, — она зажала трубку свободной рукой и посмотрела на Александра Фёдоровича. Тот быстро назвал адрес, и Тома, его повторив в телефон, убедилась, что Эдуард её правильно понял. — Да. Всё правильно. Жду.

Тома убрала телефон и вздохнула, как бы сбрасывая одну проблему и берясь за другую.

— Александр Фёдорович, вы хотели со мной поговорить? Задавайте свои вопросы, а то скоро Эдуард подъедет, а я не хотела бы его задерживать.

— Я мог и сам тебя отвезти домой.

— Могли. Не спорю. Но мне почему-то хотелось лишний раз продемонстрировать Вам, какой замечательный у меня Эдик.

Голос был почти лёгким. Воздушным. Именно таким голосом она разговаривала с Димой, в тот день, когда узнала о его жене. Только Дима его классифицировал, как железобетонный.

— Тома, к чему ты устраиваешь эти концерты?

— Вы сами этого хотели.

— Я хотел узнать правду.

— Правду? — и опять в её голосе ирония.

— Правду.

— К чему Вам правда? С ней столько хлопот. А ложь придумал и готово. Все довольны. Все свободны.

Александр Фёдорович сделал очередной глоток виски и внимательней посмотрел на Тому.

— Ты мне сейчас напоминаешь Диму. Он тоже, когда злой и обиженный ведёт себя, как гордец. Фыркает и брыкается. В этом вы схожи. Как только вы друг друга не перекусали, пока были вместе?

— А мы друг друга не обижали. Против шерсти не гладили.

— Молодцы. Значит, жили вы мирно? В согласии?

— Что было, то было. Отрицать не буду.

Не спрашивая согласия Тома, в бокал, что стоял на столе, Александр Фёдорович добавил новую порцию шампанского. И сразу передал бокал Томе. Она немного помедлила, но приняла его. И вскоре стала отпивать понемногу.

— Тома, тебе Дима что-нибудь рассказывал о Карине?

— Нет. Я не слышала это имя от него.

— Она была его девушкой, а потом погибла. И было ей всего лишь семнадцать лет. Дима очень переживал эту утрату. Шестнадцатилетнему парню всё казалось фатальным. Мы его буквально из петли вытащили... Но самое печальное, что погибла Карина после того как сделала аборт. Как ты сама понимаешь, беременна она была от Димы. Узнав о беременности, девушка побоялась обратиться в клинику и спровоцировала аборт какой-то дрянью. Когда ей стало плохо, она никому не позвонила. Наверное, надеялась, что всё обойдётся... Не обошлось.

Ужасаясь новым подробностям жизни Димы, Тома сделала ещё несколько глотков шампанского и пожалела, о том, что не выбрала другой напиток. Она точно знала, что теперь долго, очень долго, не сможет спокойно пить шампанское. Потому что всякий раз, употребляя его, будет вспоминать именно этот разговор.

— Как я понимаю, — смотря в свой бокал, произнесла Тома, — теперь Вы в курсе, почему Дима так категоричен в отношении Лили?

— Да. Теперь я перестал препятствовать их разводу. Я вернул Диме паспорт и остальные документы. Помимо этого, дал отбой юристам. Теперь Дима может спокойно развестись. Его заявление на расторжение брака не будут больше блокировать.

— А как же Лилия? Она же его любит?

— Видимо не так сильно, как ты могла подумать. Относительно скромная сумма и она уже не против развода.

— Какая пошлость...

Допив шампанское, Тома жестом попросила, чтоб её бокал пополнили. Александра Фёдоровича просить дважды не надо было. Он быстро исполнил просьбу, после чего и себе изменил цвет в бокале.

— Да, — согласился он с Томой и посмотрел в окно. — Но что меня тревожит, так это то, что Дима вновь ушел из дома. Взял только паспорт и ушел.

— Как ушел?

— Да, ещё позавчера. Охрана не уследила, и теперь я не знаю, куда именно Дима отправился. Телефон он оставил дома. И поэтому я не могу пробить по радару местонахождение сына. В прошлый раз мне удалось его найти только благодаря тому, что он оформлял кредит на Веру. У него не было паспорта, но ему удалось оформить вместо себя на работу Веру. Он работал, а зарплата начислялась ей. Но потом Дима захотел купить квартиру. И благодаря определённым каналам связи мне стало известно о том, что моя дочь хочет взять большой кредит. Как ты сама понимаешь, кредит брала бы Вера для Димы. Ей бы банк его дал, но мне-то нужен был сын. И тогда я ухватился за Веру. Через запрос банка узнал адрес её проживания. А там и сын нашёлся. Дима, конечно, пытался восстановить паспорт. Но всякий раз мои люди из паспортного стола оттягивали процедуру даже выдачи справки об утрате паспорта. Дима вскоре сдался. Тем более почувствовал, что я могу его найти именно через паспортный стол. У него были собственные сбережения, заработанные на предыдущей работе, но я не знал, где хранятся те деньги. Видимо, когда он решил приобрести квартиру, ему не хватило средств и он решил оформить кредит на сестру. Именно так я его нашел в прошлый раз.

Он замолчал, подлил ещё виски себе. Предложил добавку Томе. Она жестом показывая, что больше не будет пить.

— Когда ты мне сегодня позвонила, я подумал, что ты знаешь, где Дима.

— Я не знаю где он. В воскресенье он приходил в парикмахерскую. Оставил для меня туристические буклеты в разные страны. Меня не было на работе. Я была за городом. В понедельник я попыталась ему позвонить, но он не ответил. Сегодня я позвонила с другого номера, но он так же, не ответил. Я за него переживаю, поэтому позвонила Вам. Мне нужно было знать, что с ним всё хорошо. А теперь я не знаю, что думать и как мне дальше быть.

Она встала, повесила на плечо свою сумку и посмотрела на Александра Фёдоровича.

— Пожалуйста, когда он вернётся, позвоните мне. Или хотя бы отправьте СМСку, сообщив о том, что у него всё хорошо. Прошу. Для меня это очень важно. Я встречи с ним не ищу, но мне нужно знать, что всё у него хорошо. Спасибо, за разговор. Я пойду. Эдик скоро подъедет. Я его на улице подожду.

— Ты же сказала, что хочешь показать мне своего «замечательного» Эдика? — улыбнувшись, напомнил Александр Фёдорович, но поняв, что Тому трудно сейчас вернуть словом в реальный мир, добавил, — Тома, я провожу тебя до машины. Позволишь?

— Пойдёмте, — равнодушно сказала она и пошла на выход.

***

Эдуард подъехал к дому через десять минут, после того как Тома и Александр Фёдорович вышли на порог. Несмотря на то, что на её плечах теперь был пиджак Александра Фёдоровича, Тома продрогла и немного протрезвела. За эти десять минут, они почти не разговаривали. Лишь вскользь, Александр Фёдорович сообщил, что его жена уехала утром погостить к родственникам. Тома подумала, что это странно, в то время как в их

семье разворачиваются такие страсти, жена покинула дом. Но вслух она ничего не сказала.

— Добрый вечер! — выйдя из машины, поприветствовал Эдуард обоих и, не сводя встревоженного взгляда с Тома, протянул руку Александру Фёдоровичу. — Тома, всё нормально?

— Всё нормально, — тихо произнесла она и, сняв пиджак, вернула его хозяину.

Александр Фёдорович пиджак принял той же рукой, которой за несколько секунд до этого, рукопожатием приветствовал Эдуарда.

— Тома, будь добра, присядь в машину, — сухо произнёс Эдуард. — А мне хотелось бы перекинуться парой фраз с Александром Фёдоровичем.

— Может, не стоит, Эдик? — ухватившись за его локоть, с мольбой спросила Тома.

— Сядь в машину, — посмотрев ей в глаза, вновь попросил Эдуард.

Повинуясь, Тома побрела в указанном направлении. Когда дверца машины захлопнулась, Эдуард достал сигареты и закурил.

— Я не знаю, кто Вы и чего хотите от Тома. Но предупреждаю сразу, её в обиду не дам.

— Эдуард, — тихо произнёс Александр Фёдорович, — а ведь она тебя не любит.

Это было теперь так очевидно, что Александр Фёдорович не смог промолчать.

— Я знаю, — сухо произнёс Эдуарда.

— Знаешь?

— Знаю. Мы с ней знакомы так давно, что я её понимаю с полуслова. И про её чувства тоже всё понимаю.

— Тогда ответь мне честно, почему она такая колючая? Злится, огрызается по-детски и глупости говорит, когда плакать хочет.

— Именно поэтому она и говорит глупости, чтобы никто не разобрался, как ей плохо, — Эдуард сделал глубокую затяжку и выпустил струю дыма в сторону. — Вы на неё планы не стройте.

— Почему?

— Ей сейчас не до Вас. Ей сейчас есть о ком страдать, кого любить.

— Тебя? — посмотрев на него, усомнился Александр Фёдорович.

— Нет. Не меня. Но против него мы с вами не потянем. Он гораздо моложе меня, тем более Вас.

— Ты сейчас про Диму говоришь?

От неожиданности разоблачения имени возлюбленного Тома, Эдуард захлебнулся дымом, и стал откашливаться.

— Вам откуда это имя известно?

— Он мой сын.

— Вот так поворот событий, — растерянно произнёс Эдуард. Задумавшись, через пару затяжек, он спросил. — То есть, узнав о связи Вашего сына с Томой, Вы, решили познакомиться с ней?

— Да.

— Потрясающе. Как я понимаю, Вы против этих отношений?

— Нет. Не против.

— Тогда всё не так плохо, — он вновь втянул в себя дым сигареты, и медленно выпустил его через ноздри. — Если б Вы знали, что мы подумали, когда Ваши визиты в парикмахерскую стали регулярны. А главное, как Тома переполошилась после Вашего предложения, брить Вас на дому. О! Сколько мы дров могли наломать, в порыве оградить

Вас от неё.

— А мы и наломали. Причём втроём, — посмотрев в глаза Эдуарду, спокойно произнёс Александр Фёдорович.

По этому взгляду и тембру голоса, Эдуард понял, что Диме была донесена информация о его любовных отношениях с Томой, придуманных для Александра Фёдоровича.

— Наломали? И... что теперь?

— Я хочу объяснить сыну, что произошло недоразумение, но он ушёл из дома и где находится в данный момент мне не известно.

— Проблема... Остаётся только ждать.

— Да, — тихо произнёс Александр Фёдорович.

Эдуард уже хотел попрощаться, как вспомнил об облитой краской двери в квартиру Тома.

— Ах, да! Может, Вы меня сориентируете? Недавно с дверью в квартиру Тома неприятность произошла. Мы в воскресенье вернулись от моих друзей, они за городом живут. Вернулись, а в квартиру Тома попасть не смогла. Помимо того, что дверь облили краской мерзкого цвета, так еще и замок вывели из строя пастой для холодной сварки. Я конечно же, Тому с Любой к себе забрал на ночь, и до глубокой ночи занимался заменой дверного блока. Я подумал, вдруг Вам известно кто это мог сделать?

Он не стал напрямую говорить, что скорей всего, за этой выходкой стоит жена Димы. Намёк был и так предельно ясным.

— Эдуард, я впервые слышу об этом инциденте. Спасибо, что рассказал о нём. Я постараюсь, разыскать виновника, чтобы впредь подобное не случилось... Насколько я понял, Люба это племянница Тома?

— Да, племянница.

Ещё пара секунд тишины и Эдуард протянул руку на прощание.

— Всего доброго, Александр Фёдорович.

— До свидания.

Когда Эдуард присел в машину, он заметил, что Тома отвернувшись от него, быстро вытирает глаза от слёз.

— Тома...

— Всё нормально. Поехали. Прошу, поехали быстрее отсюда.

— Поехали.

***

Эдуард долго думал о случившемся. Ему не давала покоя мысль, что он вновь причастен к тому, что Тома потеряла любимого человека. И если тогда, много лет назад, он намеренно разрушил её семью, то теперь в его поступке злого умысла не было. В своё оправдание он напоминал себе, что Тома с этим Димой, не семья...

Стоит ли так терзаться тогда?

Но всякий раз, глядя на Тому, он понимал, что стоит.

За эти дни Тома сильно изменилась. Стала молчаливой. И часто не отвечала на его звонки. Она вообще перестала с собой носить мобильный. Теперь он всегда лежал на её рабочем столике, в парикмахерской. Домой его брать она не хотела. Ведь там, он терзал её своим молчанием. А когда всё же звонил, то ещё больше расстраивал тем, что звонил не Дима, а кто-то другой.

Спустя неделю позвонил Александр Фёдорович. Тома лихорадочно схватила телефон и

не помня себя, прижала его к уху, но... Это всего лишь отец Димы узнавал, есть ли новости о сыне.

***

— Тома, мама спрашивает, мы поедем на твой день рождения к ним?

— Нет, Люба. В этом году мы будем его отмечать здесь.

— Дома или в кафе?

— Дома. На кафе я не заработала.

— А кого пригласишь?

— Люду, Лену, их мужей. Ольгу. Эдуарда. И ты, конечно, будешь. Лариса в Германию уехала. Татьяна ещё не вернулась из Питера. Так что будет немного людей.

— Тома, а можно я помогу тебе на стол накрыть и уйду к Вере?

— Зачем? То есть, почему ты не хочешь остаться?

— Во-первых, у тебя квартира не резиновая. Стольких она вместит с трудом. Во-вторых, мы с Верой с удовольствием в этот день ходим в парк, а потом я могла бы у неё заночевать. И опять же, в случае чего, твои гости могут у нас остаться на всю ночь. Не все, конечно, кого-то тебе придётся выпроводить по прописке. Но может, кто захочет остаться.

— На Эдика намекаешь?

— Ты не согласишься, но нет. Не на него. Я уже давно перестала думать, что у вас может что-то получиться. Но может, кто из подруг решит остаться? Ведь вам будет, о чём поговорить. Я так поняла, Ольга вернулась. Как у неё дела?

— Нормально. На работу устроилась. Мама её очень рада, что она вернулась. Там ей оставаться не нужно было. Ещё тогда, сразу же после трагедии, надо было вернуться. И не мучить себя.

— У неё никого нет? Ну, в смысле, мужика.

— Нет.

— А давай её с Эдиком сведём?

«Забавно, — подумала Тома. — И Люба, того же мнения».

— Мне кажется, это неплохая идея.

— И тебе совсем не жалко его отдать другой?

— Люб, ну что ты такое говоришь? «Отдать»! Он же не вещь. Тем более, не моя вещь. А помочь им мы можем. Эдик хороший. Но не люблю я его. Понимаешь?

— Понимаю, — Люба не удержалась и спросила, — А о Диме ты ещё думаешь?

— Нет.

Слишком быстро ответила она. Быстро и резко.

Думает о нём, поняла Люба и больше ни о чём не спрашивала. С Верой она давно уже всё обсудила и выяснила, что Дима, прежде чем уйти, попросил, по возможности, ничего в его комнате не менять, хотя бы пару дней.

А что там менять?

Личных вещей не было. И лишь только огромный лист с надписью, Дима оставил после себя. А у Тома, как поведала Люба, вскоре после ухода Димы с квартиры, появилась подозрительная труба. Один плюс один и готово. Надпись для Тома. Естественно, поняв это, Вера оставила записку огромных размеров на прежнем месте. И ещё Вера сообщила Любе, что её брат разрешил в его отсутствие подселить в квартиру, в его комнату, подругу. Например, Любу. Как пояснил Дима, Любе, наверняка, тесно с тётёй в однокомнатной квартире. Денег он оставил немного. И предупредил, что следующий раз подкинуть средства сможет

нескоро, поскольку и сам не знает, когда это будет. По этой причине, Вера сильно сэкономила.

Числа двадцатого, она пришла домой с большими пакетами из супермаркета. И с того дня такой тотальной экономии уже не было. Люба, которая в тот день пришла к ней с ночёвкой, удивилась и спросила:

— В связи с чем, транжирство?

На что получила ответ:

— Больше экономить не надо.

— Не поняла. А что изменилось?

— Дима мне сегодня позвонил, мы договорились о встрече в парке. Я туда примчалась. Мы погуляли, а когда ужё на маршрутку вел, он мне деньги передал.

— Здорово! А почему он сюда, на квартиру, не возвращается?

— Сказал, живёт теперь с другими людьми. Там ему хорошо и до работы недалеко.

— А где он работает? Опять на стройке?

— Нет. Сказал, что вернулся к ребятам. Ну, в смысле в группу. Он же раньше барабанщиком в группе «Диего» был. Видимо к ним и вернулся. И ещё похвастался, что они скоро на гастроли уедут. Сейчас документы их администратор оформляет, визы, всё такое. Ещё до июля они покинут Россию.

— Почему ты раньше не говорила, что он барабанщик? И про эту группу, почему не рассказывала?

— Так ведь я думала, что это дело прошлого. Тем более я только в общих чертах знала о его причастности к группе. Он же когда меня пригласил в эту квартиру, сказал, что больше не будет иметь отношение к музыке. Ты же сама видела, барабанной установки у нас не было. Зарабатывал Дима тем, что трудился на стройке. Я его сегодня спросила, почему раньше не вернулся к ребятам? Он сказал, что они только недавно вернулись с гастролей. Сам-то он в прошлую поездку с ними не попал. А хотел. Я уж не знаю, по какой причине не смог с ними поехать, но как я понимаю, он тогда ещё с Лилей, с женой, жил.

— Не перестаёшь ты меня, Вера, удивлять. То про жену брата забыла рассказать, то теперь про то, что он барабанщик умолчала.

— Я ж не умолчала. Я всё тебе рассказала.

— Рассказала. Но мне кажется, ты меня ещё чем-нибудь удивишь. Чего такого ты мне про свою семейку ещё забыла рассказать?

Вера смутилась, а потом рассказала про своего отца. Про их сложные отношения. Простое то, что они с Димой брат и сестра только наполовину. На ту самую половину, которая не в восторге от существования Веры. Поскольку отец жестко отгородился от жизни дочери. В свою жизнь он Веру не пускает и её жизнью не интересуется. Она ещё помнила, как в детстве он навещал их. Улыбался ей и даже её матери. Потом визиты стали реже. Иногда, как нарочно, в отсутствие Веры. И вскоре прекратились совсем. А она ждала, что будет праздник и придёт папа. На новый год. На её день рождения... Но он не приходил. И подарки не передавал. С годами Вера постаралась свыкнуться с мыслью, что у неё есть только мама, но это далось нелегко.

Выслушав подругу, Люба не знала, что сказать. Своего отца она помнила хорошо. И пока он был жив, к нему было много претензий, главная из них то, что он пил. Много, часто и сильно. И вот его не стало, а претензия одна всё же осталась. Любе не давала покоя мысль, почему отец не сберёт своё здоровье ради того, чтобы продлить жизнь. Ради того, чтобы его

дочки не остались сиротами.

— Вера, ты Диме ничего не говорила о Томе?

— Попыталась. Но он меня перебил и спросил, не выходит ли она замуж за Эдуарда. Представляешь? Я удивилась его вопросу. И естественно сказала, что о таком бреде не слышала.

— А он что?

— Ничего. Поцеловал меня в щёчку и, сославшись, что ему нужно спешить на работу, ушел.

— Как ты думаешь, он с Томой будет искать встречу?

— Не знаю. Мне показалось, он обрадовался, что я не слышала о возможной свадьбе Томы. А что будет дальше? Непонятно.

— Ты после экзаменов сразу домой поедешь?

— Да. Здесь оставаться до сентября нет смысла. Поеду домой. Помогу матери. В деревне всегда работа найдётся. А ты останешься в городе?

— Только до дня рождения Томы. Потом тоже поеду к своим. Сестрички по мне соскучились. А я по ним. Да и маму с бабушкой хочется увидеть.

— А когда у Томы день рождения?

— Первого июля.

— Ну, до первого июля я тоже ещё буду в городе.

— О, кстати, я же у Томы отпросилась к тебе с ночёвкой именно на её день рождения.

— Я только рада! — искренне обрадовалась Вера. — Можешь вообще от меня не уходить.

— Спасибо.

— Так, а на день рождения Томы ты пойдёшь?

— Пока не знаю. Гостей будет немного. И хотя я их всех знаю, но как-то не по-приколу мне с ними. Они нормальные люди. Но это только Томка такая, своя в доску. С ней я не чувствую разницу в возрасте. А её подруги, тем более их мужья, они другие. Понимаешь?

— Да. Твоя Томка то, что надо! Не напрягает. А Димка меня постоянно воспитывал. И хотя я его люблю, но он иногда такой зануда.

— А ведь он моложе Томы.

— Это — да! Но видимо это обстоятельство им не помешало найти общий язык, — улыбнувшись, девочки переглянулись.

— Интересно, если Дима разведётся, они с Томой опять будут встречаться?

— Было бы здорово.

— А то, что у них такая разница в возрасте, лично тебя не смущает?

— Лично меня — нет... Вообще, «любви все возрасты покорны». И, на мой взгляд, такое понятие, как разница, в данном контексте, является очень скользкой субстанцией. Разница, может быть, в мировоззрении. В мышлении. Во взгляде на жизнь, что ли. Но никак не в возрасте! К примеру, возьмём Игоря. Он наш с тобой одноклассник. Но не ты, не я, на него не строим планы. А почему?

— Вер, да он же ботаник! Зубрилка!

— Именно! С ним скучно. Он вроде нормальный парень. Но мне с ним не интересно. Он как друг, вполне хорош. Но не больше. А Даниил, совсем другое дело. Мы, как только остаёмся одни, так он тут же звереет и хочет меня съесть. И я хочу, чтобы он меня съел. И руки, и глаза, и запах его... Всё в нём меня сводит с ума. Так что не имеет значение

возраст... Возможно, в таком деле, чувства, всему голова...

— Главное, собственную голову не потерять, когда чувства станут всему головой. А-то залетишь и прощай учеба! Здравствуй пелёнки-распашонки.

— Я этого боюсь. Но не могу Даньке запретить себя целовать.

— Дети появляются не от поцелуев, а от кое-чего другого, — пристально смотря в глаза Вере, сказала Люба, пытаюсь по реакции подруги понять, как далеко зашли отношения у той с аспирантом Даниилом.

— Люба, ты же видишь сама, я его на ночь не оставляю. Голова на плечах у меня ещё есть.

— Пока, да, — улыбнувшись, признала Люба, и разговор на эту тему они прекратили.

***

На следующий день Люба после библиотеки пришла к Томе на работу и рассказала о встрече Веры с Димой. Рассказала, что ей стало известно об отношениях Веры с её отцом Единственное о чём она умолчала, так это о том вопросе и ответе на него относительно свадьбы Тома и Эдуарда.

Дождавшись конца рабочего дня, Тома позвонила Александру Фёдоровичу и предложила встретиться. Ей почему-то захотелось ему рассказать о Диме, глядя именно в глаза. А ещё она подумала, что будет возможность поговорить о Вере. Ей ведь хорошо помнился его ответ на вопрос, есть ли у него сын Дима или дочка Лиля? Он ответил, что у него есть сын и дочка. Но дочь зовут Вера. Значит, он признавал её, как свою дочь. Как своего ребёнка. Тогда почему за сына он переживает, а за дочку, такого рвения и заботы не наблюдает?

Хотя, кому как ни ей нужна помощь и поддержка.

Встреча с Александром Фёдоровичем произошла через час после звонка Тома. Уже знакомый чёрный автомобиль с гос. номером в три единицы, аккуратно подъехал к парикмахерской и остановился. Тома сделала шаг к машине. Передняя пассажирская дверца открылась, оттуда вышел красивый молодой мужчина в элегантном черном костюме. Он открыл заднюю дверцу и жестом пригласил присесть. Тома растерялась, но, когда увидела Александра Фёдоровича, сидящего в салоне, перевела дух, и подошла к машине ближе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Добрый вечер, Тома.

— Здравствуйте, — произнесла она, и присела рядом с Александром Фёдоровичем.

— У меня встреча через полчаса назначена. Мы могли бы с тобой немного покататься по городу? Как раз и побеседуем. Тебя после привезут сюда же.

— Я не против.

Дав команду водителю ехать, он нажал какую-то кнопку на двери, и сразу же поднялась непрозрачная перегородка, отделяя передние сидения от зоны сидений второго ряда.

— Ты что-нибудь узнала о Диме?

— И да, и нет.

Она ещё раньше приняла решение, что не стоит рассказывать секреты Димы. Если бы он хотел, чтобы отец знал о его местонахождении, он бы давно объявился.

«Если рассказать о предстоящих гастролях группы «Диего», для Александра Фёдоровича не будет проблемой вторгнуться в планы группы, и возможно даже оказать давление на них, чтобы добиться успеха в поиске сына.

А Диме ведь уже далеко не шестнадцать лет. Он не нуждается в жёсткой опеке. Она его

унижает. Он давно повзрослел. И за последний год продемонстрировал всем, что не пропадёт без денег отца. Тогда зачем его предавать и рассказывать его отцу, где он и с кем? Ведь этим предательством и я, как бы признаю, что он малое дитя, коим его считает отец».

Не навреди! — вовремя в её сознание всплыло жизненное кредо.

— Что конкретно тебе стало известно?

— Конкретного я Вам ничего не скажу. Но как я поняла, он не нуждается в деньгах. На данный момент проживает среди людей, которые его устраивают и возможно, в скором времени, в его жизни произойдут перемены, о которых он давно мечтал. И реализуется его старая мечта. Думаю, Вы еще будете им гордиться.

— Не пойму, ты его видела или нет?

— Нет, не видела. Эта информация дошла ко мне через его друзей, — нарочно видоизменила Тома правду в надежде отгородить Веру от нежелательного натиска Александра Фёдоровича.

— От друзей или от Веры? — всё же уточнил он.

— От друзей. Кстати, почему Вы не спрашиваете меня о Вере? Мне есть, что Вам рассказать о её проблемах. Хотите послушать?

— Нет.

— Жаль. Кому нужна Ваша поддержка, так это ей. Она же моложе Димы, к тому же девушка. А девушку, находящуюся вдали от родных и близких, кто угодно может обидеть. Она же, незащищена. Кто споткнётся, тот и пнёт.

От этих слов Александр Фёдорович стиснул зубы, и было видно, что ему сейчас неприятно. Как если б в него тыкали раскалённой кочергой.

— Объясните мне, — продолжила Тома, — в чём разница между одним ребёнком и другим? Почему ради одного Вы готовы весь город перевернуть, а ради другого, адрес проживания, которого Вам прекрасно известен, Вы ничего делать не желаете? А ведь Вере пришлось, ох, как, непросто все эти дни, пока Димы не было рядом с ней.

— Нечего было ей в город приезжать! Пусть бы с матерью жила в деревне. Никто бы теперь и не страдал.

— Вы меня простите, но мне кажется, Вы сейчас говорите не о страданиях Веры, а о своих. Верно? — он не ответил. — Неужели Вы хотите, чтоб Ваша дочь, не получив образование, покинула город и вернулась к матери?

— Какая разница, когда она вернётся к матери? Сейчас или после учёбы.

— Напрасно Вы думаете, что Вера после учёбы уедет из города. Учится она хорошо. Думаю, получив диплом, она спокойно найдёт работу и может быть, со временем даже маму свою перевезёт в город. Например, я сплю и вижу, как перетяну маму, сестру и племянниц к себе. Но для достижения этой цели мне нужно заработать на домик. В квартиру они точно не захотят переезжать.

Александра Фёдоровича совсем свело в каком-то нервном спазме. И взглянув внимательней на него, Тому осенило:

— Постойте. Теперь я поняла, почему Вы ей не помогаете! Неужели это всё из-за её матери? — он молчал. — Но, так же нельзя. Вера не виновата в том, что ваши отношения с её матерью сложные. Неужели Вы не понимаете, что Ваша дочь страдает?

В её сторону метнулся суровый взгляд. Таким взглядом можно заморозить всё желание вести дальнейшую беседу. Однако Тома, сглотнув, подала голос.

— Глядя на Вас, у меня складывается впечатление, что Вы самый грозный человек,

которого я когда-либо встречала. Прошу Вас, если мои слова неприятны, скажите водителю, пусть остановит машину. Я выйду и доеду домой на такси. Мне не хочется раздражать Вас своим присутствием. А молчать, извините, я не могу.

Он ответил не сразу. Сначала смотрел просто Томе в глаза, потом глубоко вздохнул и произнёс:

— Машина отвезёт тебя обратно. Я обещал, значит так и будет. Теперь, что касается Веры. Всё сложно. В какой-то степени, ты права. Но есть «НО» и оно меня оправдывает.

— Вы в этом уверены?

— Тома, ты интересная девушка. Честная. Добрая. Бескорыстная. Я растерял эти качества. Утратил их в процессе гонки за успехом и достатком. Поэтому мы с тобой разговариваем на разных языках. Хочешь меня понять? А не боишься стать такой же чёрствой, как я?

— Не боюсь. Вы заботливы к сыну. Поэтому я не верю, что Вы чёрствы по отношению к дочери. На мой взгляд, это всего лишь искусственная оболочка, созданная каким-то защитным механизмом. Вы пытаетесь не Веру оградить от себя, а себя от неё. А я пытаюсь понять почему. Понимаю, Вы можете сказать, это не моё дело. И будете совершенно правы. Но воспринимайте моё желание участвовать в жизни Веры, как простую женскую солидарность. Мне обидно за эту девушку. Хорошую. Умную. Красивую. Она нравится мальчикам. Один даже активно за ней пытается ухаживать. С ней нет матери. Та далеко. И хотя у Веры есть подруги, которые могут помочь советом, но нет с ней её родных. Раньше хоть Дима, был опорой. А теперь он лишь деньги передаёт. А Вере и моральная поддержка нужна. Поддержка семьи. А её нет. Ни семьи, ни поддержки. А ведь это так важно чувствовать, что ты не один. Вы со мной согласны?

Он не ответил.

— Молчите, значит согласны. Я уже поняла, что когда Вы с чем-то не согласны — молчать не будете... И всё же я не понимаю, как можно бросить девочку на произвол судьбы? Вы поймите, она сейчас ещё Вас ждёт. Но пройдет время, год, другой, и всё. Вы окончательно утратите её. Не она Вас, а Вы её! Подумайте об этом, прошу Вас.

Тома положила свою ладонь на руку Александра Фёдоровича и робко погладила её. Через несколько секунд, на её руку легла мужская рука и слегка сжала её.

— Как бы мне хотелось, — тихо произнёс Александр Фёдорович, — чтобы Вера была хоть немного похожа на тебя.

Слегка улыбнувшись, Тома потянулась и поцеловала Александра Фёдоровича в щеку.

— Она похожа. Уверяю, Вас. Она похожа.

Так они и ехали, держась за руки.

Прибыв к загородному ресторану, Александр Фёдорович не спешил покинуть машину. Он просто сидел, молча, и держал Тому за руку. Ни водитель, ни другой мужчина, который уже вышел из машины и вытянувшись по струнке, ждал, когда щёлкнет замок дверцы, и появится возможность помочь Александру Фёдоровичу выйти из машины, не видели, что происходит сзади в салоне. Перегородка всё ещё была поднята, а тонированные стёкла не позволяли проследить за пассажирами.

Неожиданно женская рука осиротела и, не сказав ни слова, Александр Фёдорович покинул общество Тома. Дверца за ним мягко захлопнулась, а через пару секунд хлопнула ещё одна дверца и машина поехала.

Как совершенно верно догадалась Тома, её повезли домой.

***

Был четверг. День подходил к своему логическому завершению, Надежда уже упорхнула домой, а Тома закончив наводить порядок, подошла к выключателю и в один щелчок погрузила помещение парикмахерской в полумрак. Неспешно она приблизилась к двери и потянула дверную ручку вниз.

Меньше всего Томе сейчас хотелось идти домой. Люба, который день ночевала у Веры. Сегодня, после очередного экзамена, девочки заходили в парикмахерскую. Рассказывали, как прошёл их день и о том, что завтра планируют пойти в студенческую библиотеку, за книгами, которые им нужны для подготовки к следующему экзамену, который назначен на конец месяца.

Подумав ещё раз, что её дома никто не ждёт, Тома вышла из парикмахерской и медленно побрела домой. Поднялась на второй этаж, достала ключи от квартиры, отомкнула дверь. И тут произошло нечто непонятное ей. Кто-то грубо схватил сзади, зажал рукой рот и впихнул в квартиру. Быстро захлопнул дверь, навалившись всем телом, прижал к стене. Тома брыкалась и кусала руку в кожаной перчатке, но вырваться не смогла. Через пару секунд к её носу приложили мокрую салфетку со странным запахом. И картинка перед глазами поплыла.

***

Тревогу забила Надежда на следующее утро, когда пришла на работу и обнаружила, что парикмахерская закрыта. Она позвонила Томе, та не ответила. Надежда поднялась к ней домой и обнаружила, что дверь в квартиру не закрыта на ключ. С опаской Надежда вошла вовнутрь и, ахнув, тут же выскочила. Отдышавшись на лестничной площадке, она позвонила тому, кто по её мнению, в таких обстоятельствах мог думать адекватно:

— Эдуард! Умоляю, приезжай срочно! С Томой беда. Я не могу до неё дозвониться. А в квартире её такое, что не описать.

На том конце раздалось единственное слово:

— Выезжаю!

И связь разорвалась. Эдуард приехал быстро и не один, а в компании двух мужчин, в руках у одного из них был кейс. Надежда посмотрела на подмогу, но не успокоилась. С трясущимися руками она входила в квартиру, в которой всё было измазано краской кроваво-красного цвета. Зеркало, вещи на вешалке. Тумбочка. Дверь в ванную, в туалет, в комнату. Кругом были следы чей-то больной психики. Обойдя квартиру, Надежда обнаружила везде одинаковую картину. Было испорчено всё. Постель. Диван. Телевизор. Книги. Пострадали даже фотографии в рамках, что стояли на полке с книгами. В ванной и кухне краску тоже не пожалели и испортили большую часть вещей. Причём на кухне ещё и в выдвижные ящики налили краски. Как впрочем, и в комод, что стоял в комнате. Наверное, что-то ещё можно было спасти, если оттереть краску растворителями. Но основную часть вещей все же, можно было считать утраченной.

Но не столько это пугало, как отсутствие Тома.

Один из мужчин, что приехал с Эдуардом, достал ноутбук из кейса и быстро включил его. Другой мужчина извлёк из кармана своей куртки кабель и подсоединил один его конец к ноутбуку, а другой к небольшому разъёму находящемуся непосредственно в двери. Мужчины уставились на монитор. Надежда робко присоединилась к ним.

На экране мелькали окна открываемых программ, а затем появилась картинка из дверного глазка. А под картинкой время. Откатив события до вчерашнего вечера, запустили

изображение и добавили звук. Сначала не было ничего интересного. Но прошло минуты три и кто-то в куртке с капюшоном, натянутым на лицо, подошел к двери. Роста он был среднего. И Эдуард со своими приятелями однозначно в нём признали мужчину. Немного попинав дверь, неизвестный в капюшоне, поднялся вверх по лестничному маршу. Для чего именно, стало ясно через несколько минут, когда появилась Тома. Эдуард едва сдержался, когда на экране Тому схватил неизвестный в капюшоне, и запихнул в квартиру. Дверь захлопнулась. Картинка стала мирной. Но все понимали, что с Томой в это время могло происходить, что угодно.

Стукнув кулаком в стену, Эдуард не смог себя успокоить и нервно отошел от монитора. Когда вновь появилось движение на экране, он вернулся к ноутбуку и стал внимательно наблюдать за происходящим. А там было на что посмотреть.

Появилась девушка. В руках у неё был увесистый пакет. Спокойно незваная гостья открыла дверь в квартиру Тома и вошла. Через десять минут девушка вышла, держа всё тот же пакет в руках. Спустя ещё пару минут вышел её напарник. На плече у мужчины была Тома. Она была без чувств. Лежала мирно, свесив руки. Ещё несколько секунд и на экране вновь всё стало статично.

Ни девушка, ни мужчина, лицо которого всё время было скрыто капюшоном, не произнесли ни слова. Даже шумов со стороны квартиры не было слышно. Молча, похитители сделали своё дело и удалились в неизвестном направлении.

Закурив Эдуард, прошёлся взад-вперед и резко обратился к мужчине, который держал на руках открытый ноутбук:

— Скачай картинку и живо в машину!

Надежда растерялась:

— И я?

— Нет! Ты остаёшься! — крикнул Эдуард, уходя в коридор. — Ничего в квартире не меняй! Ничего не убирай! Возьми запасные ключи от парикмахерской, вон они на крючке висят, и отправляйся на работу. Думаю, Томе не понравится, если клиенты останутся без обслуживания. Ясно?! — вновь повысив голос, уточнил он и вышел на лестничную площадку.

— А квартиру замкнуть? — спросила Надежда.

— Обязательно! Ключи возьми себе. Вечером за ними приеду я, или кто-нибудь из них, — Эдуард показал на своих приятелей.

Быстро мужчины отключили ноутбук, собрали кабель и ничего не говоря, вышли из квартиры. Окинув взглядом жуткую обстановку, Надежда схватила запасные ключи со стены и выскочила из квартиры.

***

Эдуард хорошо помнил дорогу к дому Александра Фёдоровича. На предельной скорости его машина неслась по загородной дороге. И хотя в машине он был не один, никто не подавал голос. Все понимали, что пока разговорами делу не поможешь. Рассуждать можно бесконечно, но от этого сил на важное могло и не остаться. Ещё до того, как они выехали из города, Эдуард в общих чертах рассказал, кто такой Александр Фёдорович и какое отношение он имеет к Томе. И ещё рассказал, что существует некая жена сына Александра Фёдоровича, и что именно её он подозревает в склонностях к низко-художественному психозу, поскольку квартира Тома уже страдала от вандала-абстракциониста. И если тогда, всё спустили на тормозах, то сейчас пахнет явным криминалом. А его прощать никто не

будет. Но главное найти и вернуть Тому. Естественно живую. И желательно невредимую.

Хотя, тот факт, что её вынесли из квартиры, был очень тревожным. Ведь если б хотели просто напугать, испорченных вещей для этой цели было бы вполне достаточно.

***

Стиснув зубы, Александр Федорович смотрел на монитор и молчал.

Эдуарду повезло, Александр Федорович был дома. Отцу Димы быстро донесли суть проблемы, и он чётко уловил, что именно от него хотят. Дав распоряжение начальнику своей охраны, готовиться к поездке в гости к Лиле, Александр Фёдорович вновь приник к экрану. И лишь на третьем просмотре, его осенило, и он признал в мужчине в капюшоне некоего Олега. Как оказалось, этого Олега совсем недавно Александр Федорович уволил:

— Уволил в связи с некомпетентностью.

Не стал он говорить, что причина увольнения, заключалась как раз в том, что исполняя распоряжение осуществлять наблюдение за Томой, Олег постоянно дезинформировал своего шефа. И тем самым нанёс серьёзнейший вред. Поскольку, согласно его донесений, Тому и Эдуарда связывали бурные интимные отношения. Помимо выдуманного отчёта, были предоставлены фотографии, где Эдуард целует Тому, и не важно, что в щёку. Фотографии, где Эдуард и Тома сидят в машине. И как он помогает войти в свой подъезд. Фотографии были настоящими, но на них не было Любы, которая в действительности в тот момент находилась рядом с Томой и Эдуардом. И никакого интимного подтекста, естественно, в этих встречах не было. Но при желании любую муху можно раздуть до размера слона.

И слон был создан. Умело и качественно.

Александр Федорович был введён в заблуждение. В эту же самую липовую информацию был посвящен и Дмитрий. Лишь когда Тома отважилась на встречу с Александром Федоровичем, он заподозрил, что был обманут. Предположив, что дезинформация поступила без злого умысла, он всего лишь уволил Олега. А теперь глядя на монитор, понимал, что Олег не просто так, по своей некомпетентности, кормил шефа уткой. За всем стояла тихоня Лиля. Она организовала эту игру.

Только насколько далеко способна пойти бывшая, на данный момент, именно бывшая жена сына?

***

— Александр Фёдорович, я не дал ход официальному расследованию, лишь по той причине, что пока Вам доверяю больше, чем правоохранительным органам.

— Эдуард, ты поступил правильно. От меня пользы будет больше чем от них. Уверяю. И ещё прошу прощение за то, что не смог остановить Лилю раньше. Признаюсь, я не придавал значение тому, что она сделала с дверью в квартиру Тома. Очень об этом сейчас сожалею. Очень.

После развода Лиле досталась хорошо обставленная двухкомнатная квартира в центре города. Именно к её дверям сейчас подходили Александр Фёдорович, Эдуард и ещё четверо бравых ребят. Но на призыв дверного звонка в квартире никто не отреагировал. И тогда, без раздумий, Александр Фёдорович приказал высадить дверь. Один из его людей извлёк из рукава своей кожаной куртки монтировку небольшого размера и за несколько секунд взломал преграду, разделявшую с Лилей. Однако проникнув в квартиру, всех ждало разочарование. Тома там не было. Но была хозяйка квартиры. Живая, но в состоянии алкогольного опьянения близкому к классификации — труп. Все попытки призвать Лилю к ответу ни к чему не привели.

Разгневанный Александр Фёдорович присел в кресло и закурил, когда мимо него потащили полуобнажённую Лилию в ванную комнату.

***

Болело всё. Но больше всего голова. Тома ощупала её и порадовалась, что не почувствовала каких-либо гематом и не видит на своих ладонях крови.

«Значит, черепно-мозговая травма исключается. Это уже хорошо.

Руки, ноги не связаны, опять же — хорошо.

Но где я?»

Она медленно посмотрела по сторонам и к удивлению, обнаружила наличие вокруг себя лесного массива.

«Травка, деревья... Солнышко?

Удивительно, почему сейчас светит солнышко? Куда делась ночь?»

События вечера навалились жутким воспоминанием, и Тома зажмурилась на пару секунд. Успокоившись, она попыталась встать, но это ей удалось не с первой попытки. Пошатываясь, она побрела в сторону шума дороги. Однако выйти на дорогу не отважилась. Сначала посмотрела на себя и стала прикидывать, за кого её могут принять в таком состоянии. Неуверенно стоявшую на ногах. И в одежде, которая местами существенно пострадала от лежания на травке.

Не зная как поступить, Тома присела рядом с деревом, облокотилась спиной о ствол и стала наблюдать, как машины, появляясь из-за поворота, набирают скорость, и проносятся мимо, её не замечая.

«Ещё немного посижу... а потом всё же попытаюсь добраться домой.

Только, как это сделать?

В таком замызганном виде, да ещё без денег... Рассчитывать на встречу с добрым самаритянином, как-то не приходится».

Из всего того ужаса, что с ней произошёл Тома помнила лишь несколько секунд, когда приходила в сознание. Тогда, правда, была ночь. Этот же самый лес. Рядом стояла девушка. Она пила прямо из бутылки и судя по нецензурной пьяной брани в адрес лежащей на земле Тома, девица была навеселе. Только «веселье» её было злобное и пугающее. Поняв, что Тома приходит в сознание, девушка приказала мужчине, который сидел на корточках поблизости, обездвижить жертву. Мужчина рывком выкрутил руку Томе и вколол в её плечо дозу мощного снотворного, шприц с которым достал из кармана своей куртки.

Но ещё до того так глаза закрылись, Тома услышала женский голос:

— Подавись! Ёб**ая сука!

И теперь, сидя под ласковым солнышком, Тома пыталась понять, кому так насолила.

***

Привести Лилию в состояние пригодное хоть для какого-нибудь диалога, удалось не сразу. Из её перепуганной рваной речи стало известно, что Тому вывезли в лес. Куда именно, девушка вызвалась показать. После этих слов, её перестали отрезвлять. Выдали сухую одежду и через пять минут буквально на руках снесли в машину. Но сделали это не от большой любви к ней, а по причине огромного желания не тратить драгоценные минуты, ожидая пока её плохо стоявшие ножки, спустятся по ступеням сами.

По дороге Лиле был задан ещё один терзавший всех вопрос:

— Где Олег?

Лиля мгновенно сникла и проговорила:

— Я не знаю, куда он делся. Помню только, что когда засыпала, он лежал рядом.

В её сторону посмотрели все, за исключением водителя. Хотя и ему стало ясно, какие отношения связывали Олега и бывшую жену Димы. Насколько давно возникли эти отношения, сейчас Александр Фёдорович выяснять не стал. Слишком много свидетелей. Лиля была напугана, и этот страх в ней застрял надолго. Но именно этот страх позволит Александру Фёдоровичу узнать сегодня вечером, как давно его невестка и Олег стали любовниками.

Он узнает правду. И она его ужаснёт. Поскольку всплывёт факт, что беременна Лиля была, возможно, и от Олега. И что именно это обстоятельство, повлияло на её желание избавиться от беременности.

Лиля сейчас, конечно, раскаивалась в содеянном с Томой и уверяла, что всему виной степень подпития. А прикладывалась к бутылке она в последнее время часто. И в тот день, когда портила дверь, тоже была под градусом.

Но что действительно настораживало, так это участие Олега в этом деле. Вряд ли на сомнительные подвиги его вдохновляли лишь интимные отношения с Лилей. И подтверждение корыстности его умысла обнаружилось, буквально через пару дней, когда Александру Фёдоровичу стало известно, что Олег получил в полное своё пользование все денежные средства Лили. И теперь кроме квартиры у девушки ничего не осталось. Но поскольку за коммунальные платежи и за всё остальное ей платить нечем, то наличие квартиры — вопрос времени. Родители Лили, конечно, могли оказать финансовую помощь, но сама Лиля умоляла Александра Федоровича не информировать её родителей об уровне затруднительного положения их дочери. Лиля понимала, что ни мать, ни отец не будут в восторге от того, что она теперь в разводе.

Последний год родители Лили жили в Минске. И если б они знали правду о дочери, то непременно бы забрали её к себе. А этого Лиля не хотела, поскольку считала, что для достижения высот карьеры певицы, коей она себе считала, Россия предпочтительней, чем Белоруссия.

И лишь ущемлённая гордость, оскорблённой женщины, толкнула Лилю мстить Томе. Одно дело, когда она завела любовника, и совсем другое, когда ей изменял муж. Ведь она просто ради секса. Так сказать, понять есть ли разница? А Дима посмел полюбить другую. Это было очень неправильно, по мнению Лили. Сама-то она, на самом деле, никого никогда не любила. Даже когда выходила замуж за красивого, упакованного Диму, воспринимала брак, как трамплин собственной карьеры. И все её красивые фразы о любви, всего лишь ловкая игра смазливой девочки с холодным сердцем.

Когда карточный домик её мечты рухнул, она назначила виновника и выплеснула на Тому весь негатив своей сущности.

Ведь всегда приятнее осознавать, что виновен кто-то, но не ты сам.

***

Первым Тому обнаружил один из охранников Александра Фёдоровича. Пытаясь не напугать женщину, он тихо подошёл, присел на корточки напротив неё и, улыбнувшись, произнёс:

— Тома, добрый день. Александр Фёдорович и Ваш друг Эдуард уже с ног сбились в поиске Вас.

Услышав такие родные имена, Тома расплакалась и буквально упала на грудь незнакомому мужчине, который для неё сейчас был связующей нитью между отчаяньем и

нормальной, привычной жизнью.

— Тома, я отведу Вас к машине.

Но идти она не смогла. Сказался стресс, инъекция снотворного и долгое сидение на земле под деревом. Подхватив Тому на руки, мужчина прижал к себе, как родное дитя, и понёс в сторону машины, которую пока не было видно из-за крутого поворота дороги.

— Тома, позвольте представиться, меня зовут Тимур, — представился мужчина огромного роста, богатырского, необхватного телосложения.

— Рада познакомиться, — искренне призналась она, и стала понемногу успокаиваться.

— Я работаю на Александра Фёдоровича, много лет. А Вы, как я понял, работаете в парикмахерской?

— Да.

Тимур улыбнулся, посмотрел Томе в глаза, но ничего больше не сказал, вплоть до того момента, пока они не увидели три машины у обочины. Гос. номер первой из них был знаком Томе. Две другие машины, черные внедорожники, словно кавалькадой выстроились за автомобилем Александра Фёдоровича.

— Почти пришли. Ох, и досталось Вам сегодня, — с сочувствием произнёс Тимур.

— Да уж. Не самый приятный день в моей жизни.

— Понимаю.

— Может, Вы меня всё-таки опустите? Я, наверное, уже смогу идти сама.

— Нет уж. Лежите смирно. Я Вас передам только в другие руки. Вы слишком большая драгоценность, чтобы сейчас идти пешком.

— Тимур, Вы что-то путаете. Во мне ничего редкоземельного нет. Я самая обыкновенная.

— Я редко ошибаюсь в людях. Такую, как Вы, ещё поискать надо.

— Такую, это какую? Которую сомнительные приключения находят сами? Которую не так просто прибить, не понятно за что?

— Так Вы не знаете, кто Вас в лес вывез?

— Если честно, то — нет.

— Что ж, неведение иногда гораздо лучше правды.

— Стоп!

Тимур повиновался её голосу.

— Тимур, а как вы меня нашли? Вы знали, где меня искать? Но как такое возможно?

— Тома, Вам всё объяснит Эдуард. Или Александр Фёдорович. Но не я.

— Почему не Вы?

Он пару секунд молчал, глядя на неё, затем медленно пошёл:

— Удивительно, какая Вы лёгкая.

— Тимур, прошу, опустите меня.

Не сразу, но её вернули на землю. Продолжая придерживаясь за этого большого человека, Тома с мольбой заглянула ему в глаза и спросила:

— Пожалуйста, скажите, за меня, что выкуп просили? Да?

— Обошлось без этого, — усмехнулся Тимур.

— Ух. Ну, и слава Богу! А-то я подумала... Так, а тогда, как вам стало известно, что я нахожусь здесь?

— Одну секундочку, — спокойно произнёс Тимур, достал из кармана мобильный и набрал номер из списка быстрого дозвона. — Алло, всё в порядке. Я её нашел. Мы подходим

к машинам. Отбой, — тут же убрал телефон и подхватил Тому на руки.

— Зачем же это? Я дойду сама.

Он ничего не ответил. Вскоре раздался выстрел, где-то неподалёку в лесу. Затем ещё один и Тома испуганно прижалась к Тимуру. Он же даже не замедлил шаг.

— Что это такое, Тимур?

— Всё в порядке. Не переживайте. Рабочий момент.

— Но ведь стреляли!

— Так положено. Всё нормально.

Но почему-то нехорошие мысли поползли, как змеи, и Тома не в силах их усмирить, потеряла сознание.

***

— Тома. Тома. Открой глазки.

Нежно по щекам похлопали и протёрли лицо мягкой салфеткой смоченной водкой. Запах мгновенно взбудоражил сознание, и Тома потихоньку стала приходить в себя.

Она всё так же была на руках Тимура. Только теперь он не стоял, а присел на землю. Но при этом продолжал, словно в колыбели своих больших рук держать Тому. Лицо Томе протирали Эдуард. И именно его она увидела первым, когда очнулась.

— Эд. Это ты?

— Я.

— А где мы?

— Можешь считать, мы совершаем загородную прогулку.

Теперь-то она увидела всех, кто был рядом. Кольцом незнакомые мужчины стояли вокруг Тимура, сидящего на обочине рядом с машиной Александра Федоровича. Его самого она заметила не сразу.

— Странная у нас с тобой, Эдик, прогулка. С таким количеством неизвестных мне людей, — тихо произнесла Тома.

Ополоснув руки водкой из бутылки, Александр Фёдорович сделал пару глотков прямо из горла и передал бутылку тому, кто стоял ближе всего к нему.

— Так! — резко произнёс он. — Хлопцы, ну-ка живо по машинам!

Молча, толпа растворилась, лишь только хлопанье дверей автомобилей подсказала Томе, куда делись мужики. Остался Эдуард, Александр Федорович и, конечно, Тимур, который казалось, уже никогда не выпустит Тому из своих рук.

— Тома, — встревожено обратился Александр Фёдорович, присев на корточки рядом. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально себя чувствую.

— Правда?

— Со мной всё хорошо.

— Ой, девочка... как же ты меня напугала.

— Я не хотела. Извините... А что, это за выстрелы были?

— Выстрелы?

— Ну, да.

Она ужасно боялась, что эти выстрелы были не в воздух. А в цель. В живую цель. В живую до выстрела. И целью мог быть либо тот мужчина, что вколол ей укол, либо та девушка, что много пила и много брани пролила.

«Ведь если не знать, где искать, то найти меня было бы невозможно. А это значит, что

Александр Фёдорович общался с моими похитителями».

— Выстрелы. Они же были? Я их точно слышала. Эдик! — она искала его глазами. Он присел рядом и взял её руку в свои. — Эдик, ты же слышал выстрелы? — в её голосе уже было отчаянье.

— Да. Слышал. Это был условный сигнал на общий сбор у машин, в случае если тебя кто-нибудь найдёт. Тебя нашёл Тимур. Но поскольку он сам не стал стрелять, чтоб тебя не пугать, он позвонил Александру Фёдоровичу и, как я понимаю, кто-то из находившихся рядом с ним дал сигнал... А что, ты так испугалась этих выстрелов?

— Я подумала, что...

Ей стало неудобно, говорить вслух, что она подумала. И она промолчала. Но Александр Фёдорович её мысли прочёл по смущённому взгляду. Невольно он улыбнулся и поднялся с корточек. Жестом показал кому-то подойти. Через несколько секунд напротив Тома стояла именно та девушка из ночного кошмара. Невысокого роста. Со светлыми длинными распущенными прямыми волосами. Худенькая. Юная. С красивыми чистыми голубыми глазами. Она была хорошенькая. Но напуганная.

Увидев её, Тома вздрогнула и крепко сжала руку Эдуарда.

Немую сцену прервал Александр Фёдорович:

— Тома, тебе знакома эта девушка?

— Я её видела сегодня ночью.

— Это бывшая жена Димы, Лиля.

— Ах! Вот оно в чём дело, — осознала Тома причину своего нежданного экстремального приключения и сразу же поинтересовалась. — И дальше что?

— А теперь твой ход, — спокойно сказал Александр Фёдорович Томе и посмотрел на Лилю. — Теперь ты, Тома, выбираешь меру наказания для Лили. Официальное, согласно существующему уголовному кодексу. Или материальная компенсация. Плюс компенсация за испорченное имущество. Ну, и, конечно моральная компенсация. Но тут моя фантазия бессильна. Выбор за тобой.

— Я не поняла, компенсация за какое испорченное имущество? — спросила Тома.

— Понимаешь, — начал Эдуард, — То, что с твоей квартирой сделала Лиля, трудно описать словами. Но одно точно, тебя ждёт большой ремонт. И скорей всего необходимо будет полностью менять мебель. И не только её.

— И что вы от меня хотите? — посмотрев на мужчин, растерянно спросила Тома.

— Ты не поняла, Тома! — попытался объяснить Александр Фёдорович. — Золотая рыбка сейчас стоит перед тобой. Это ты должна загадывать желание. Желай! Она всё исполнит! Ведь, правда, Лиля?

— Да, — испуганно сказала Лиля, так и не поднимая глаза.

— Мне от неё ничего не нужно, — произнесла Тома, разглядывая молоденькую девушку с приятной фигурой.

О красоте лица, по понятным причинам, связанным с бурностью прошедших суток, сейчас речь не шла. Но красота лица была. Только не в данную минуту.

— Тома, так нельзя! Лиля должна быть наказана! — вмешался Эдуард.

И только Тимур ничего не требовал от Тома. Ну и Лиля, конечно. Она сильно изменилась с ночи. Исчезла бывшая бравая, разгульная принцесса. Теперь перед Томой стояла испуганная, подавленная девушка.

— Хорошо, — согласилась Тома. — Я вас поняла. Тогда пообещайте мне, что Лиля

должна вину искупить только передо мной. И что Вы её преследовать, карая, не будете. Только я. Согласны?

Александр Фёдорович был не в восторге, но согласился с просьбой Тома:

— Хорошо.

— Тогда, если есть такая возможность, позвольте мне ехать в одной машине с Лилей. В машине мы обо всём с ней договоримся. Ты согласна, Лиля?

— Да. Согласна. Только прошу, давайте обойдёмся без статей уголовного кодекса. У меня родители этого не переживут.

— Не переживай, Лиля. У меня нет желания отправлять тебя за решётку.

— Спасибо! У меня квартира в центре есть. Я её всё равно собралась продать. Я компенсирую все расходы по восстановлению испорченного мной имущества. И не только его.

— Хорошо, хорошо. Мы всё сейчас в машине обсудим, — перебила Тома Лилю и посмотрела на отца Димы, — Александр Фёдорович, мы же сможем пообщаться с Лилей без свидетелей?

Немного помедлив, он посчитал, что Тимура Томе с Лилей в любом случае, придётся брать с собой.

— Тимур, машину, в которой поедут девушки, поведёшь ты.

— Будет исполнено, — заверил Тимур и выпустил Тому из рук, — Куда ехать?

— Пожалуйста, отвезите меня домой, — попросила Тома, поднимаясь с Тимура, при этом опираясь на руку Эдуарда.

— Тимур, отвезёшь Тому домой, — приказал Александр Фёдорович. — Мы поедем следом за вами.

— Александр Фёдорович, спасибо большое за моё спасение и за участие в моей жизни, — поблагодарила Тома и посмотрела Эдуарда. — Ну, а тебе мой дорогой, Эдик, отдельное спасибо.

Он улыбнулся, и помог Томе присесть в машину. Тимур усадил Лилю и отправился на водительское сидение.

Через пару минут кортеж двинулся в город.

***

В салоне автомобиля Александра Фёдоровича повисла гробовая тишина. Лили понимала, что от неё сейчас ничего не зависит. И она была согласна на любые условия Тома. А у самой Тома никаких условий к Лиле не было. Ей ничего не нужно было от БЫВШЕЙ жены Димы. Ни денег, ни извинений, ничего. Как оказалось, у Лили не было совершенно ничего, что могло бы искупить, или сгладить вину за потраченные нервы, за испорченное имущество. Оценивать моральный ущерб деньгами, было невыносимо пошло.

Тома в глубине души Лилю даже понимала и жалела. Себя саму она жалела тоже. Но поскольку для неё кошмар закончился, она не хотела его создавать для другого человека.

Уже въехав в город, Лиля не выдержала и подала голос:

— Я квартиру продам в самые кратчайшие сроки. И сразу же отдам деньги.

— Лиля. Мне ничего от тебя не нужно. Ни копейки. Об одном только прошу, забудь обо мне.

— Как ни копейки? А как же Александр Фёдорович, ведь он сказал...

— Ничего он не сказал, — перебила её Тома, — Он мне дал все права для установления объёма компенсационных выплат. Так вот, ничего у тебя нет, на чтобы я позарилась.

Деньги? Пока я их сама умею зарабатывать. И мне чужие не нужны. Мне вообще ничего чужого не нужно. Спросишь, а как же твой муж? Отвечу. Даже когда я не знала, что Дима женат, он тебе не принадлежал. Поэтому, Лиля, ничего ты мне не должна. И я у тебя ничего не крада. Я понимаю, тебе было невыносимо осознавать произошедшие перемены в твоей жизни, от этого хотелось выплеснуть обиду. Но не на того ты её выплеснула. В своих ошибках, других винить не надо. Надеюсь, обида и злость покинули твою душу после сегодняшней ночи. И ты больше не будешь совершать такие чудовищные нападения на людей. И ещё, в твоих же интересах не распространяться о нашем разговоре. А Александру Федоровичу скажи, что сумма компенсации определена и для тебя она вполне подъемна. Тем самым ты закроешь дальнейшее участие Александра Федоровича в этом деле. Поняла?

— А... как же? — взглядом Лиля указала на Тимура.

— Тимур! — обратилась Тома. Он мельком посмотрел на неё через зеркало, — Вы не будете против если наш разговор с Лилей останется в тайне?

— Я постараюсь не распространяться на эту тему, — сухо произнёс Тимур, продолжая внимательно смотреть на дорогу.

— Спасибо.

— А почему, нельзя сказать, что мы всё решили миром, без всяких выплат? — спросила Лиля, не веря своему счастью, что так легко отделалась.

— Дело в том, что, если я тебя просто так отпущу, меня неправильно поймёт, в первую очередь, Эдуард. Он мне весь мозг вынесет, объясняя, что такое хорошо, что такое плохо. А я не хочу слушать его доводы. И получать деньги за тот кошмар, что пережила сегодня, тоже не хочу. Хочешь, заплати Эдуарду или Александру Фёдоровичу. За хлопоты. Но думаю, это предложение и их, в конечном итоге, не устроит. Они, так же как и я, откажутся получать деньги за то, что со мной сегодня произошло по твоей воле.

— Но, как же, квартира? В ней практически не осталось ничего неиспорченного.

— Тьфу. Какие мелочи! Квартира. Вещи. Да я вообще продам ту квартиру! Так что, если б не ты, я так и мучилась, оставаясь в ней. Всё к лучшему. Я живая, ты живая. Всё остальное — пустяки.

— В смысле, «я живая, ты живая»? — испугано посмотрела Лиля на Тому, потом на Тимура.

— Да, понимаешь, сегодня, когда я слышала выстрелы в лесу, я почему-то первым делом подумала, что тебя и твоего напарника прям в лесу грохнули. Я, понимаю, это глупо, но я так подумала, и мне стало страшно. Ещё страшней, чем, когда вчера вечером мне зажали рот и впихнули в квартиру.

От этих слов, лицо Лили совсем побледнело, а Тимур, подавляя эмоции, кашлянул в кулак и начал парковать автомобиль у подъезда Тома.

***

Завидев кортеж, возглавляемый знакомой машиной, Надежда выскочила из парикмахерской и подбежала ближе, невольно попав в объятья вышедшему из машины Эдуарду.

— Нашел?

— Нашел, — ответил он, и в награду получил крепкое объятие и поцелуй в губы.

— Где она? С ней всё нормально?

— Всё нормально. Беги, открывай квартиру. Мы сейчас все туда придем, и я тебе всё расскажу. Не будем устраивать здесь шоу для местных сплетниц.

Не в силах сдержать радостные эмоции Надежда ещё раз поцеловала Эдуарда и умчалась в подъезд.

Александр Федорович, осведомлённый Эдуардом о вандальной выходке Лили, настоял на том, чтобы Тома его пригласила в квартиру. И хотя Тома сопротивлялась, Эдуард и отец Димы, вошли в подъезд. Тома попрощалась с Лилей, отдельно простилась со своим спасителем Тимуром, попросив его передать остальным бойцам Александра Фёдоровича огромное спасибо, за участие в её поисках.

Тимур, стоя у машины, с какой-то странной тоской во взгляде, не присущей его натуре, смотрел, как Тома ускользает в темноту подъезда.

***

Весьма странным показалось мужчинам поведение Тома, когда она вошла к себе домой. В то время как Надежда, сокрушаясь, проводила экскурсию по изуродованной квартире, Тома вполне жизнерадостно отправилась на кухню готовить чай.

— Тома, здесь требуется серьёзный ремонт, — со знанием дела сообщил Эдуард, обойдя квартиру.

— Не переживай, это не проблема. Извините, чай придётся пить стоя, на стульях еще краска высохла не везде.

Её оптимизм был неуместным и от этого пугал.

— Тома, а давай ты пока поживёшь у меня? — предложил Эдуард.

— Или у меня, — неожиданно раздался голос Александра Фёдоровича из коридора.

На секунду растерявшись, Тома отвергла оба предложения.

— У меня есть, где жить пока всё не устроится. Не переживайте.

— И где же такое место? — спросил Эдуард.

— У подруги.

— У какой именно?

— Эдик, ты чего такой недоверчивый? Я у Ольги пока поживу. Она мне не откажет.

— Ты уверена?

— Эдик, если у меня возникнут проблемы с жильём, ты об этом узнаешь первым.

— Вторым! — вновь из коридора раздался голос Александра Фёдоровича. — Эдуард об этом узнает вторым. Сразу же после меня. Ведь так, Тома?

— Я вам об этом, двоим одновременно сообщу, — вышла из щекотливого положения Тома, и улыбнулась обоим мужчинам.

Чай они пили стоя.

После скромной чайной церемонии Томе удалось проводить всех гостей. В тишине она прошла по квартире и обнаружила, что Лиля забыла посетить балкон. Именно он остался нетронутым и не испачканным краской. Особенно обрадовало то, что подзорная труба всё также смотрела на послание Димы.

Как намагниченные друг на друга. Послание и его подарок.

***

К Ольге Тома так и не перебралась. Когда Люба и Вера узнали о происшествии, Вера буквально потребовала, чтобы Тома переехала к ней. И поскольку Люба, уже практически все свои вещи перевезла к Вере, то переезд ещё и Тома, был организован девочками за один вечер. Пришли, собрали вещи и готов переезд.

Поселилась Тома в комнате Димы.

Самым сложным было оказаться рядом с окном, к которому был прикреплен лист с

надписью «Не отрекайся от меня». Тома не знала, как поступить.

«Снять или оставить?»

На помощь пришла Вера. Она без лишних слов, подошла к окну и сняла лист. Свернула его аккуратно и положила на шкаф.

— Так будет гораздо больше света в комнате! Правда, ведь?

В ответ Тома кивнула и смущённо стала протирать пыль с подоконника.

В её квартире, по официальной версии, начался ремонт. Однако на самом деле в тайне ото всех, Тома выставила квартиру на продажу. Даже Любу она не стала посвящать в свои планы, рассчитывая, что в самые ближайшие дни племянница закроет сессию и уедет к матери. Ну, а к сентябрю, Тома, в любом случае, планировала жить уже на новом месте. Посчитав, что её сбережений вполне хватит на реализацию давней мечты, покупку домика, она стала готовиться к новой жизни. И пусть мечта воплотится в виде небольшого и старенького домика. Но домика! С участком земли, конечно же, небольшим, в силу ограниченных финансовых возможностей.

Оставалось только одна небольшая проблемка — собственный день рождения. Приглашать друзей в ресторан, было расточительно, особенно в свете предстоящих расходов, связанных с покупкой дома. И тогда, Тома вернулась к первоначальному замыслу — отметить торжество в квартире. А чтобы уродливые красные пятна не отвлекали от застолья, Тома частично от них избавилась. Где-то ободрала обои и приклеила новые, где-то покрасила, а где-то повесила красочные плакаты и поздравительные растяжки. И даже воздушные шары были развешаны не просто для создания праздничного настроения, но и для маскировки. На мебель накинула чехлы. Хуже всего обстояло дело с кухней и ванной с туалетом. Прибегнув к помощи ножа и стамески, Тома содрала краску, при этом, не заботясь о поверхности, с которой та снималась.

Что можно было выкинула, особо не жалея потраченных когда-то денег.

К сожалению, от Димы известий так и не было.

По всем расчётам он был уже за границей. Далеко-далеко. Не дойти до него. Не доехать, не долететь, а всё потому, что неизвестно направление пути к нему.

***

Июль

— Тома, с днём рождения!

Почти в унисон прокричали Люба и Вера, ворвавшись рано утром в комнату к Томе.

Не сразу поняв, что происходит, Тома высунулась из-под одеяла и улыбнулась, рассмотрев то, с чем пришли девчонки. Люба с тортом, в который была воткнута одна зажженная свеча. А в руках у Веры была бутылка шампанского и три бокала.

— Та-дам! — прокричала Люба и поднесла торт ближе. — Задувай!

Быстро справившись со свечой, Тома с интересом посмотрела на Любу:

— И?

— И будем пить шампанское! И закусывать тортиком!

Невольно Тома вспомнила, при каких обстоятельствах пила последний раз шампанское и поинтересовалась:

— А другого напитка нет? А-то я к шампанскому сегодня не готова.

— Есть! — выскользнув из комнаты, прокричала Вера.

Вернулась она через минуту, прихватив ещё и бутылочку белого вина. От него Тома уже не отказалась.

Позавтракав таким торжественным образом прямо в постели, они распили напитки, и отправились на квартиру Тома готовиться к приходу гостей. Но поскольку день рождения выпал на пятницу гости планировались только после шести.

Однако неожиданные гости появились раньше.

Сначала всех удивил курьер службы доставки, который помимо цветов, вручил Томе небольшую, но красочную коробочку, украшенную бантиком.

— От кого?

Курьер был не в курсе. Он лишь поздравил и ушёл.

— Ну, открывай! — толкая Тому в бок, потребовала Люба.

Передав ей букет белых роз, Тома принялась вскрывать упаковку. Неожиданно в её руках оказался футляр, а в нём был обнаружен золотой браслет со вставками из красных камней.

— Ух, ты! Красотища! — выразила свой восторг Люба.

Подошедшая к ней Вера, почти так же эмоционально отреагировала на украшение.

— Интересно от кого? — покрутив футляр, спросила сама у себя Тома. — Ладно... Потом разберёмся, — и, не надевая на себя подарок, положила его в свою сумочку.

Ещё через час в дверь вновь позвонили. Тома поспешила к двери, но открыв её, праздничное настроение зависло. Настолько был гость неожиданным.

— Андрей?

— С днём рождения, Тома.

— Спасибо... Проходи.

Бывший муж вошел в квартиру, вручил букет и робко поцеловал Тому в щёку.

— У тебя гости? — заслышав шум на кухне, поинтересовался он.

— Гости будут после шести. А это мы на кухне с девочками готовимся к их приходу.

— Понятно.

Возникла пауза. Андрей мельком рассматривал Тому, потом его взгляд переместился на стены прихожей.

— Да, ты разувайся! Сейчас нам поможешь стол переставить. Ты не спешишь?

Казалось, он обрадовался. Улыбнулся и даже выпрямился.

— Нет, я не спешу. Я... вам с удовольствием помогу.

— Прекрасно!

Тома повела его на кухню, знакомить с Верой и одновременно напомнить Любе, кто такой Андрей. Люба знала о бывшем муже Тома, но его образ сильно затуманился, и она его не узнала. Однако лёгкое отношение Тома к нему помогло снять напряжение, возникшее от появления столь неожиданного гостя. Но его появление на празднике было загадкой для всех.

Когда Андрей отправился на балкон за стульями, Люба подбежала к Томе и почти шепотом поинтересовалась:

— Чего он припёрся?

— Не знаю, — так же тихо ответила Тома и пожала плечами. — Но не могла же я его выставить?

— А почему бы и нет?

— Ну, я так не могу.

— Ха! Хочешь, я его выгоню отседа вон?!

— Успокойся. Ты-то чего кипишуешь? Пусть остаётся, раз пришел.

— А он всегда приходит на твой день рождения?

— Да в том-то и дело, что в первый раз после развода.

— Ну, ладно. Посмотрим, чего он задумал. Но ты если что, нас зови. Мы его с Верой и раз отучим дни рождения портить.

— Иди уже на кухню. Я сейчас ему помогу и приду к Вам.

Люба воинственно посмотрела в сторону балкона и всё же пошла на кухню. А Тома на балкон.

— Андрей, — завидев бывшего мужа, обратилась Тома, — я очень удивлена, что ты помнишь, что у меня сегодня день рождения. Или тебе мама напомнила?

— Она, конечно, напомнила, но я и сам не забыл.

— Понятно. Вновь хочет нас свести? Ещё надеется, что у нас есть будущее? Ведь столько лет прошло.

— Прошло... А она надеется. — Андрей отставил стул и посмотрел Томе в глаза. — Напрасно, конечно. Да?

— Да.

— Я так и думал.

В его голубых глазах, пристально смотрящих на Тому, было много такого о чём ей совершенно не хотелось вспоминать. И голос его. Такой тихий. И волосы эти светлые.

И пустота...

— Но я всё равно пришел. Прости меня, и за это тоже.

— Не начинай, прошу, — подойдя ближе, Тома погладила Андрея по плечу, — Всё прошло. Прошое вернуть нельзя. И не нужно. Ни тебе, ни мне.

— Ты сейчас с Эдиком? — перехватив её руку, спросил Андрей.

— Нет, ни с ним.

Андрей сжал руку Томы крепче.

— Одна?

— Ну... не совсем. То есть, как бы да, но...

«Зачем я вообще с ним на эту тему разговариваю?

Сказала бы, что не одна! Да и всё!

Чего кота тянуть за... хвостик? Блин!»

— Я хотела сказать, что у меня есть любимый мужчина.

Андрей руку так и не выпустил. Поцеловал её, а потом свободной рукой извлёк из кармана брюк небольшой квадратный конвертик, и протянул его Томе.

— Это тебе.

Тома приняла подарок и стала его открывать. Из конвертика в ладонь выскользнула золотая брошь в виде подковы.

— Спасибо. Неожиданно, правда. И дорого. Не надо такие дорогие подарки мне делать.

— Этот подарок дорог лишь, как память.

— Не поняла. Какая память?

— Брошь сделана из наших двух обручальных колец. Моего и остатков твоего. Я их долгое время хранил, а потом подумал, что если нам не суждено быть вместе, то пусть, хотя бы наши кольца сольются в единое целое и принесут счастье. Поэтому брошь в виде подковы. Носи её на счастье. И прости меня.

— Спасибо. Очень трогательно. Я обязательно буду носить твой подарок. И ещё, Андрюш, я тебя уже давно простила.

— Да. Ты простила. А я себя — нет.

Тома подошла ближе и поцеловала его в щеку. Андрей быстро крепко обнял и уткнулся в её волосы. Молча, они стояли, и каждый думал о своём, вспоминая минувшую совместную жизнь. Никто из них не хотел озвучивать эти мысли, боясь услышать, что и другой вспоминает прошлое с той же тоской. И лишь спасительная трель дверного звонка сумела вырвать Тому из объятий Андрея.

Быстро дойдя до прихожей, Тома оробела, увидев, что в квартиру Люба впускает Тимура.

Да и как такого великана не впустить!?

— Тимур?

— Тома, я приехал тебя поздравить с днём рождения.

В руках Тома оказался очередной букет.

— А как ты узнал, что у меня сегодня день рождения?

— Работа у меня такая. Всё узнавать про людей.

— Про всех?

— Нет! — улыбнулся Тимур. — Только про тех, кого в лесу нахожу.

— Понятно. Рада тебя видеть. Проходи в комнату.

Тимур покорно пошел следом за Томой.

— У нас стол почти накрыт. Так что ещё полчаса и будем садиться. Как раз и гости все подойдут.

— Я не помешаю?

Тому удивило желание Тимура остаться, но она не подала виду и заявила, что гостей мало и он, конечно же, не помешает. И тем ни менее, незаметно попросила Любу сбегать в парикмахерскую ещё за стульями.

— Бери два. А-то если ещё кто-нибудь про меня вспомнит, то будет стоять, за праздничным столом.

Вера и Люба помчалась за стульями. Тома же позвала Андрея с балкона, чтобы познакомить мужчин.

— Андрей, познакомься. Это... мой ангел хранитель, Тимур.

Завидев Тимура, Андрей напрягся. Однако крупную мужскую руку, протянутую к нему, всё же пожал. Хотя и подумал, а не сломают ли ему кисть, в процессе рукопожатия? Всё обошлось. Не сломали.

— Тимур, а это — мой бывший муж, Андрей.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно, — сухо сказал Тимур и перевёл взгляд с Андрея на интерьер комнаты.

— Ладно, мальчики, вы тут располагайтесь, а я пойду утку в духовке проверю.

Оставив мужчин наедине, Тома в глубине души надеялась, что на сегодня сюрпризов больше не будет.

К шести подошли почти все приглашенные гости. Лишь только Надежда позвонила и, извинившись, сказала:

— Тома, прости я не смогу придти.

— Если муж не отпустил, приходите вдвоём. Я же тебе об этом уже говорила.

— Спасибо, моя дорогая. Но причина не в этом. Прости, сейчас объяснить не смогу. Ещё раз поздравляю с днём рождения. Здоровья тебе! Удачи и всего самого лучшего! Я тебя люблю! Всё, пока!

Тому удивил звонок, ведь Надежда очень ждала этот день. Говорила, что по такому шикарному поводу, грех не выпить. А теперь сама отказалась прийти, да ещё и причину не объяснила.

***

Официальная часть дня рождения началась с размещением гостей за праздничным столом.

Тома с опаской смотрела, как Эдуард здоровается с Андреем. Но обменявшись рукопожатиями, мужчины больше не общались между собой. Как будто и не было их дружбы в студенческие годы. Но Тома такому настрою была даже рада.

«Уж лучше так, чем выяснение отношений. А Андрей с Эдуардом могли сцепиться. Слишком тяжелыми взглядами они одаривали друг друга».

Позже Эдуард всё же не выдержал и, подгадав, когда Тома окажется на кухне одна подошел почти вплотную и поинтересовался:

— Андрей сам пришел?

— Нет, блин! Я его телеграммой вызвала! Конечно, сам. А что? Тебя он раздражает?

— Не в этом дело. Я, просто удивился, его увидев.

— Я тоже удивилась, когда он пришел.

Тома, терзаемая подарком, полученным через курьерскую доставку, надеялась, что поймёт, кто автор этого сюрприза. Но получив от Эдуарда дорогой сотовый телефон, растерялась. Теперь ей не на кого было подумать:

«Дима?»

Нет... Он же вообще не знает про мой день рождения... Уехал. И даже не интересуется, как я тут без него.

А я тут... никак.

Я одна. Он уехал.

Куда? Я не знаю.

Надолго? Я не знаю!

Вернётся? Я не знаю!!

Захочет ли, хотя бы, увидеть меня? Я не знаю!!!

Я ничего не знаю... Меня, как котёнка, бросили и ничего не сказали. Ничего не пообещали. И даже ни в чём не упрекнули.

Почему глядя мне в глаза, не обвинил в связи с Эдуардом? Поверил и бросил... А я жду. На той злосчастной скамейке, на которой всех бросают, жду. А он ничего не сказал... Растворился.

Тоска...

Меня опустошили.

Слёзы? Их уже нет. Я их за эти бессонные ночи столько пролила, что... глаза болят.

Сегодня у меня день рождения. Мой дом полон людей. А у меня в груди пустота. Я выть хочу, от того, что нет со мной Его. А я должна сегодня веселиться. Что б никто не увидел, как мне ху... (худо).

И вот звонок!

Дима???

Нет. Андрей... Сказать что я зла? Нет. Рада? Тем более, нет. Пустота. Мне кажется, что если бы сейчас меня приехал поздравить президент, я бы так же мёртво отнеслась к его визиту. Мне нужен только он — Дима.

Слава Богу, мне удалось надеть маску Радости с утра. Она на мне висит (скособочено, но висит), а в душе надежда на то, что всё же удастся скрыть ото всех ту тупую боль, что застряла во мне.

Андрей... Он как ребёнок, в своих поступках. Честное слово... Зачем пришел?

Подарок ещё этот странный. Хотел меня разжалобить?

Ну, давай ещё и бывшего мужа, который меня предал пожалею. Бедненького, несчастненького.

Мне хочется жалеть себя. А я буду жалеть его. Ну, что, ему стало легче? А мне нет.

И вообще поздно.

Всё поздно. Мне не нужно раскаянье Андрея и мольба о прощении. Сгорело всё. Пылаю синим пламенем, и ничего о той любви во мне не сохранилось. Память? Ну, только если она...

Невольно вспомнилась присказка — “Обнять и плакать”. Это про меня. Любая нежность ко мне сейчас спровоцирует поток слёз. А мне плакать нельзя! Не жалейте меня! Сегодня мой день рождения. Сегодня у меня гости. Пусть думают, что всё у меня в порядке.

Эдуард не выдаст. Надежда не предаст. Вера с Любовью помогут. И никакой Андрей меня не спровоцирует на истерику. Подумаешь, пришел! Поздно! Хочет страдать? Да ради Бога!

Хочет, чтобы его пожалели? Пожалуйста.

Только жалеть меня я ему не позволю. У меня всё хорошо! У меня сегодня день рождения! Хотя если б не девчонки, никого не стала бы приглашать.

Но опускать руки нельзя! Надо жить дальше!

НАДО!

Так что поправляем маску и вперёд!»

***

Эдуарда, как и планировалось, усадили рядом с Ольгой. Но вскоре стало очевидно, что сидевший напротив неё Тимур, буквально загипнотизировал девушку. Ольга краснела и бледнела под его взглядом и к концу третьего часа посиделок была почти напугана и сосредоточена, как студент, который вот-вот, да и провалит жизненно важный экзамен.

Увидев Ольгу на кухне, Тома напрямую спросила:

— Эй, подруга, ты чего шарахаешься Тимура? Он же тебя не съест.

Ольга её шутку не поняла и налив в стакан нарзан из стеклянной бутылки принялась лихорадочно поглощать жидкость. Тома невольно встревожилась за подругу. Психика у той была надорвана и не всегда адекватна.

— Оль, — обняв подругу за плечи, тихо спросила Тома, — Что случилось? Тебе плохо?

— Где ты его нашла?

— Ну, во-первых, это Тимур меня нашёл в лесу, когда я там потерялась, но эту историю я тебе завтра расскажу. А во-вторых, твоё отношение к нему меня начинает пугать. Так нельзя на людей реагировать. Что тебя в нём напрягает? Рост? Ну, крупный мужчина. Что тут сказать? Щедра земля Русская. Ещё рождаются такие богатыри. Ты-то у нас тоже не Дюймовочка. Чего тебе, с твоим ростом, так паниковать?

Ольга действительно была высокой. Стройной. Волосы тёмные короткие. А огромные глаза зелёного цвета, делали девушку привлекательной.

— Том, я не паникую, — Ольга посмотрела в глаза Томе и тихо добавила, — Я в шоке от себя, но кажись я запала на него.

— Ба! Да ты нормальный человек, оказывается. А я переживала, что ты статуя ледяная.

— Да ну, тебя! — сбросив руку Тома со своего плеча, игриво психанула Ольга. И буквально через пару секунд, с лицом, выражающим мольбу, повернулась к подруге и произнесла, едва слышно. — Помоги мне. А-то я собой уже не управляю. Руки трястись начинают при мысли, что туда, за стол нужно возвращаться. А он там. И будет смотреть, как я туплю, под его взглядом.

— Ой, подруга, да ты совсем поплыла!

— А я про что тебе говорю!

— Ясно! Будем спасать. Сейчас всё исправим. Я пошла за бокалами. А ты меня жди. Выпьешь, расслабишься и вперёд! Помни, «дорогу осилит идущий!»

— Почти поняла тебя. Неси! Выпью! Может, действительно полегчает? Хотя, как мне кажется, я уже и так накидалась.

— Тебе это только кажется!

Тома искренне хотела помочь подруге, однако войдя в комнату, налетела на хмельного Тимура, который с глазами грустного медведя сообщил:

— Томочка, я, конечно, извиняюсь, но мне пора уходить. Мне было очень хорошо у тебя. Твои друзья меня покорили своей искренностью. Приятные люди. Я уже отвык от такого простого, нормального общения. Спасибо тебе, что позволила остаться на твоём празднике. Надеюсь, я был не в тягость?

— Что ты!?! Тимур, ты был очень милым. Я даже удивлена, что за такой мощной фигурой скрывается весёлый и настолько интересный человек. Спасибо, что пришел. Жаль, что уходишь.

— Я со всеми простился. Лишь только Ольгу потерял из вида. Не подскажешь где она? Я бы хотел с ней... Как это? Э... Ну, в общем, тоже проститься.

Поняв, что это шанс, может быть даже последний, для этих двоих, Тома вручила Тимуру два бокала с коньяком и задала направление для обнаружения Ольги.

— Тимур, только прошу, будь с ней помягче.

— Ещё мягче? — почти протрезвев, поинтересовался он и лукаво подмигнул. — Томочка, не переживай, я девочек за волосики не дёргаю.

— Молодец! Тогда у тебя есть все шансы на успех.

— Ты думаешь?

— Я ещё не настолько пьяна, чтобы такие вещи не замечать. Всё! Иди! А-то она едва в теле от твоей персоны.

— Что, правда?

— Тимур! Теряешь время!

— Понял!

Его фигура скрылась в коридоре.

Тома вернулась за стол и подруги стали упрашивать её спеть.

— Том, ну спой!

— Да, сколько ж можно? Я вам ещё не надоела?

— Нет! — в один голос закричали друзья.

— Ну, хорошо! Сами напросились. Но учтите, песня будет новой в моём репертуаре. Подпевать вы мне вряд ли сможете. Хотя... В общем, слушайте.

Удобнее разместившись, Тома стала смотреть на пламя зажженной свечи. Одной из тех, что стояли в красивых подсвечниках на столе, застеленном белой кружевной скатертью.

Она запела, тихо, как будто обращаясь к кому-то кого здесь нет:

— Я открыла глаза — утро юное.

И я вдруг поняла — мой мир придуманный.

Все, что было вчера, все неправильно.

Отыщи мне того, кто в сердце ранил меня!

Я прошу, вырви сердце, я прошу, что б не болело,

Что бы я опять засыпала, как тогда королевой!

Не смотри, я не вижу, я горю, я умираю.

И, что делать мне с моим сердцем, я не знаю.

Открытое окно, печальные глаза,

Ушел, не говоря ни слова.

И падал первый снег в начале сентября,

Зима пришла в мой дом так скоро.

Как хочется упасть мне на руки твои,

Как хочется украсть кусочек у любви

Твоей любви...

Когда она закончила петь, слёзы катились по щекам подруг. Андрей молча налил себе водочки, выпил залпом и вышел на балкон. Тома, желая улучшить настроение друзей, предложила один из своих дежурных тостов:

— Что б хотелось и могло!

Вскоре Тома вышла на кухню, и к своему удивлению, не обнаружила там Ольгу и Тимура. Не веря такому повороту событий, Тома проверила вещи в прихожей и лишь тогда убедилась, что Ольга и Тимур ушли.

«Вдвоём?»

Ответ она узнала только на следующий день. И он был положительным.

Однако помимо этого сейчас Тому интересовал ещё и другой вопрос:

— Что делать с Эдуардом?

Андрей напился, но поскольку мирно заснул в кресле на балконе, его «досуг» Тому не напрягал. Эдуард же сегодня был похож на батарейку, которая всех дольше работает. Вот и Лена с Людой, подпирая мужей, отправились по домам. Вера с Любой ушли ещё раньше. Раньше даже чем Тимур с Ольгой. Остался только спящий Андрей и бодрствующий Эдуард.

— Тома, я тебе помогу стол убрать.

Со стола убрать помогли подруги. А сам стол и стулья вокруг него так и стояли посреди комнаты.

— Эдик, да пусть стоит.

— Нет, его надо убрать.

Стол, созданный ещё в период строительства коммунизма, складывался с двух сторон и был довольно компактен. Эдуард с ним справился быстро.

— А откуда у тебя столько стульев?

— Эти с кухни, а эти два из парикмахерской.

— Ясно.

Эдуард отнёс местные стулья на кухню, а те, что были из парикмахерской, выставил в

прихожую.

— Так. С этим справились, — осматривая комнату, констатировал Эдуард и достал сигареты. — Кстати, ты моя должница.

— За что именно?

— За Ольгу! Упорхнула моя невеста. А ты обещала, что сведёшь меня с ней.

— Эдик, — присев на диван, улыбнулась Тома. — Насколько я помню, я тебя уговаривала с ней познакомиться. А ты ерепенился.

— А теперь я хочу.

— Чего хочешь? — удивившись, уточнила Тома.

— Жениться.

— На Ольге?

— Да, на ком скажешь!

— О-о. Эдик, а ты кажется, напился.

— А что только Андрею можно? — Эдуард кивнул в сторону балкона.

— Нет-нет. Я тебя не ограничиваю, — понимая, что этот разговор не приведёт ни к чему хорошему, Тома попыталась переключить Эдуарда на мирное завершение вечера. — Слушай, я наверное, к девчонкам ужё пойду. А ты, пожалуйста, оставайся здесь. Утром мы придём к вам и позавтракаем все вместе. Андрея оставлять одного нельзя. Я с ним оставаться в одной квартире не хочу. Ещё хуже будет, если мы втроём здесь заночуем. Ты же можешь остаться переночевать у меня в квартире?

— Могу, — растерянно произнёс Эдуард, затушив сигарету о пепельницу. — Но только вначале я тебя к девчонкам отведу. Чтоб ты по дороге не попала в историю. Всё-таки уже скоро полночь.

— Отлично. Тогда пошли.

Тома вручила ключи от квартиры, и Эдуард пошел её провожать.

***

Тем не менее, когда он вернулся, храпящий Андрей его сильно стал раздражать. Спать при таком шуме было невозможно. Эдуард пошёл на кухню. Покурил. Не помогло. Хотелось выпить.

Но не пить же одному?

Проходя мимо стульев в прихожей, Эдуард неожиданно для себя решил их прямо сейчас отнести в парикмахерскую. Хотя бы для того, чтобы выкурить сигарету на улице. Курить на балконе под какофонию Андрея не хотелось. Рывком схватив стулья, Эдуард вышел из квартиры и спустился в парикмахерскую. Поскольку в связке ключей, полученных от Тома, был ещё и ключ от помещения парикмахерской, проблем с проникновением туда не возникло.

Открыв дверь, Эдуард с грохотом поставил стулья и неожиданно услышал женский крик.

— Не понял. Кто тут?

Он не знал, где включается свет, поэтому зажигалкой подсветил помещение. Но увидеть, конечно, никого не смог. Зато увидели его.

— Эдуард? Ты чего здесь делаешь?

— Не понял... Кто тут находится?

— Это я, Надя, — тихо призналась она.

И скрипнуло кресло в дальнем углу.

— Что ты тут делаешь? Ты одна? Я помешал?

Она усмехнулась и сказала:

— Да, помешал. Спать.

— Где, здесь?

— Ну, да.

— Что-то я не пойму. Ты точно одна?

— Ага. Совсем одна.

— А почему здесь?

— Я ж тебе говорю, сплю я здесь. У меня теперь тоже ключи от парикмахерской есть. И иногда я здесь сплю. А что, очень удобно. На работу не опаздываю.

— Бред, какой-то, — не понимая, произнёс Эдуард, и поинтересовался. — А ты чего к Томе на день рождения не пришла? Она расстроилась, что тебя не было.

Надежда не ответила, а Эдуарду надоело разговаривать в темноте:

— Надя, где тут свет включается? Я хочу видеть твоё лицо. А то разговариваю, а сам думаю, ты ли это? Голос у тебя какой-то... хриплый. Где выключатель?

— Не надо свет включать, — тихо попросила она.

— Почему?

— Он будет по глазам резать.

— Я в темноте не могу долго разговаривать. Мне нужен свет.

Эдуард вновь зажёл зажигалку и стал подсвечивать себе путь в поиске выключателя, который вскоре был найден.

— Не включай! Прошу.

Но слова Надежды Эдуард проигнорировал. Свет вспыхнул и действительно ударил по глазам. Эдуард, довольный собой, посмотрел по сторонам и вместо того, чтобы увидеть знакомое лицо Надежды, увидел как она, отвернувшись от него, накрыла лицо руками.

— Потерпи, через минуту глаза привыкнут к свету.

В ответ она что-то промычала, но руки так и не убрала от лица. Пошатываясь, Эдуард подошел к ней и присел на корточки напротив кресла.

— Надя, я не пойму, а что у тебя с руками? Они что...

И тут он осознал, что руки у неё неестественного цвета. Тонкие длинные пальцы местами покрыты ссадинами. Тыльные стороны ладоней и запястья на обеих руках кое-где вспухли. Кожный покров их также был травмирован.

— Не понял...

Эдуард попытался взять женские руки в свои, чтобы более внимательно их рассмотреть, но Надежда сжалась и прижала руки ещё сильнее к лицу. И только теперь Эдуард увидел точно такие же жуткие отметины на женской шее, щеке. И даже ухе. Тёмные, почти чёрные длинные волосы, собранные в косу, ещё сильнее привлекали внимание к гематомам на светлой женской коже.

Невольно из уст Эдуарда вырвался отборный мат, и он стал прилагать усилия, чтобы протрезветь.

— Надя, что с тобой?

Она заговорила не сразу:

— Выключи, пожалуйста, свет. Мне правда он бьёт по глазам.

Больше просить, и уговаривать Эдуарда не надо было. Через несколько секунд воцарилась темнота, и Надежда поблагодарила за это.

— И кто тебя так бьёт? Муж?

Она опять молчала. Тем самым, не опровергая догадку.

— Зачем ты ему это позволяешь? Ты же нормальный человек и должна понимать, что такие вещи спускать с рук нельзя. Иначе будут повторения. Он тебя впервые так избил?

— Нет, — раздалось в темноте горькое признание.

— И каждый раз ты молчишь?

— Да.

— Надя, не будь душой! Он тебя приберёт когда-нибудь.

— Ну, вот и ты меня обзываешь, — более живым голосом произнесла она. — Все вы мужики одинаковые. Лучше жить одной.

— О! Решила уйти от него? Хвалю! Значит, ты ещё не совсем...

— Дура. Ты уже это говорил.

— Надя, я же тебе помочь хочу.

— Помочь? Мне? Не трать силы и время. Я хоть и побитая, но ещё не сломленная. Я ещё повоюю.

— С ним?

— Нет. С выпавшей женской долей. Не век же мне горевать. Будет ещё и на моей улице праздник. Разведусь, и больше никогда не буду так доверяться мужику.

— Это правильно! Молодец!

Вновь скрипнуло кресло, и Эдуард догадался, что Надежда подходит к нему.

— У тебя сигареты есть?

— Сейчас, Надюш, угощу.

— Только, пожалуйста, прикури мне сигарету сам. И не смотри на меня. Не хочу, чтобы ты сейчас мог увидеть моё лицо, освещённое твоей зажигалкой.

Прикурив сразу две сигареты, Эдуард передал одну из них Надежде. Она приняла её и встала за мужской спиной.

— Как погуляли на дне рождения?

— Хорошо.

— Весело?

— И шумно.

— Здорово.

— Надя, и как ты теперь собираешься показаться на глаза Томе?

— Не знаю. Пока не придумала. Работать в таком виде я не могу. Это я понимаю. Домой возвращаться не могу и не хочу. Здесь же остаться могу только до утра. Вот как-то так. Это могу, это не могу... Ну, думаю, Тома меня поймёт.

— Это, конечно. Но тебе же, нужно где-то жить?

— Эдик, я всё понимаю. Но не нужно сейчас об этом говорить. Не напрягайся. Мне помощь от тебя не нужна. Справлюсь сама. Угостил сигареткой и всё. Больше ничего не нужно. Ни говорить, ни делать.

— Боишься?

— Тебя?

— Меня.

— Нет. Тебя не боюсь.

— Ну, раз ты такая смелая, поехали ко мне?

— Глупости не говори.

— Ты не поняла. Я тебя не для чего-то там такого зову, а для того чтобы ты выпалась на нормальной кровати, а не горбилась здесь в кресле. На мой счёт не переживай, я к тебе не полезу в постель. Я только тебя отвезу к себе и сразу же вернусь на квартиру Тома... Представляешь, сегодня Тому пришел поздравить её бывший муж! Ну, тот, что первый. И так увлёкся процессом поздравления, что вырубился бухой на балконе. А Тома меня попросила остаться в её квартире до утра, так сказать, покараулить её бывшего супруга.

— Андрей? Как же, слышана о нём. Его мамаша приходит к нам стричься, и каждый раз Томе про своего замечательного сыночка втюхивает. Тома, конечно, мамаше ничего плохого не говорит, но после её ухода обычно жалеет, что бросила курить.

— Теперь понятно откуда Андрей узнал где, Тома живёт?

— Ну, видимо от мамыши.

— Ясно. Так, что насчёт моего предложения? Поехали?

— Нет, конечно! Как ты себе это представляешь? Возвращайся к Томе.

— В смысле к Томе? А! Ты в этом смысле... — догадался Эдуард об истинных причинах отказа Нади. — Тома меня попросила в её квартире до утра побыть. А сама она сейчас мирно спит в квартире, которую Дима снимает.

— Не поняла. Почему Тома там находится?

— Ремонт у неё в квартире. Она хотела у подруги Ольги пока пожить, но Вера, подруга Любы, она же сестра Димы, её уговорила пока пожить с ними. Ну, в смысле в квартире, которую снимает Дима.

— В квартире Тома ремонт, а живёт она сейчас в квартире, которую снимает Дима? Так?

— Да, — не понимая к чему такой щепетильный допрос, ответил Эдуард.

— А ты мне сейчас предлагаешь переночевать у тебя?

— Ну, да...

Эдуард приоткрыл дверь парикмахерской, но с той лишь целью, чтобы избавиться от сигарет. Из тонких, немного холодных и дрожащих пальчиков Надежды он аккуратно, почти нежно, забрал докуренную сигарету и отправил её в том же направлении, куда улетела чуть ранее его собственная.

— Не пойму я вас с Томой. Какие у вас отношения? — спросила Надежда, после того как Эдуард прикрыл дверь.

— Дружеские.

— Разве такие между мужчиной и женщиной бывают?

— А ты думала, что я с ней сплю?

— Я знаю, что вы с ней встречались. Конечно, мне доподлинно не известно, как эти отношения сосуществовали с теми отношениями, что были у неё с Димой, поэтому и не понимаю, что у вас происходит?

— Я и сам не понимаю... Она любит Диму. Это точно. Ему со мной она не изменяла. Мне с ним тоже.

— Она любит Диму, — монотонно повторила Надежда слова Эдуарда. — Любит ли её Дима? Неизвестно... И ещё не известно, любишь ли ты её на самом деле?

— Ты знаешь, до сегодняшнего дня я как-то не задумывался над этим... Конечно, Тома мне не безразлична. Но своей женщиной я её теперь не представляю. Она действительно мой друг. Просто друг. Я хочу для неё счастья. Но строить это счастье, она будет с другим. И меня это вполне устраивает.

— То есть, ты действительно ей только друг?

— Выходит, что так и есть.

— Может, ещё по одной выкурим?

— Может, уже поедем ко мне? — повернувшись к Надежде, тихо произнёс Эдуард и положил свои руки ей на талию.

— Ты же говорил, что не полезешь ко мне?

— Я говорил, что не полезу к тебе в постель, — приближаясь к Надежде, почти шепотом произнёс он. — А здесь постели нет.

— Эдуард, ты пьян. Остановись.

— Я буду нежен. Обещаю. Тебе не будет со мной плохо или больно. Позволь мне прикоснуться к тебе.

А руки его уже давно прикасались к её телу. Гладили. Губы нежно целовали в шею. И дыхание такое тихое. Как будто с упоением вдыхая запах женской кожи.

— Эдуард... остановись.

— Надя, не бойся. Никто не узнает, если, ты сама не захочешь продолжения и огласки. Доверься... Тебе это нужно даже больше чем мне.

— Мне это не нужно.

— Нужно, — уверенно сказал он и коснулся её губ своими.

Не смотря на степень подпития, все его движения и прикосновения были очень нежными. Он понимал, что перед ним не просто женщина, а женщина, которая именно сегодня пострадала от грубых рук мужчины. Таковую очень легко спугнуть. Но лаской ещё можно вернуть к жизни. Именно поэтому Эдуард отнёсся к Надежде, как к тоненькому стебельку в своих руках. Он поглаживающим движением переместил руки с её талии до бёдер. Медленно приподнял ткань юбки выше и приблизился всем телом ближе. Не прижимая её к себе. Не нависая над ней. Едва касаясь, он всё же спровоцировал её на отклик.

Руки женские легли на плечи его и не для того чтобы оттолкнуть. Долгий поцелуй никто из них не стал превращать в страстный.

Изучающий? Да. И приручающий. Приручающий к доверию.

Эдуард не обидит. Он другой... Другой? Насколько другой?

И позволив себе забыться, Надежда опомнилась, лишь когда её прислонили к стене.

— Эдик, что мы делаем?

— Тихо, тихо. Всё будет хорошо, девочка моя.

— Давай остановимся? — едва слышно сказала она, и тут же сладкий поцелуй лишил её возможности призывать к отрезвлению от обоюдного желания, навалившегося так внезапно.

***

— Эдик... Эдик. Просыпайся! — теребя за плечо, будила Тома, спящего на диване Эдуарда. — Просыпайся. Будем завтракать. Андрей уже освободил ванную комнату. Выпил кофе и к всеобщей радости, под звуки аплодисментов ушел домой к мамочке. Отправляйся в душ теперь ты, превращайся в человека и живо на кухню. Мы тебя ждём.

Приподнявшись с дивана, Эдуард попытался встать, но мгновенно рухнул обратно.

— Тома, я сейчас не могу идти в душ. Я ещё пьян.

— Здрости, пожалуйста! С чего вдруг? Ты же нормальным был, когда меня провожал. Ну, признавайся, сам на сам потом ещё догонялся?

— Нет! Хотя, не помню... Помню пришел сюда. Покурил... Потом... еще покурил. И

пошел относить стулья в парикмахерскую. Ну, хотел на свежем воздухе побыть. А потом...

Он вспомнил, что было «потом». Что, где и с кем...

Надежда! Где она?

— Тома! А Надя сегодня вышла на работу? — внезапно спросил он, подумав, а вдруг это был всего лишь сон? Наваждение. И не было ничего. Их близости, их откровенных разговоров и... и снова близости. Но уже у него на квартире, куда он всё же отвёз Надежду. Ведь отвёз? Не причудилось же ему всё это так реалистично? Это было бы слишком жестоко, так в миг осиротеть и вновь остаться одному... Без нежной, ласковой женщины. Которая так внезапно открылась и покорила его.

За сегодняшнюю ночь, Эдуард увидел Надежду с совершенно другой стороны. Увидел... и познал. Раннимая и раненая. Но не сломленная, и с надеждой в душе. С блеском в голубых глазах, которые так больно смотрелись на лице, изуродованном ссадинами. Их скрыть Надежда не смогла, когда они с Эдуардом оказались в освещённом лифте, который отвёз на нужный этаж. Эдуард, увидев лицо Надежды, приложил усилия, чтобы промолчать. Потом заметив, как горестно-смущённо Надежда смотрит ему прямо в глаза, прижал её к себе и не выпускал, пока лифт не остановился, и дверцы его не распахнулись напротив двери в его квартиру. Они ещё долго не могли заговорить. Только прикасались друг к другу. Только дарить нежность.

Эдуард увлёк Надежду в душ. Потом в спальню. А когда она мирно уснула в его постели, он поцеловал её в плечо, выбрался из-под одеяла. Оделся и ушел. Она обещала никуда не уходить. И хотя покинуть постель, согретую такой тёплой женщиной, было сродни пытки, он ушёл. Долго бродил по улицам. Потом отправился на квартиру Тома и, найдя в холодильнике, с горла влил в себя то, без чего мысли лихорадочно скакали и били по сознанию. Сейчас он понимал, что водка не есть путь к истине. Но тогда это было единственное средство не совершить преступление.

Какое?

Он поймал себя на мысли, что не хочет делить Надежду с её мужем. И поскольку он понимал, что его отношения с чужой женой не имеют право на долгую жизнь, он чётко поставил себе цель заслужить любовь этой женщины. Укрыть от невзгод и оградить от проблем.

Её муж? Это единственная проблема. Других проблем он не видел. Ибо единение душ его и Надежды было так очевидно, что он удивился, почему раньше не заметил, как она прекрасна и как она ему нужна.

Наверное, у него натура такая. Ему женщина нужна, несмотря ни на какие обстоятельства. Вопреки всему. Но в отличие от Тома, с Надеждой он почувствовал себя удовлетворённым полностью. В первую очередь духовно. И хотя ещё очень рано говорить об их отношениях, Эдуард решил из своей жизни Надежду не выпускать. Будет сложно, но главное всё будет. Ведь самое сложное принять решение. А если оно принято, то всё возможно. Была бы цель, а способы её достижения найдутся.

— Надежда позвонила мне буквально пять минут назад, и предупредила, что сегодня не сможет выйти на работу, — удивлённо ответила Тома, на столь внезапный вопрос Эдуарда. — А почему ты о ней спросил?

— Тома, всё потом! — вскочив, крикнул Эдуард и помчался в ванную комнату.

Через десять минут он, вышел из душа, крикнул Любе и Вере, сидящим на кухне:

— Привет! Пока!

И быстро ушел из квартиры под всеобщее недоумение.

— Что это с ним?

— Понятия не имею, — растерянно ответила Тома Любе и налила себя кофе.

В этот же день девчонки разъехались по деревням. Тома обещала через неделю приехать погостить к сестре. Люба так и не догадалась, что в эту квартиру она больше никогда не вернется.

***

— Алло, Вера. Привет.

— Димка! Привет! Ты где?

— В аэропорту. К ночи буду дома. Дождешься? Или завалишься спать?

— Шутишь? Да я тебя до утра бы ждала! Да только я сейчас не в городе. Я у мамы. Нс завтра с утра выезжаю к тебе. Братишка, как я по тебе соскучилась!

— Я по тебе тоже скучал. Я пока звоню с автомата, сейчас заскочу в салон сотовой связи, куплю себе новую симку и завтра уже буду звонить со своего нового номера. Хорошо, что хоть твой номер у меня записан в записной книжке. Ну, что, тогда до встречи. Завтра увидимся.

— Димка! Подожди! Ты надолго?

— На пару недель. Плюс-минус пару дней.

— Здорово! А как гастроли?

— Всё замечательно. Приедешь, расскажу. Ну, всё пока. До встречи!

— Дима! Дима! Подожди! Ты сейчас на квартиру поедешь?

— Да. А в чём дело?

— Тут такое дело... Хотя, ладно. Увидимся и тогда поговорим.

— Неужели у тебя воздыхатель завёлся? Учти я ревнивый! Башку сверну твоему хахалю, если он мне не понравится!

— Нет-нет. Тут совсем другое.

— Что?

— Э... Я с отцом померилась. Была у вас в гостях. Отец зовёт переехать к вам. Так что осенью я буду жить в вашем доме.

— О! Это хорошие новости! Очень рад!

— Отец надеется, что и ты вернешься домой.

— Обсудим это, когда ты приедешь. Целую. Пока!

— Пока, братик!

***

Дима вышел из машины такси, сделал пару шагов к подъезду и невольно посмотрел на окна квартиры Тома. Ему показалось, что там новые занавески.

«Поменяла? — подумал он, — Или просто отсюда так плохо видно?»

Вошёл в подъезд и поднялся на нужный этаж пешком. Ключи от квартиры из кармана сумки достал еще на третьем этаже. С дверным замком проблем не возникло. Распахнул дверь и оказался внутри.

«Изменилось ли что за это время?»

Вроде, нет. Ну, вот только в холодильнике теперь не только полуфабрикаты, но и нормальная пища. Неужели готовить научилась? Прогресс».

Перекусив на ходу вкусеньким из холодильника, Дима зашел в ванную комнату и принял душ. Распаренное тело мечтало упасть в постель и проспять часов десять. Но прежде

чем отправиться спать, Дима достал из сумки бинокль и подошёл к окну на кухне.

Родные окна нашёл быстро. Только то, что там увидел, ему не понравилось. На балконе Тома курил молодой мужчина, который не стеснялся своего накаченного тела, от этого и не прикрывал его рубашкой или майкой. Рельефные мышцы голого торса взбесили Диму. Он заметил на бельевых верёвках висевшие джинсы и мужские рубашки. Прилагая усилия, Дима навел бинокль на окно кухни, но там никого не увидел.

Отставив бинокль на подоконник, достал сигареты и закурил. Спустя пару затяжек, из сумки была извлечена бутылка виски, купленная в Duty Free и тут же её содержимое, медленно стало перетекать в организм разгневанного мужчины. В окно он больше не смотрел. Спустя несколько сигарет, и когда до дна поллитровки оставалось совсем немного, выпил воды из-под крана и пошел в свою комнату. Чтобы упасть в постель и постараться забыть полуголого парня на балконе Тома.

Первое, что увидел Дима в полумраке, войдя в комнату, отсутствие на стекле его листа с надписью. Это его ещё больше разозлили. Дотянулся до выключателя, включил свет и замер. Его постель была расстелена. Более того, в ней кто-то спал.

— Не понял... Это ещё что такое?

Неожиданно одеяло подпрыгнуло и явило ту, кто до сих пор не была в курсе, что уже не единственная обитательница в этой квартире.

— Тома?

— Дима?

— Что ты тут делаешь? — задал он свой нелепый вопрос, и тут же изменил его на более глупый. — Меня ждала?

— Дима?

— Да, это я. А что ты делаешь в моей постели?

— Я не в твоей постели. Я просто тут живу. Временно.

— Временно, это пока мужик, что живет в твоей квартире, тебя не простит? И не пустит обратно?

— Какой мужик? За что меня прощать?

— Мужик, что голый по твоей квартире ходит! А прощать... ну, не знаю... За интимную связь на стороне.

— За какую ещё связь? Что ты такое говоришь?

— За какую связь? Тебе видней, за какую! Например, с Эдуардом. Или это он и был? Что-то я подзабыл, как выглядел на фото тот мужик, что тебя к себе на квартиру затаскивал. И катал по загородным дачам.

Растерянная Тома, присела на диване и, прикрывая свое тело одеялом, понять не могла, что происходит.

— Дима, ты вернулся?

— Не ждала? — он скинул банное полотенце с бёдер на пол и с размаху кулаком выключил свет. — Сейчас проверю, как ты тут жила.

— Ты, сдурел? — отбиваясь от грубых действий Димы, успела выкрикнуть Тома, прежде чем оказалась под тяжестью мужского тела. — Я так не хочу!

— О! У тебя есть заготовка, как меня достойно встретить? — борясь с преградой в виде одеяла, произнёс, почти рыча, Дима.

За что получил свою заслуженную, можно даже сказать, заработанную пощечину. Затем ещё одну и ещё одну. Ладони били по лицу, до тех пор, пока Дима не схватил руки Тома и

не прижал своими коленями к её бёдрам. Восседавая на Томе, он дышал как бык. Сердце его отбивало бешеный ритм. Но алкоголь от этого лишь с ещё большей скоростью распространялся по всему организму. Разум затуманивался, а действия становились резче. И грубее.

Дима почувствовал, что Тома всхлипывает спустя пару минут. И осознание того, что он насилует женщину, которая ему дороже всего на свете, пришло к нему не сразу.

— Тома... Боже, что ты со мной делаешь... Прости. Прости... — повторял он и поцелуями пытался исправить ситуацию.

Но это помогло лишь частично. С прекращением его агрессивных действий Тома затихла.

— Прости... Я тебя так сильно люблю, что ничего не соображаю от ревности.

— Я это заметила... — тихо произнесла Тома. — И ещё, что от тебя спиртным воняет и сигаретами. Мне это не нравится. Ты такого раньше себе не позволял.

— Ты права. Я стал много курить. Но зато пью не так много, как хотел бы.

— Тебя из группы выгонят за неспортивное поведение.

— Не выгонят. Я же не флагоносец в олимпийской сборной, а всего лишь барабанщик в музыкальной группе.

— Я сейчас почему ты здесь?

— На тебе?

— Нет! В России.

— А я подумал, ты спрашиваешь, почему я на тебе.

Она попыталась занять более удобную позу, но сместить Диму было невозможно. Он навалился, прижал своим телом и позволил лишь только дышать.

Уткнувшись в её шею, он, то ли целовал, то ли покусывал.

— Дима. Неужели ты вернулся?

Приподнявшись, он быстро нашёл её губы и завладел ими. Тело женское под ним расслабилось и только теперь он выпустил руки Томы из своих. Больше она его не била. Да и он не пытался силой взять то, что принадлежало всё это время только ему.

— Я соскучился, Томка.

— Пьяница, ты моя. Разве можно было так испортить нашу встречу?

— Я исправлюсь, — пообещал Дима, и поцелуи его переместились на её шею, и пошли дорожкой вниз.

— Исправишься... Я дам тебе второй шанс.

Она обхватила его голову руками и вернула своим губам его голодные губы. Его руки обхватили её покрепче и почти задушили.

«Как долго я тебя ждала...»

«Как долго я тебя ждала».

***

Разбудила Диму Вера. Она радостно что-то кричала, обнимала и целовала. Справившись с такой бурной реакцией сестры, он всё же попросил её выйти, чтобы иметь возможность выбраться из-под одеяла, одеться и более достойно принять радость сестры от его возвращения.

Когда Вера, прыгая и визжа от восторга, покинула комнату, Дима сообразил, что сумка с его вещами находится на кухне и, в любом случае, ему придётся сейчас воспользоваться тем самым полотенцем, которое лежало под диваном. Он его поднял, обмотал вокруг бёдер

и отправился на кухню.

— Димка! — вновь раздался крик сестры, и на этот раз уклоняться от её поцелуев он не стал.

— Верунчик! Мой, Везунчик! Ну, как ты тут без меня жила? Всё нормально?

— Нормально! А как тебе мой сюрприз? Как прошла встреча с Томой?

— А она сама тебе ничего не рассказала?

— Нет. Я её не видела.

— То есть?

— Я её сегодня ещё не видела. Может, она на работу пошла? Я пыталась ещё вчера до неё дозвониться, но у неё телефон в режиме «неаллэ». Да и сейчас тоже.

— Ты ей звонила?

— Да!

— И вчера?

— Ну, да! Я ж говорю, у неё телефон выключен со вчерашнего дня.

— Так... И что делать? — спрашивал Дима у себя. Подошел к окну, взял бинокль и посмотрел в окна Тома. На балконе теперь торчало двое курящих мужиков. — Я не понял... Что у Тома в квартире? Почему она живёт с тобой?

— У неё ремонт.

— Ремонт?

— Да, — растерянно, произнесла Вера и отобрала у Димы бинокль, чтобы тоже посмотреть. — Ух, ты! Какая у тебя игрушка. Ну, теперь мне будет чем по вечерам заниматься.

— Отдай сюда! Мелкая ещё для таких игрушек! — улыбнувшись, сказал Дима, выхватывая бинокль.

— Иди, одевайся, Старпёр! — тут же Вера нашлась с ответом.

Когда приняв душ, Дима вошел в комнату, он случайно посмотрел на окно и, остолбенев, увидел на стекле свой лист. Только он был прикреплен надписью вовнутрь и к его тексту был добавлен новый.

«Не отрекайся от меня

Найдёшь? И я тогда твоя»

Он улыбнулся и вышел из комнаты.

— Вера! Я завтракать не буду. У меня срочное дело. Если что, я на связи.

— На какой связи? Я же твой номер не знаю!

— Ах, да! Записывай!

Дима продиктовал номер и вышел из квартиры.

Но на работе Тому не обнаружил.

— Она сегодня не работает, — радостно улыбаясь, сказала Надежда.

— Но сегодня же, не вторник?

— Нет, не вторник. Но Тома теперь и по четвергам не работает.

— Надо же...

— Да. У нас тут много чего произошло в твоё отсутствие.

— И что именно?

— Да, так, — всё ещё улыбаясь, загадочно произнесла Надежда.

— Ну, ладно. Тогда я пошел.

— Рада была тебя видеть! — уже ему в спину крикнула она.

***

Дима подошёл к квартире Тома, хотел позвонить в дверь, но заметил, что та открыта.

— Тома!

На его призыв из комнаты вышел мужичок в строительном комбинезоне.

— Тебе чего?

— А Тома здесь нет?

— Нет тут никакой Тома. И никогда не было.

— Как это никогда не было? Тома — хозяйка квартиры.

— Парень, ты чего-то путаешь. Мы работаем на Романа Викторовича. Хотя... может, его жену зовут Тома? Но мы её пока не видели.

— Жену? — ошалело переспросил Дима.

— Так, парень, не мешай работать! Чай не в каменном веке живёшь, телефон для того и создан, чтоб в подобные истории не попадать. Иди, звони своей Томе, и выясняй её настоящий адрес. А нам не мешай работать. Тут точно её нет!

Выйдя из подъезда, Дима позвонил Вере и узнал номер Тома.

Позвонил.

«Телефон абонент выключен или находится вне зоны доступа сети».

Высказавшись нецензурно по этому поводу, Дима не заметил, как мимо него прошли в подъезд парень с беременной молоденькой женщиной. И он бы ещё долго так стоял, теряясь в догадках, что делать дальше, но неожиданно его окрикнул с балкона Тома тот самый строитель, который выпроводил с квартиры.

— Эй, парень! Ну, что, дозвонился?

Дима отрицательно покачал головой.

— Тут, Роман Викторович с женой пришел. Может, он что знает. Ты вернись в квартиру.

Последние слова Дима слышал, вбегая в подъезд. Однако разговор с Романом получился сбивчивый. Из него стало ясно, что это уже не квартира Тома.

— А вы через какую фирму совершали покупку? Может, в ней и Томе подобрали вариант?

— Через «Южные Ворота», что на пересечении Лермонтова и Пржевальского.

— Спасибо! — уходя из квартиры, крикнул Дима.

Но и там, в «Южных Воротах» его не обнадёжили.

— Ах, да... была у нас такая клиентка. Но мы ей помочь не смогли, — вспомнил один из риэлторов, после чего встал из-за стола, и незаметным жестом руки вывел Диму из кабинета. И уже там без свидетелей продолжил:

— А ты чего её ищешь? На бабки тебя, что ли кинула?

— Ещё хуже, — поняв намёк, на коммерческое стимулирование дальнейшего диалога, сказал Дима, и вытащил из портмоне тысячную купюру, и сразу же вложил её в карман парня. — Ты что-нибудь знаешь про неё?

— Знаю. Она моей клиенткой была. Только тебе к ней, как я понял, лучше не соваться. Странная с ней история произошла. До сих пор не понял, что это было. Когда мы ей стали подбирать варианты, приехал к нам в офис молодой мужик огромного роста и... В общем, мы были вынуждены отдать эту клиентку другой риэлтерской фирме. Только, как я понял, клиентка эта оказалась непростой, и для неё жильё подбиралось на особых условиях.

— На каких условиях?

— Ну, понимаешь, — почти шёпотом продолжил говорить парень, — денег у неё было немного, а домик ей подбирался совсем по другой цене. И разницу эту погашал, в тайне от неё, именно этот мужик-скала. Только я не смог найти то, что устроило бы этого мужика. И тогда он посоветовал мне порекомендовать моей клиентке другую фирму. Понимаешь? Мне даже была дана визитка нового для неё риэлтора из другой фирмы.

— Название фирмы помнишь?

— Помню. Только оно тебе без надобности.

— Почему?

— А нет у нас в городе риэлтерской фирмы с названием «Эдем». Я это уже потом понял. Когда клиентке отдал ту визитку... Клиентку с тех пор я не видел.

— Мужика этого можешь более подробно описать?

— Могу. Возрастом 30–35 лет. Огромного роста. Вежливый. Без наколок на видимых частях тела, но всё равно какой-то криминальный вид у него был. С короткой стрижкой. Ну, как-то так. Я почему не переживал за эту клиентку, мужик же этот реально бабки давал на покупку для неё более дорого жилья. Ну, я и решил, что он хахаль её. А она видимо из гордых, типа самостоятельная, не хотела от него финансово зависеть. Вот он и напрягался, пытаясь угодить ей. Так сказать, осчастливить против воли. Вот и всё, что я могу тебе сказать.

***

Новые подробности жизни Тома, Диму удивили. Он терялся в догадках, кто этот неизвестный «мужик-скала». Ведь помнил, что на тех компрометирующих фотографиях, которые были предоставлены, как доказательство бурной личной жизни Тома, был зафиксирован мужчина не такого огромного роста, как сообщил риэлтор. И волосы. У одного они были средней длины, у другого короткие. Значит это не Эдуард. Тогда кто?

Помочь мог только отец с его обширными связями.

Прихватив Веру, через час Дима был у отца. Встреча прошла тепло. Никто не выдвинул обвинений. Никто не стал идти по пути упрёков. Александр Фёдорович, оставшись наедине с сыном, объяснил, что относительно личной жизни Тома была дезинформация. Виновник наказан.

— Прости, сынок. Я виноват перед тобой.

— Принято. Отец, мне нужна помощь. Я не могу найти Тому.

— Как так, не можешь?

— Она продала квартиру и куда-то уехала.

— А в парикмахерской, что говорят?

— Сегодня она выходная.

— Ну, завтра съезди туда.

«Действительно, — подумал Дима. — Я завтра её найду».

Расслабившись, он выдохнул и, сбавив темп душевных терзаний, стал рассказывать о работе. Но спокойствие вечера длилось недолго. Через час, когда в их общество вернулась Вера, у отца зазвонил телефон. Взглянув на дисплей, Александр Фёдорович улыбнулся.

— Здравствуй, моя дорогая, — голос отца изменился до уровня нежного, а в сочетании с улыбкой, вид у него стал непривычным для его суровой натуры. — Рад тебя слышать. Как твои дела? А у меня радость. Сын вернулся. Да. Сейчас он у меня. И Вера тут. Тебя только не хватает. Приедешь к нам?

Дима не мог понять, с кем отец может разговаривать таким «человеческим» голосом. За

последние годы Александр Фёдорович был резок со всеми. Тем более с женщинами. К примеру, с матерью Димы, он в основном разговаривал на повышенных тонах и в основном, на тему «ты неправильно воспитываешь нашего ребёнка».

Дима посмотрел на Веру и тихо спросил:

— Он что, в моё отсутствие, себе любовницу завёл?

Вера едва подавила желание засмеяться. У Димы пискнул сотовый, оповещая, что абонент «Тома» снова в сети. Он быстро набрал её номер и к своему удивлению услышал короткие гудки. А потом предложение дождаться ответа или перезвонить, поскольку номер абонента занят.

— Не понял. Она с кем-то разговаривает, что ли?

— Надо же! — почти удивлённо произнесла Вера, — С кем-то разговаривает, а с тобой нет.

— На что ты намекаешь?

— Ну, она прям как ты. Только наоборот. Ты же тоже мне звонил, а ей, за период своей поездки, ни разу не позвонил. А она ждала. Страдала.

— Тебе-то откуда знать об этом? — Дима уже не сдерживался и говорил в полный голос.

— Знаю, — лукаво улыбнувшись, сказала Вера и пристально посмотрела на брата.

Неожиданно до Димы дошел обрывок фразы отца:

— Да, выясняют отношения. Теперь мой дом ожил. Тома, приезжай, пожалуйста, и ты к нам.

Диму как током ударило. Он вскочил с кресла, выхватил у отца телефонную трубку и крикнул в неё:

— Тома!

Возникла пауза. Спустя секунды тишины, в трубке раздался знакомый голос:

— Добрый вечер, Дима.

— Тома! Я тебя задушу! Ты где?

— И после этих слов, ты думаешь, что я тебе назову адрес?

— Так! Ты не придуривайся! Я тут с ума схожу, а она со мной в игры играет! Живо домой!

— А я, как бы и так, дома.

— Томка, я говорю, о том доме, в котором мы сегодня с тобой вдвоём ночевали!

— Ах, вот о чём ты. Извини, я просто сразу-то не поняла.

— Ты что, издеваешься? Говори, где ты? Я за тобой приеду!

— Ой, не знаю, я вообще-то на гастроли собралась, буду дома, не знаю когда.

— Твою мать! Какие ещё гастроли? Что ты придумала ещё?

— Ну, как же! Сейчас хороший парикмахер в цене. Так что буду колесить от города к городу и свой талант демонстрировать. А что? Это видимо очень доходное и увлекательное дело, раз ты вместо того чтобы со мной поговорить уехал за границу. Бросил меня и даже не догадался, что я в твоё отсутствие с ума схожу. Или это ты мне так мстил за то, что я на твои СМСки не отвечала? Напрасно. Я их в сердце берегу. А ответить не могла, поскольку боялась тебя с пути сбить. Боялась повлиять на твоё решение жить или не жить тебе с Лилей... А потом мне так тоскливо стало, что я себя возненавидела за то, что не знаю, что с тобой происходит? Думаешь ли обо мне? Хочешь ли возобновить наши отношения? Или я уже окончательно тебя потеряла? Мне эти вопросы не давали покоя, ни днём, ни ночью. Я

ругала себя за то, что гордой была и не позволила тебе остаться в моей жизни, на любых условиях. Потом меня отпускало, и я думала, нет, я всё правильно сделала. Ты должен был принять решение без моего участия... Ну, а это недоразумение с Эдуардом, я даже комментировать не хочу. Ты очень обидчивый. Я это поняла давно. Но пойми, я — не предатель.

Дима не нашел слов на признание Тома.

— Что же ты, Дмитрий Александрович, молчишь? Нечего мне сказать? Тогда я тебе скажу. Ты ошибся. Ты хотел уйти от проблем, а их стало ещё больше. Только они легли на мои плечи. Возможно, ты там, вдали от меня, тоже страдал. Но то, что было здесь со мной, я даже вспоминать не хочу... — Тома замолчала, перевела дух и призналась более мягким голосом. — А если честно, Дим, я очень рада, что ты вернулся... Дай мне срок, и я тоже вернусь.

Он ещё долго стоял, сжав телефон в руке, и думал о её словах.

Потом положил телефон на стол и внимательно посмотрел сначала на Веру, затем на отца.

— Вы можете мне объяснить, что происходит? Почему Тома позвонила тебе, отец? Что вас связывает? Почему она продала квартиру? Почему...

Его перебила Вера:

— Дима, а тебе не хочется спросить, как она жила без тебя? Просто, как она жила без тебя? Хочешь спросить? Не хочешь? А я всё равно отвечу. Она ночами рыдала, мне Люба говорила. Она первые дни вообще не ела. А после той истории с твоей фанатичной женой, мы с Любой, подумали она свихнётся.

— Какой истории? — встревожился Дима.

— У отца спроси! Я только финал знаю.

— Пап, что произошло?

Александр Фёдорович посмотрел на детей, тяжело вздохнул и опустил взгляд.

— Хорошо, я расскажу... Но вначале, хочу сказать, что благодарен Томе за одно то, что в мою жизнь вернулась Вера.

Признание отца Диму просто парализовало. Вера же отнеслась к этим словам спокойно. Она догадывалась, что Тома не просто так интересовалась изменениями в отношениях её и отца. Без покровительства и участия со стороны, таких изменений достичь было невозможно. Теперь же имя того, кто лоббировал интересы Веры, просто озвучили. И если для Веры это не было каким-то великим открытием, то её брат был очень удивлён... Но не так сильно, как после рассказа отца о выходке и преступном поведении Лили. Историю поведали Диме в сжатом виде. Без подробностей. Но даже этого хватило, чтобы загнать парня в ступор.

Расстроенный он выслушал отца и вспомнил о своём вчерашнем поведении. Как он был груб с Томой, что ей говорил, в чём обвинял. К тому же, на протяжении сегодняшнего дня, он неоднократно вспыхивал от приступов ревности. И если бы в этот момент Тома к нему приблизилась, он бы её испепелил своим гневом.

— Вы знаете, где она теперь живёт?

— Нет.

Признались оба и Дима им поверил. Под его истерзанным взглядом никто бы не смог сейчас соврать.

— Мне нужно побыть одному. Я поеду на квартиру, — тихо произнёс Дима и ушел.

Встревоженный за сына, Александр Федорович, позвонил Тимуру и попросил отвезти сына, куда он пожелает.

— Только сделай так, чтобы сын не отказался от твоего общества.

— Понял! — ответил Тимур, и пошел перехватывать Диму на выходе из дома.

***

В машине, в которой Тимур вёз Диму, было долгое время тихо. Закурив, Дима немного опустил стекло своей двери и спросил:

— Тимур, а ты не в курсе, где сейчас Лиля?

— В Минске.

— Точно?

— Да.

— Жаль... Мне хотелось бы с ней поговорить.

— Забудь про неё. Она уехала и не имеет желание возвращаться.

— Откуда знаешь?

— Имел сомнительное удовольствие с ней на эту тему разговаривать.

— Ясно, — выпустив струю дыма, тихо произнёс Дима и снова втянул в себя никотин.

— Дим, я рад, что ты вернулся. Мне как раз свидетель нужен.

Зная не понаслышке специфику работы Тимура, Дима напрягся:

— Свидетелем чего?

— Фу! Ты не о том подумал! Жениться я надумал.

— Ты!?

— Я!

— Удивил! И кто эта святая женщина, которая согласилась стать твоей женой? — искренне обрадовавшись за друга, улыбнулся Дима.

— Ну, чего ты так? Она нормальная. Была даже замужем. Детей, правда, нет.

— Я потрясён! И когда познакомишь с ней?

— Не знаю. Давай на днях что-нибудь придумаем?

— С удовольствием! Только...

Докурив, Дима посмотрел на Тимура и то ли от отчаянья, то ли от вновь нахлынувшей душевной боли произнёс:

— Тимур, мне нужно найти одного человека. Отец мне не смог помочь. Может, ты меня выручишь?

— Кого нужно найти?

— Молодую женщину, по имени Тамара. Фамилию её, к сожалению, не знаю. Предыдущий адрес проживания назвать могу. Держит парикмахерскую. В том же доме где была раньше её квартира.

Тимур притормозил и съехал на обочину, чем удивил Диму.

— Почему мы остановились?

— Это на меня так просьба твоя подействовала, — без эмоций в голосе сказал Тимур, смотря Диме в глаза. И в этот самый момент Дима понял, что смотрит в глаза именно тому, про которого риэлтор говорил — «мужик-скала».

— Ты знаком с Томой? — всё же уточнил Дима.

— Знаком, — сухо подтвердил Тимур.

— И какие у вас отношения?

— Нормальные. Я на позапрошлой неделе у неё на дне рождения был.

— Ты?

— Я.

— И... в качестве кого ты был в её доме?

Тимур, вспомнив, как Тома его представила бывшему мужу, усмехнулся:

— В качестве ангела хранителя.

Из последних сил Дима старался не двинуть кулаком Тимуру в лицо. Он потёр свою переносицу и достал очередную сигарету.

— Так это ты Томе дом помог купить?

— Откуда тебе это известно?

— Значит ты... Но зачем? Вернее, за какие такие заслуги?

— Дим, мы с тобой знаем друг друга давно, и тебе ли не знать, что у меня обострённое чувство справедливости.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А-то, что таких, как Тома ещё поискать. Я не мог допустить, чтобы из-за её благородства, осталось безнаказанно зло.

— Я не понимаю тебя.

— Она же от денег отказалась. От тех, что ей Лиля должна была в виде компенсации отдать, за то, что чуть не пришибла, когда в лес вывезла, ширнула снотворное и бросила одну. Тебе неизвестна эта история?

— В общих чертах. И всё же, каким боком ты в эту историю влез?

— Обычным. Просто именно я Тому в лесу нашёл, когда мы с бригадой выехали на её поиски. Потом именно я отвёз её домой. И так получилось, что только я знал, что она отказалась от денег Лили. Я очень заинтересовался Томой, как человеком, и навёл о ней обширные справки. Узнал про неё многое. Так же мне стало известно, что квартиру свою она намерена продать. Именно тогда я решил вмешаться и помочь ей купить хороший дом. Деньги на него, кстати, дала Лиля. Мне её даже убеждать не пришлось. Я только намекнул, что в противном случае... — Тимур замолчал и закурил. — Но даже не в этом дело. Я за последние годы много чего такого делал, за что жариться мне в аду. И тут она. Другая жизнь. И меня такая тоска взяла. Обидно, понимаешь. Хороший человек, а как-то всё у неё не устроено... Тянет лямку. Из кожи лезет всем помочь. А сама, как сирота. Мне её стало жалко... У меня сестра была... Ну, ты помнишь эту историю. Она погибла. И вот Тома. Такая же благородная альтруистка. Не мог я пройти мимо неё. Зацепила она меня своей человечностью. А потом, когда она, можно сказать, подарила мне надежду на личное счастье, так я, вообще изменил свое отношение к жизни. Я семью хочу. Детей. Дом с собакой. И гараж на две машины.

Не имея сил больше слушать его, Дима выкинул недокуренную сигарету в окно:

— Где сейчас живёт Тома? Можешь меня отвезти к ней?

— Могу. Прямо сейчас?

— Да.

Тимур вырулил на дорогу, развернул машину в обратную сторону и дал по газам.

— Дим, так ты свидетелем у меня будешь на свадьбе?

— ...Вряд ли.

— Ты опять уезжаешь?

— Пока не знаю. Что-то у меня настроение уезжать пропало совсем. Такое впечатление, что пока я там, жизнь моя проходит именно здесь. И проходит мимо меня. Ускользая, в

какую-то фатальную неизбежность.

— Что-то, Дим, ты совсем скис.

Ничего он не ответил. Достал ещё одну сигарету и нервно её прикурил.

Через пятнадцать минут, машина остановилась напротив добротного домика, который стоял за невысоким деревянным заборчиком.

— Это её дом.

Дима отстегнул ремень безопасности и посмотрел на неподвижно сидящего Тимура.

— А ты не пойдёшь?

— Нет. Зачем? Официально я не знаю где живёт Тома... Так что ты меня не выдай! И вообще, не говори ей, что дом куплен не только на её средства. Иначе она тут же его продаст, кинется возвращать деньги. А это никому не нужно. Лиле так уж точно. Да и мне не хотелось бы объяснять Томе, почему я поступил так, а не иначе. Пойми, никто не должен знать о моей причастности к этой сделке. Я согласился тебя сюда привезти, только потому, что знаю, какие отношения вас с Томой связывали. Знаю, что она будет рада тебя видеть.

— Знаешь?

— Знаю. Мне Ольга случайно проговорила. Они с Томой, как подруги, много чем делятся.

— А Ольга, это кто?

— Невеста моя, — растерянно произнёс Тимур. — Я с ней на дне рождения у Томи познакомился. И хотя ещё совсем мало времени прошло с момента нашего знакомства, я уже затащил Ольгу в ЗАГС. А чего тянуть? Если я вижу, что она именно тот человек, который мне нужен. Да и я ей приглянулся. Даже очень. К тому же, если честно, побаиваюсь я, что... Оленька про мою бурную трудовую деятельность чего-нибудь такого узнает и испугается связываться со мной. Пусть если и узнает, то потом. Потом, может, и не так всё будет неприглядно выглядеть. Потом, когда у нас будут дети и теплый чай в постель каждое утро.

— Чай?

— Ну, да. Я кофе не пью. И Ольга тоже. Представляешь? — улыбнувшись, сказал Тимур.

В душе у Димы опять всё перевернулось... но не вернулось на свои места.

— Ладно. Я пошел. Меня не жди, — протянув руку на прощание, сказал вновь оживший парень. — Пожелай мне удачи.

— Удачи тебе, Дим.

***

Тома доставала посуду из коробки, когда услышала, что входная дверь хлопнула. Она удивилась. Ведь, в принципе, никто не знал, что этот новенький домик, построенный почти у самого леса, по соседству с такими же коттеджами, уже тоже приобрёл хозяина. И уж тем более никто из друзей Томи не знал, что она теперь домовладелица.

Ключи от дома, она получила только сегодня. Накануне застройщик вывез последний строительный мусор, и теперь Тома, удовлетворённая приобретением, старалась влить в этот пустой дом хоть немного уюта. Из мебели у неё был лишь новенький, сегодня только купленный, надувной матрац, лежавший теперь в спальне. И на кухне стол с тремя стульями. Доставшийся видавший виды гарнитур, был наследием от строителей, которые столовались в доме за период отделочных работ. Свою мебель Тома либо выкинула, либо оставила новым хозяевам, пока те не ввезут в квартиру свою. Сестре она ничего в этот раз не отвезла. Вещи, которые, так или иначе, были ей нужны, собрала в коробки и, сославшись на опасения их утратить в период ремонта, перенесла в парикмахерскую. Сложила коробки одну на одну и

своей компактностью они совершенно не внесли хоть сколько-нибудь сомнений в мысли Надежды или Любы. Те так и не догадались, что у Тома грядут большие изменения в жизни.

Почему она не стала им говорить?

Из суеверия. Из сомнений. Из опаски, что кто-нибудь догадается, как ей тяжело, взять и перечеркнуть столько лет жизни.

И всё же она была счастлива.

Хотя поначалу и была удивлена, что ей предложили купить такой хороший дом. Новый. Просторный. С тремя спальнями. И пусть дом был на окраине города, размер земельного участка был просто фантастическим. Особенно, с учётом тех денег, которые были уплачены. Расстояние до парикмахерской, Тому не пугало. Прикинув свои финансовые возможности, она посчитала, что уже осенью сможет купить для себя автомобиль. Пока, конечно, в техническо-дизайнерском стиле «А бы не развалился». Но как говорить, надо же с чего-то начинать.

Прислушиваясь, Тома поставила на стол кружку, одну из тех, что купила сегодня днём.

Тихо. Никто не звал хозяёв. Не было слышно и шагов.

«Может, показалось?»

Или ветер захлопнул, случайно не прикрытую дверь?»

Тома не стала проверять, что за шум она слышала. Спустя пару минут прихватила опустевшую коробку и отправилась на улицу. Однако выйти не смогла. Дверь, к удивлению, была замкнута. Более того пропал ключ, до этого торчащий в дверном замке.

Ей бы испугаться или хотя бы запаниковать, но она не успела ни того ни другого.

— Туки-туки. Я тебя нашел, — раздался знакомый голос за спиной.

Коробка выпала из женских рук на пол, и в этот же самый момент крик вырвался, эхом разлетаясь по пустым комнатам дома.

— И чего ты кричишь? — спокойно спросил Дима.

Она уже смотрела ему в глаза, но поверить не могла, что всё это происходит в реальности.

— Как? Как тебе удалось меня найти? — растерянно, но радостно спросила Тома.

— Считай, что это, просто, чудо. Или фатум. Но факт остаётся фактом. И теперь я хочу получить заслуженный приз... Но поскольку объём нервов, потраченных на поиски твоей персоны, превзошел все разумные рамки, и этот объём не восполним, я не удовлетворюсь лишь сексом с тобой. Мне нужно больше.

— И чего же ты хочешь? — смотря прямо в его жгучие тёмные, почти чёрные глаза, спросила Тома.

— Как меня сегодня научили, нужно хотеть; семью, детей, дом, охраняемый собакой, и гараж на две машины.

— Обязательно, чтоб была собака? — улыбаясь, спросила Тома и на её плечи легли его руки. Но лишь на миг, поскольку Дима притянул Тому к себе и обнял.

— Я готов пойти на компромисс... Но только по этому пункту! — срываясь от радости, что в его руках, наконец, оказалась любимая, Дима приподнял её и поцеловал.

Крепко, страстно. И в этом поцелуе было столько же голода, сколько и сутки назад. С той лишь разницей, что теперь Дима не допускал и капли сомнений в реальность их дальнейших отношений.

В реальность их совместного будущего, согласно выше озвученных пунктов. За исключением собаки.

Хотя, именно собаку они завели на следующий же день.

На всё остальное Дима и Тома готовы были потратить всю оставшуюся жизнь, наслаждаясь каждым днём, прожитым вместе.

***

***

— Дима, я не понимаю. Ты же уже делал мне подарок на день рождения. К чему ещё и машину покупать?

— Я тебе делал подарок? Том, ты что-то путаешь. Я вообще до возвращения в Россию, не знал, что у тебя первого июля день рождения.

— Как, не знал? А кто же тогда мне подарил браслет? Сейчас я тебе его покажу, — она зашла в спальню, достала из комода коробочку, извлекла из него браслет, украшенный камнями красного цвета, и вернулась к Диме. — Неужели это не ты мне подарил?

Дима взял браслет покрутил его и, улыбнувшись, посмотрел на Тому.

— Его подарил не я. Но я его уже держал в руках.

— Неужели это подарок от Александра Федоровича?

— Нет, это не от отца. Он, так же как и я, не знал, что у тебя был день рождения. Вернее, он знал, но забыл. Ему была известно дата твоего рождения, но он со своей работой зашился, и как-то выпало у него из сознания, что есть такая простая вещь, как день рождения. Что это не просто строчка в досье. А праздник.

— Строчка, из какого досье? — напряглась Тома.

— Потом расскажу.

Дима улыбнулся, вспоминая, как на прошлой неделе случайно наткнулся на столе в кабинете отца, на тоненькую чёрную папку, в которой были собраны все данные о Томе. Работа у отца такая. Всё знать о нужном человеке. Папка была давно подготовлена. Давно отцом прочитана. От этого и подзабыты незначительные факты.

— Главное, подарок не от отца, — после паузы произнёс Дима.

— Тогда от кого?

Дима вернул браслет и потянулся за телефоном.

— Алло, Тимур, привет. Как море? Тёплое? Отлично. Тома привет передаёт тебе и Ольге... Хорошо передам. Тут одно недоразумение возникло, и я подумал, что ты можешь мне помочь... Почему ты? Ну, ты единственный кто знал, когда у Тома день рождения... А вопрос в том, кому ты всё же намеренно или случайно сказал, что у Тома первого июля день рождения? — Дима молча, слушал, а потом, подмигнув Томе, продолжил беседу с Тимуром. — Я так и подумал. Всё пока! Ольгу береги! Я как будущий свидетель вашего бракосочетания за неё переживаю... Нет, за тебя, нет! Ты в таких переделках побывал, что неделя на морском курорте, в обществе не только любимой женщины, но и будущей тёщи, для тебя, как слону дробинка! ...Ну, хорошо, как две дробинки! Всё, пока!

Дима отложил телефон и загадочно улыбнулся.

— Этот браслет при мне покупала в Праге мама.

Тома ахнула, поняв от кого подарок.

— Накануне твоего дня рождения Тимур вёз мою маму на ж/д вокзал. Она уезжала к сестре в Белгород. У них зашел разговор о тебе. Маму интересовало, как ты себя чувствуешь после той чудовищной Лилиной выходки. Ей было известно о тебе ещё до того, как... так сказать, ты оказалась не по своей воле в лесу.

— Она знала о нас?

— Я ей сам рассказал. Ещё до развода с Лилией.

— А можно узнать, что конкретно ты ей про меня сказал?

— Сказал, что ты чудо, — улыбнувшись, быстро признался Дима. — Так вот, мама, случайно узнав от Тимура, что у тебя скоро день рождения, сняла с руки браслет и попросила подарить тебе. Но поскольку она не хотела своим подарком тебя смущать, то попросила не разглашать имя от кого он. По крайней мере, до тех пор, пока наши с тобой отношения не приобретут больше конкретики.

— Я в шоке.

— Ну, с моими родственниками, по крайней мере, всё понятно. Они все тебя приняли. А что ждёт меня? Как твоя семья отнесётся ко мне?

— Поживём, увидим, — радостно ответила Тома. — Но предупреждаю сразу, поскольку у меня нет ни отца, ни братьев, ни даже зятя, тебе будет весело в чисто женском коллективе, когда мы всё же поедem к ним.

Дима сглотнул и после секунд раздумий предложил:

— Том, а давай ты их сюда пригласишь? С моей стороны можем пригласить отца. И...

— И, — перебила его, улыбаясь, Тома, — всю ту бригаду на двух внедорожниках, что меня в лесу искали!

— О! Отлично, — приняв её шутку за рациональное предложение, обрадовался Дима.

— Неужели ты боишься?

— Боюсь. Но только того, что не понравлюсь им, и они будут тебя отговаривать выходить за меня замуж.

— Не переживай! Они о тебе уже знают от Любы. А Люба умеет правильно расставлять акценты. Так что, мои родственники с тебя готовы пылинки сдувать.

— Ты уверена?

— Да, Дима.

— Ну, ладно. Тогда, когда они приедут, обойдёмся отцом и только половиной его людей.

— А куда же мы их посадим? Стол нужно будет большой купить.

— Купим! Хотя можем и в ресторане встречу организовать.

— Не надо. Мама моя так уж точно этого не поймёт.

— Том, а сестре твоей сколько лет?

— 39.

— О! У меня на работе, как раз пару менеджеров неженатых её возраста есть.

— Ты хочешь Ксюше жениха найти?

— Если честно, я хочу себе родственника, выпивающего по праздникам найти.

— Во-первых, Ксюша столько натерпелась от мужа-алкоголика, что вряд ли сойдётся с выпивающим. А во-вторых, как мне помнится, ты ограничен в употреблении спиртного. И сигарет!

— Я помню, Том. Не переживай, наши дети родятся здоровыми. И если для этого мне нужно поедать баклажаны, я буду их есть.

— Почему баклажаны?

— Это я к примеру. Просто, я их терпеть не могу.

— Я тоже, — улыбнувшись, призналась Тома, подошла к Диме и сразу оказалась в его объятьях.

— Видишь, у нас с каждым днём всё больше и больше общего.

— Это точно!

***

Эпилог

Люба в сентябре вернулась в город, чтобы продолжить учёбу. Тома поселила её в отдельной комнате своего нового дома. Однако через год племянница вышла замуж за парня из родной деревни. Молодожёны сняли квартиру рядом с институтом Любы и переехали жить отдельно. Как оказалось, симпатия между Любой и её соседом Алексеем, возникла давно. И лишь вернувшись из армии, парень отважился признаться в своих чувствах и не позволить Любе увлечься другим.

Алексей пошёл работать водителем на скорую. И уже через год поступил в мед. колледж на заочное отделение. Денег им, на удивление Тома, всегда хватало. Но она всё равно первое время старалась финансово помочь молодожёнам.

Вера всё же вышла замуж за Даниила. Но произошло это спустя несколько лет. Когда парень окончательно перестал шарахаться её сурового отца и перспективы оказаться вывезенным в тёмный лес за одно то, что осмелился полюбить дочь такого уважаемого в криминальных кругах человека.

Из группы Дима ушёл. Помог Томе открыть салон красоты. Название для которого выбрал сам — «Кудесница». Тома не сопротивлялась. Лишь улыбнулась, услышав такое родное слово. Сам же Дима полгода работал в риэлтерской фирме. Потом создал свою. Назвал её «Эдем». Тимур, когда об этом узнал, попросился к нему на работу. И сразу же был нанят на должность зам. директора. И хотя, как таковых навыков у Тимура не было, он очень быстро освоился и стал действительно правой рукой Димы.

Только через два года Тома смогла забеременеть, и то благодаря ЭКО. Более традиционным способом достичь зачатия не удалось. Опасаясь потратить драгоценное время на дальнейшие безрезультатные попытки, Тома с Димой и прибегли к помощи медиков. Замечательные двойняшки мальчик и девочка родились здоровыми и были очень долгожданными. Мама Тома и Ксюша с дочками переехали в город лишь, когда возникла необходимость помогать Томе с новорожденными. Дима купил для родственниц соседний коттедж и в скором времени оценил все преимущества такого соседства.

На период пока Тома занималась детьми, салоном красоты занималась Люба. И делала это настолько хорошо, что вернувшись к рабочему ритму, Тома для Любы открыла филиал своего салона в другой части города.

У Эдуарда через год родился сын, а ещё через год Надежда подарила ему и дочь. Они поженились не сразу. Во-первых, было сложно добиться развода для Надежды. А заполучив его, она долгое время не решалась вступить в новый брак. Но при этом без колебаний поселилась у Эдуарда после того, как он её случайным образом обнаружил в парикмахерской в день рождения Тома. И с того самого дня она исполняла роль и обязанности его жены. А он её мужа.

За месяц до рождения первого ребёнка, Надежда уволилась и больше парикмахером никогда не работала, а занималась только своей новой семьёй. Несмотря на все страхи и сомнения она вновь полностью доверилась мужчине. Судьба была к ней в этот раз милостива и больше Надежда никогда не испытала насилие и страх перед мужчиной.

Однажды Эдуард спросил её:

— Надя, как же ты так быстро согласилась на предложение жить у меня?

На что получил её признание:

— Эдик, какой же ты слепой. Неужели ты ничего так и не понял, насчёт меня и моего отношения к тебе? ...Не понял? — он лишь пожал плечами. — Ну, тогда так и продолжай думать, что я тебя полюбила только после той нашей первой ночи в парикмахерской.

Она уже хотела встать с постели и идти на кухню готовить завтрак, но Эдуард её схватил, подмял под себя, и пристально смотря в её голубые глаза, спросил:

— И как давно ты меня полюбила?

— Давно. Настолько давно, что и не вспомню, когда всё это началось. Но помню, как завидовала Томке, когда ты приезжал к ней.

— Милая моя, неужели ты ревновала меня?

— Нет, — утаила истину Надежда, и улыбнулась. — Я же не имела на это право. Я просто ей завидовала и не понимала, как можно такого мужчину не ценить.

— Надя... Почему же ты ещё тогда...

Он не знал, как спросить и замолчал. Прижал её крепче к себе и поцеловал. Ведь сам ничего не заметил и не понял раньше. Да и заметь тогда такое нежное отношение к себе со стороны замужней женщины, он бы скорее всего отшатнулся от неё. Значит, всё случилось в назначенный судьбой срок. Ни раньше, ни позже.

До счастья порой необходимо дорасти. К сожалению, чаще всего, дорасти приходится размером пережитых страданий. Иначе можно, не разглядев, пройти мимо, так и не поняв, что именно это твой человек, данный тебе кем-то свыше для достижения наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения. Проще говоря, именно этот человек дан тебе для счастья.

А ты, в свою очередь, и есть его счастье.

Больше книг на сайте - Knigolub.net